

Работаютъ супруги вмѣстѣ: „мужъ косить—жена подгребаетъ, мужъ жито скашиваетъ—жена снопы вяжетъ, а дома мать наварить за это время обѣдъ; а коли жена одна и нѣтъ у нея по дому помощницы, то она встанетъ по утру рано, подоить коровъ, сварить обѣдъ, замкнетъ на ключъ курень и поѣдетъ къ мужу въ поле. А то бываетъ и такъ: живутъ мужъ съ женой въ полѣ по нѣскольку дней, тамъ себѣ и пищу готовить.“ Впрочемъ въ низовыхъ станицахъ у зажиточныхъ казаковъ къ женамъ нерѣдко нанимаютъ прислугу. Но въ ст. верховыхъ, по словамъ казаковъ, „хоть и богатъ казакъ—все же жену не заставитъ сидѣть подъ окошечкомъ.“ Кромѣ полевыхъ работъ, предметомъ особыхъ заботъ казачки — домашнее хозяйство: „мужъ въ домашнемъ ничего не знаетъ, это женино дѣло, а домъ-то—дѣло большое!...“ Особенно много дѣла казачкѣ во время отсутствія мужа на службѣ. Вотъ что напр. рассказываетъ г. Шкрыловъ о казачкахъ задонскихъ ст. Черкаскаго округа. Во время нахождения мужа на службѣ, всѣ мужскія работы и обязанности по хозяйству исполняетъ оставшаяся дома жена; большинство изъ казачекъ сами орутъ землю, сѣютъ хлѣбъ, косятъ сѣно, производятъ рыболовство, и многія изъ нихъ занимаются даже мастерствомъ по устройству рыболовныхъ сѣтей и земледѣльческихъ орудій: поддѣлать изломавшуюся въ возу ось колеса и т. п. казачкѣ ничего не стоитъ. За такой трудъ, за „незабываніе мужа на чужой сторонѣ, за тихое и хорошее поведеніе“ казачекъ благодарятъ мужья въ письмахъ изъ полковъ и подарками, которые они привозятъ при возвращеніи со службы (индіановыя шали, платки, платья, ленты; серьги и пр.) (Д. О. В. 1876 г., № 44) *).

*) Вотъ какъ добрыя отношенія между супругами рисуются въ казацкихъ пѣсняхъ:

Но сплошь и рядомъ однако въ казачкомъ быту Ссоры супру-
мужъ съ женой живутъ „несогласно“, въ постоянныхъ ссорахъ. Относительно ссоръ между супругами вообще
говъ.

1.

Черезъ рѣчущку, черезъ быструю
Тонка жердочка лежитъ,
По этой жердочкѣ, по этой тоненькой,
Милъ сердечный другъ ишелъ:
Обломилась жердочка, обломилась тонкая:
Мой миленькій потонулъ .
Пришла Аннущка, пришла лапущка
Ко быстрой рѣчущкѣ.
Стала Аннущка, стала лапущка
Быструю рѣчущку проклинять:
Чтобъ тебя, чтобъ тебя, быстрая,
Хрищемъ—пескомъ заволокло
Стала Аннущка, стала лапущка
У быстрой рѣки спрашивать:
Каково тебѣ, рѣчущка, каково тебѣ, быстрая,
Подъ желтымъ пескомъ лежать?
Таково то Аннущкѣ, таково лапущкѣ
Безъ милаго друга жить. (Сав. с. 159).

2.

Кабы знала я, молода, вѣдала,
Не хотила бы по вѣкъ замужъ,
Не теряла бы свою золоту казну,
Не лила бы я себѣ золотой вѣнецъ,
А слила бы я себѣ золотыя крылышки,
Полетѣла бы я, млада, въ армию,
Сѣла бы я, млада, среди круга
Угадала бы я своего друга милаго.
На моемъ миломъ три примѣтушки:
Первая примѣтушка—кудри черныя,
Вторая примѣтушка—брови высокія,
Третья примѣтушка—глаза развеселые (ibid. стр. 154).

Во время отсутствія мужей въ полкахъ казачки гадаютъ о нихъ
по мѣсяцу. Въ лунную почъ гадальщица глядитъ на ясный лѣвъ мѣ-
сяца: „и мерещится ей что проходить черезъ мѣсяцъ весь казачій
полкъ, казакъ по казаку, всѣ радостны и веселы... Позади только

мнѣ доводилось отъ самихъ казаковъ слышать слѣдующее: „мужъ съ женой часто дерутся, таковъ ужъ обрядъ у насъ: иной радъ бы не тронуть, да противъ волюшки тронетъ жену-то“, или „вотъ и въ пѣснѣ донской у насъ говорится тоже:

Братъ у сестры въ гостяхъ побывалъ.
Пошла сестра брата провожать
Черезъ три поля,
На четвертомъ полѣ остановилась,
Стала брату жалиться:
Вотъ меня вечеръ
Сильно мужъ мой билъ;
А братъ сестрѣ сталъ втолковывать:
А и гдѣ-же, сестра,
Мужья женѣ не бьютъ,
Я вотъ самъ, сестра,
Свою жену побилъ.“ (запис. въ ст. Еланской *).

всего полка, что называется въ хвостѣ его, показывается ея желанный—пѣшій, усталый и черный, какъ залуха“... (I. с. р. 24).

„Добрая“ жена считаетъ своей обязанностью сохранять вѣрность даже не любому, но законному супругу. Вотъ какъ объ этомъ поется въ пѣснѣ:

3.

Молодецъ красну дѣвицу уговаривалъ:
Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь, красная моя,
Что выдалъ тебя, дѣвицу, за вѣрнаго слугу;
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ миленькій дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю стлать, со мною вмѣстѣ спать.
Что возговорить дѣвица доброму молодцу:
Кому буду ладушка, тому миленькій дружокъ,
Подъ слугу буду постелю стлать, со слугою вмѣстѣ спать (I. с. р. 145).

4.

Всѣ полки домой идутъ;
Какъ и всѣ письма шлютъ,
Какъ мой-то милой мнѣ письма не шлетъ, да и самъ нейдетъ.
Какъ прислалъ мнѣ черную рубашечку:
Въ рубашечкѣ бѣлая бумажечка,
Въ бумажечкѣ написано три словечка:

*) Сравни. Савел. „пѣсни“ № 29.

„И жены же у насъ задорны, сказывали казаки въ другихъ мѣстностяхъ: сами онѣ воюють съ мужьями; у ней иной разъ хотъ и носъ въ крови, а все думаетъ: авось либо верхъ возьму“. (Верхнекурм. ст.).

До ссоръ между супругами обыкновенно никому нѣтъ дѣла: „ночь темная посудить и помирить—такъ ужъ у насъ по казачеству завелось“ (Караичев. хуторъ). „Чужой домъ—темная крыша“ (Чернышев. ст.). Отъ чрезмѣрнаго проявленія гнѣва мужей казачки ищутъ защиты у своихъ родныхъ, къ которымъ онѣ и уходятъ, если буйства мужа превысятъ ихъ терпѣнiе, или же обращаются въ станичный судъ, хотя подобныя дѣла далеко не всегда доходятъ до разбирательства послѣдняго, кончаясь еще ранѣе миромъ. Дѣло въ томъ, что около станичной избы по праздникамъ, т. е. въ дни разбирательства дѣлъ, толпятся всегда казаки. Они-то и уговариваютъ поссорившихся супруговъ примириться. Въ хуторахъ ту же роль третейскихъ судей и примирителей играютъ старики-сосѣди и хуторской атаманъ. Но когда дѣло миромъ не удалось окончить, оно разбирается станичными судьями.

„Ты побань, Дуня, черную рубашечку
„Не въ быстрой рѣчкѣ, не въ колодцѣ.
„Ты побань, Дуня, своєю горячею слезой!
„Ты высуши ее, Дуня, не на жердочкѣ, не на грубочкѣ,
„Ты высуши, Дуня, на своихъ грудяхъ бѣлыхъ,
„Выкатай, Дуня, на своихъ рукахъ бѣлыхъ! (I. с. р. 154).

5.

Ужъ я былъ молодець во семи клѣткахъ,
А въ восьмую клѣтъ заглянулъ только,
А въ восьмой клѣти образа стоятъ
Образа стоятъ, свѣчи теплятся
Молодая вдова Богу молится:
Ты пошли, Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, громову стрѣлу,
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу:
Подыми моего друга милаго! (I. с. р. 153).

которые судятъ, „глядя по человѣку“. Когда отношенія между супругами черезъ мѣру обострились, то станичные судьи нерѣдко оттягиваютъ дѣло, „пока остынетъ казачье сердце“, а потомъ склоняютъ на миръ. Мировыя сдѣлки въ подобныхъ случаяхъ записываются (но не всегда) въ книгу при станичномъ правленіи: въ нихъ либо обѣ стороны даютъ письменно обѣщаніе не ссориться, либо одинъ мужъ обязывается не бить жену. Въ другихъ случаяхъ судъ просто приказываетъ мужу не бить жену, а женѣ слушаться мужа, (или постановляетъ: „строго приказать обоимъ вести жизнь согласную, а отца обязать подпискою имѣть строже наблюденіе за ними“, или такъ: „внушить имъ на полномъ станичномъ обществѣ“ и т. п. Иногда мужъ наказывается арестомъ на 7 сутокъ или денежнымъ штрафомъ до 3-хъ рублей. Кромѣ того казачки жалуются и въ мировой судъ.

Однако буйный нравъ мужа и отсутствіе взаимной склонности супруговъ — какъ послѣдствіе насильственныхъ браковъ — суть главные причины того, что нерѣдко положеніе казачки дѣлается невыносимымъ и въ казачьей семьѣ разыгрываются отвратительныя сцены грубыхъ насилій и жестокихъ расправъ, чинимыхъ казаками надъ своими женами, влекуція за собою въ лучшемъ случаѣ расходъ супруговъ на отдѣльныя жительства, а нерѣдко кончающіеся даже умерщвленіемъ одного супруга другимъ.

Истязанія
женъ казаками. Часто „мужъ пьянствуетъ, развратничаетъ, тиранитъ бѣдную женщину, подвергаетъ всевозможнымъ истязаніямъ, пока не приводитъ ее въ могилу или же, истощивши всѣ силы развратной жизнью, самъ туда же не отправится“. (Д. О. В. 1875 г., № 17). За всякую, даже самую малую ошибку жена подвергается, со стороны свирѣпаго мужа, ударамъ казачьей нагайки. „Я знаю, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей быта — я знаю, какъ одинъ мужъ, схвативъ жену за волосы и положивъ голову ея между своихъ колѣнъ, билъ плетью до тѣхъ поръ, пока она не потеряла силъ и сознаніе и не пере-

стала кричать. Мужъ при этомъ не находился подъ вліяніемъ вина, онъ дѣлалъ свое дѣло съ полнымъ сознаниемъ и расчетомъ, какъ педагогъ, наказывая ученика, ставитъ его въ уголъ. И не подумайте, что жена тяжко провинилась: вся вина ея была та, что она не сѣумѣла угодить свекрови, которая во время бичеванія ея невѣстки, сидѣла со своимъ старикомъ тутъ же подъ окномъ, и оба чуть не съ наслажденіемъ смотрѣли, какъ ихъ сынъ „училъ“ жену свою. Я видѣлъ, какъ мужъ, побивши вдоволь свою жену въ комнатѣ среди бѣла дня и среди станицы, вывелъ ее на улицу и тутъ же началъ хлестать кнутомъ чуть не по обнаженному тѣлу, при чемъ окружающая толпа казаковъ, смотря на эту картину, групо острила, дѣлая свои замѣчанія объ обязанностяхъ женъ и мужей“ (Д. О. В. 1874 г., № 37). Въ другомъ мѣстѣ является на судъ искалѣченная женщина — казачка „безъ слуха, до послѣдней степени изнеможенная — живой мертвецъ и объясняетъ, что она пришла къ такому поражающему упадку физическихъ силъ отъ истязаній мужа... Мужъ и на судѣ обращался съ женой дерзко, съ крикомъ и съ интонаціей, явно уничтожающей и унижающей, не смотря на неоднократныя замѣчанія предсѣдательствующаго, говорить тише и вѣжливѣй. Судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь, въ мѣста не столь отдаленныя съ послѣдствіями по 26 ст. ул. о нак. и сверхъ того подвергнуть его церковному покаянію, по усмотрѣнію духовнаго начальства. На другой день состоялась мировая сдѣлка: жена выговорила выгодныя средства къ жизни и отдѣльное жительство отъ него. Самъ законъ объ истязаніи очень растяжимъ, и большая часть подобныхъ дѣлъ оканчивается тѣмъ, что судъ признаетъ лишь побои и тогда остается несчастной женѣ обратиться въ мировой, станичный и волостной судъ, гдѣ дѣло въ самомъ лучшемъ случаѣ можетъ окончиться мѣсячнымъ или двухмѣсячнымъ арестомъ“ (Д. О. В. 1880 г., № 69). Изъ ст. Каменской сообщали о нанесеніи Павломъ Павленковымъ женѣ смертныхъ побоевъ. „По показанію

свидѣтелей эти поврежденія были ужаснѣйшія. Не говоря уже о томъ, что покойница была вся синя отъ побоевъ,—по изслѣдованію врача, у ней оказалось изрядное количество переломанныхъ костей. Мотивъ преступленія въ сущности тотъ, что „жена моя и что хочу, то и дѣлаю съ ней“ (Д. О. В. 1880 г., № 40). Одинъ возмутительный случай истязанія жены, бывшій въ ст. К—ой, сообщаетъ г. Н. Донецкій. Молодой казакъ, говоритъ онъ, „женился по приказанію своихъ родителей на молодой дѣвушкѣ, которая ему не нравилась. Онъ тиранилъ ее и когда ей стало нестерпимо, то она ушла тайно къ своему отцу. Но свекоръ и мужъ пришли за ней, привязали на бичеву и преспокойно потащили къ себѣ. Истощенная отъ потрясенія, она падаетъ на землю, но мучители волокутъ ее по землѣ. Нашелся добродѣтельный человекъ, отнялъ жертву, а ихъ отправилъ въ станичное правленіе. Одинъ изъ судей при разборѣ дѣла замѣтилъ: если бы ты была моя сноха, я бы тебѣ на одну ногу всталъ, а другую прочь оторвалъ, чтобы ты не могла бѣгать. Постановили водворить ее снова въ домъ мужа, впрочемъ съ тѣмъ, чтобы онъ лучше обращался съ ней, а то „чего добраго—дѣло дойдетъ до высшаго суда, тогда вамъ будетъ плохо“. (Д. О. В. 1875 г., № 17).

Можно было бы привести множество случаевъ, подобныхъ упомянутымъ, въ которыхъ казачка дѣлается жертвой дикаго нрава мужа. Не мало существуетъ и казачкихъ пѣсенъ, въ которыхъ описывается горькая участь жены. Вотъ примѣръ:

Мой миленькій ѣдетъ съ поля:
 Привязалъ онъ коня за подворье,
 А самъ зашелъ ко мнѣ, раздушечкѣ, въ гости.
 Помогился правою рукою,
 Поклонился буйной головою:
 „Ты здорова, мое тѣло бѣло,
 „Отчего ты на личико блѣдно?
 „Или я тебя по личяку ударилъ?“

— Ударилъ, разсукивъ сынъ, варваръ,
Ударилъ—здоровьще сбавилъ:
Я умру, я жива не буду;
Вырой ты мнѣ яму глубоку,
А гробницу сдѣлай дубовую....

(Секретевъ Д. О. В. 1875 г., № 81).

Женщины „покорливыя“ или же обладающія характеромъ мягкимъ и слабымъ подчиняются безпрекословно своей горькой судьбѣ, подобно тому, какъ это выражено въ слѣдующей казацкой пѣснѣ:

Ой, тошно тому, кто не миль кому,
А тошнѣй тому, кто любитъ кого:
Онъ не пуститъ сподъ сѣдла добра коня,
Изъ стременунки ножея не вынаетъ,
Онъ тихохопьео рѣчи продолжаетъ:
„Чи спишь, мой другъ, то Господь съ тобой,
„А не спишь мой другъ, говори со мной!“
Рада бы мой другъ, говорить съ тобой,
Да немилый мужъ на рукѣ лежить.
„Отвернись, мой другъ, отъ нелюбаго,
„Я нелюбаго убью, какъ голубя.
Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ съ нелюбымъ вѣкъ проживать,
А съ тобой, мой другъ, одну ночь ночевать,
И ту-то всю во страсти пролежать (Сав. с. 156).

Исходъ изъ своей тягостной участи такая казачка находитъ развѣ только въ самоубійствѣ (отравленіе), которое, по словамъ г. Краснова, встрѣчается въ казачьемъ быту нерѣдко (I. с. р. 425). За то натуры сильныя, энергичныя и „непокорливыя“ громко и смѣло заявляютъ свой протестъ противъ семейныхъ оковъ, связывающихъ ихъ, и нерѣдко измѣняютъ въ вѣрности мужу, обзаваются любовникомъ и начинаютъ „гудять“. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ пѣснѣ:

Охъ ты, Дуня, Дуняша,
Зародилась несчастна,
Я не знаю, какъ же быть,
Какъ на свѣтѣ тебѣ жить:
Отвѣз Дуню больно билъ,
Уму разуму училъ,

Да не выучилъ,
Только вымучилъ:
„Будь ты шельма не моя,
Соплю тебя со двора,
Найду тебѣ жениха,
Я стараго старика —
Девяносто лѣтъ“.
Свѣта бѣлаго отстану,
Любить стараго не стану
Я такой грѣхъ сотворю,
Что стараго уморю:
Одна буду жить,
Молодыхъ любить.... (Сав. с. 169).

Измѣны супру-
жеской вѣрно-
сти.

Измѣны супружеской вѣрности въ казацкомъ быту, вообще говоря, весьма не рѣдки. Долгая разлука мужа и жены, одно изъ неизбѣжныхъ условій военнаго быта казаковъ, способствуетъ этому; противъ искушенія не выдерживаетъ иногда и „добрая жена, любящая своего мужа“. Еще Самуилъ Георгъ Гмелинъ, путешествовавшій по Россіи во второй половинѣ прошлаго вѣка (1768—69 гг.) говорилъ: „тамошнія (т. е. казацкія) женщины, какъ сказываютъ, весьма склонны къ любовнымъ дѣламъ“ (изд. въ Спб. 1806 г., ч. I, стр. 260). „Иамѣна жены мужу очень обыкновенное дѣло въ нашемъ казачьемъ быту, говоритъ одинъ изъ современныхъ изслѣдователей народнаго быта. Казакъ женится рано, также рано достается ему очередь на первую полевую службу. Молодайка не успѣла сжиться съ мужемъ и привыкнуть къ обстановкѣ его семьи и вдругъ обречена на невольное вдовство. Соблазна много“ (День 1863 г., № 49). Иногда беспомощность казачки при веденіи хозяйства въ отсутствіи мужа наталкиваетъ ее, по словамъ г. Шкрылова, на грѣхъ и заставляетъ ее измѣнять супружеской вѣрности: является ухаживатель со своими весьма не лишними услугами — сѣть ей хлѣбъ, бакчу, косить сѣно, пашеть и т. п., за что она его и награждаетъ своимъ расположеніемъ (Д. О. В. 1876 г., № 50). И вотъ нерѣдко казаки, находясь далеко

отъ роднаго края въ полкахъ, получаютъ изъ дома письма, въ которыхъ либо родственники, либо знакомые сообщаютъ имъ о невѣрности ихъ жены. Въ подобномъ случаѣ жену по возвращеніи казака ожидаютъ вмѣсто гостинцевъ побои. Но часто жена, „научившись плутовать—научится и колдовать“ и ко времени возвращенія мужа съумѣетъ скрыть всякіе слѣды своихъ преступныхъ связей или же постарается отвести мужу глаза. Такъ напр., по словамъ пѣсни, возвратившемуся изъ похода казаку:

Начала то мать жалиться:
А жена твоя во распутъ пошла,
Во распутъ пошла, горька пьяница,
И зеленый садъ засушенный весь,
А широкій дворъ засоренный весь,
Всѣ конюшеньки порастворены
И всѣ коники позаѣзжены... (Сав. I. с. р. 53).

Казакъ спрашиваетъ жену:

Идѣ, жена, кобыла?
— Я на гору проводила...
Идѣ, жена, корова?
— Я въ стадушку прогнала.
Идѣ, жена, скирдъ овса?
— Насходила тамъ гроза,
— Зажигала скирдъ овса.
Съ чего, жена, бѣлая?
— Мыломъ бѣло вымылась.
Съ чего, жена, румяна?
— Противъ жара стояла.... (I. с. р. 55).

Но въ другой пѣснѣ „лихая“ жена на вопросы мужа, не прибѣгая къ уловкамъ, прямо и дерзко отвѣчаетъ такъ:

Продала я кобылу —
Набрала я румяны;
Продала корову —
Набрала я бѣлыы;
Продала я скирдъ овса —
Набрала я струменту.

или:

И за всё то пять годовъ.
Я любила русаковъ (ibid.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Задонскихъ ст. Черкаскаго округа, на супружескую невѣрность „вообще станичные жители смотрятъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ“ (Д. О. В. 1876, № 44). Въ старину здѣсь, если узнавали о противузаконной любовной связи, то ловили виновныхъ, связывали затѣмъ рука съ рукой и водили по станицѣ съ барабаннымъ (въ жестяной казанъ) боемъ (ibid.). Существуетъ у казаковъ обычай въ наказаніе невѣрной жены—„не принять отъ нея поклона“, что происходитъ публично. Когда возвращаются казаки со службы, то вся станица выходитъ ихъ встрѣчать за околицу. Жена, при приближеніи мужа, кланяется ему въ ноги, а онъ или поднимаетъ ее и цѣлуетъ, или, если узналъ, что она ему была не вѣрна, проходитъ мимо, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ее. За этимъ публичнымъ опозореніемъ слѣдуютъ побои, которые происходятъ уже въ куренѣ (со словъ С. Ф. Номикосова).

Зато въ другихъ мѣстностяхъ, какъ мнѣ довелось лично отъ казаковъ слышать, на грѣхи женъ за время отсутствія мужа смотрятъ болѣе снисходительно. Иной казакъ ограничивается лишь побоями, а затѣмъ прощаетъ жену, а другой даже и небольшо бьетъ: „дѣлаетъ видъ только что бьетъ, чтобы родители не осудили“. Даже если у жены есть незаконный ребенокъ, то вернувшійся казакъ принимаетъ его къ себѣ, какъ роднаго сына.

Иной разъ казакъ разсвирѣпѣетъ, наказывая невѣрную жену, тогда товарищи его по полку уговариваютъ его, напоминая, что вѣдь и онъ не былъ вѣренъ женѣ: „когда жена виновата, то мы, казаки, того болѣе“ (зап. въ Верхнекурм. ст.). Казаки ст. Гниловской въ бесѣдѣ со мной такъ разсуждали: „конечно, и у насъ есть такіе, что женъ страшно бьютъ за невѣрность во время своей полевой службы; а мы думаемъ такъ—кто Богу не грѣ-

шень: зеленый виноградъ не сладокъ, молодой разумъ не крѣпокъ, нельзя сильно то за это наказывать“. То же утверждаетъ и г. Сонинъ о казакахъ Донецкаго округа, говоря: что если жена въ отсутствіи мужа измѣнить ему, то при его возвращеніи она, не смотря на все собраніе народа, повергается передъ нимъ на колѣни, сознается въ проступкѣ и просить прощенія. Другіе при этомъ тоже упрощиваютъ казака, говоря: „что дѣлать, батюшка мой! люди молодые... Одинъ Богъ безъ грѣха, мы всѣ грѣшныя... Одно здоровье выбьешь, а того, что было не воротишь!“ Казакъ всегда въ этомъ случаѣ прощаетъ жену и если даже она прижила дѣтей съ любовникомъ онъ признаетъ ихъ своими. А если жена постыдится и не осмѣлится выйти на встрѣчу мужа, то несчастную ожидаютъ нескончаемыя побои и брань больше за то, что она не встрѣтила мужа, чѣмъ за то, что измѣнила ему (Моск. Вѣст. 1860, № 11—28). Если невѣрная жена прекращаетъ свои незаконныя связи вмѣстѣ съ возвращеніемъ казака, то обыкновенно все забывается, и супруги продолжаютъ жить дружно, но если незаконныя любовныя связи не оставляются во время, если казачна продолжаетъ измѣнять своему мужу, то добрыя отношенія прекращаются и въ семьѣ начинается раздоръ, сопровождаемый бранью и побоями. Ревнивые мужья ссорятся и съ другими казаками, которыхъ они подозрѣваютъ въ любовной связи съ своими женами. Изъ за женъ нерѣдко выходятъ между ними ожесточенныя драки (зап. въ Чернышевск. ст.).

Съ другой стороны и казаки не рѣдко измѣняютъ своимъ женамъ не только во время службы въ полку, но и дома въ своей станицѣ. Вообще вернувшійся съ похода казакъ, отвыкнувъ отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, часто, какъ было помянуто, становится семьѣ своей въ тягость, возлагая веденіе всего хозяйства исключительно на свою жену. Вотъ что объ этомъ сообщали сами казаки. Вернувшійся со службы казакъ, отправляясь на работу въ поле, садится въ телѣгу съ женой рядомъ—„богъ о бокъ“,

чтобы передъ своими станичниками показать свое согласіе; но, когда выйдутъ въ поле, онъ разваливается и засыпаетъ, а жена должна сидѣть и править. Вернувшись съ поля, гдѣ онъ также немного сдѣлалъ, онъ „прищеголится“ жена ему должна помазать голову масломъ. „Вотъ, скажутъ ему станичники: сейчасъ видно, что жена то хорошая—и посмотрѣть то любо на тебя—и голова вымазана, и самъ опрятенъ“... Потомъ онъ выходитъ на улицу или въ кабакъ, „выпьеть по рюмочкѣ—по другой, съ сосѣдомъ или съ пріятелемъ побалакуеть“, а жена тѣмъ временемъ съ дѣтьми дома дожидается и хоть голодна, а не смѣетъ ранѣе его возвращенія пообѣдать. Казакъ возвращается домой сильно выпивши, начинаетъ бранить жену и даже бить... Ночью казаку захочется пить; онъ разбудитъ жену и велитъ ей принести воды. „Такъ она ему и выходитъ вѣковѣчной работницей“ (зап. въ Луковской ст.). Мало того, казакъ не рѣдко заводитъ любовныя связи и проводитъ все время у своей „сударки“.

Казачки очень ревнивы и мстятъ жестоко за невѣрность и самимъ мужьямъ и „разлучницамъ“, „чужемужнимъ“ женамъ, сманивающимъ ихъ супруговъ. Вотъ что, по этому поводу, поется въ пѣснѣ:

По зарѣ млада входила,
Зари млада не видала,
Все за милымъ замѣчала:
Гдѣ мой миленькій гуляетъ,
Съ дѣвками въ корогодѣ
И съ бабами молодыми,
Съ ребятами холостыми.
Какъ повѣйду я; молоденька,
Своего мужа загоняи,
Красныхъ дѣвушекъ ругати.
Входила молода въ хату
Начала мужа ругати,
А дѣвокъ стыдити.
Какъ схвачу млада лонату,
Загоню я мужа въ хату;
Била мужа, волочила,

Въ помойницу намочила;
Изъ помойницы вытягала,
Плетью боекъ постебала. (Сав. с. 169).

„Да что же тебя молодца вечеръ поздно не было?“ спрашиваетъ въ пѣснѣ казака его любовница. А онъ отвѣчаетъ:

Съ худой женой у насъ побранушка была;
Да журила и бранила и тебя, другъ, и меня,
Называла тебя сукою, меня борзымъ кобелемъ (ibid).

Въ Задонскихъ ст. Черкаскаго округа, (а также и въ другихъ мѣстностяхъ) казачки въ конецъ разоряютъ мужнину любовницу: онѣ бьютъ ей въ домѣ окна, ломаютъ крыльца, подговариваютъ молодыхъ ребятъ, чтобы они поотрѣзали у всей ея скотины хвосты, или обмазали бы ей весь курень дегтемъ, или подъ темную ночь намяли бы ей бока „по молодецки“. (Д. О. В. 1876 г. № 44). Иная казачка даже покушается на жизнь своей соперницы. „Измучена я своимъ мужемъ и его любовницей, начала свой рассказъ одна подсудимая, и рѣшилась отомстить ей за свою горькую жизнь“. Далѣе она говорила о томъ, какъ на ея глазахъ мужъ находился открыто въ любовной связи съ сосѣдкой, надъ ней же издѣвался всячески, постоянно ругалъ ее, билъ и заставлялъ работать на свою любовницу. „Наконецъ они довели меня до того, говорила обвиняемая, что я и сама не знаю какъ рѣшилась поджечь ее“. (Д. О. В. 1881 г., № 60).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не рѣдко случается, что казакъ открыто любить чужую жену, а его жена въ свою очередь имѣетъ любовника. Это бываетъ всѣмъ извѣстно и зазорнымъ не считается; сами же супруги живутъ мирно другъ съ другомъ. (Моск. Вѣст. 1860 г. № 28). Но обыкновенно такого рода положеніе дѣлъ приводитъ къ полному разстройству семейнаго согласія. „Загулявшая жена, сказывали мнѣ казаки, плохая хозяйка: она все изъ дома повытащитъ; плохо коли ка-

- закъ загулялъ, но сколько разъ плоше, если жена отъ хаты отбиваться станетъ“. Въ пѣснѣ поется:

Я пашу, пашу, пашу,
Самъ на солнышко гляжу.
Какъ чужія жены
Къ мужьямъ въ поле идутъ
И обѣдать имъ несутъ,
А моя шельма жена
Ко мнѣ на поле не идетъ
И обѣдать не несетъ.
Запрягу я кобылушку
Да поѣду во лѣсокъ,
Да вырѣжу лозу дубовую
На свою шельму жену.
Приѣзжаю ко двору
Она ходитъ по двору,
Разряженная, разукрашенная:
При красномъ сарафанѣ,
При кумачныхъ рукавахъ.
Такъ и брошу я лозу,
Поцѣлую я жену...
Ахъ и гдѣ жъ ты, жена, была,
Да и гдѣ ты гуляла?
— У сосѣда во бесѣдѣ,
— Крѣпку водочку пила,
— За тебя милый стаканъ,
— За хозяина другой,
— За себя я налила,
— Зацѣпилась—пролила.
Ой, спасибо тѣ, жена:
Не забыла про меня;
— Вотъ и какъ тебя забыть,
— Когда-бъ воля, когда-бъ двѣ,
— Продала бы тебя,
— Иль татарамъ отдала
— За кудаго кобеля (Сав. с. 59).

Расходы супру- Часто несогласіе и ссоры супруговъ приводятъ къ тому, говъ порознь. что они „расходятся порознь“. Чаще жена убѣгаетъ отъ мужа къ родственникамъ или въ „чужіе люди“. Случается и такъ, что казакъ покидаетъ свой домъ. Если жена ушла отъ мужа самовольно, то онъ можетъ

подать жалобу въ станичный судъ, который и присуждаетъ: „чтобъ она шла къ мужу своему“, или „вручить ее мужу для совмѣстнаго жительства“ и т. п. При этомъ не рѣдко жена подвергается еще въ наказаніе аресту дней на 6—7 (иногда съ пищей „въ уменьшенной порціи“). Родственники жены, если они служатъ причиною ссоръ между супругами и ухода жены отъ мужа также наказываются арестомъ (дней на 7), или денежными штрафами въ пользу мужа, напр.: судьи постановляютъ за каждый мѣсяцъ пребыванія жены у родственниковъ заплатить мужу по 3 рубля серебромъ.

За самовольный уходъ мужа отъ жены станичный судъ налагаетъ тѣ же наказанія; кромѣ того, казакъ обязывается, либо возвратиться къ женѣ, либо обезпечить ее матеріально,

Бываютъ и „расходы“ по взаимному соглашенію супруговъ. Расходятся, не спрашиваясь суда или священника, а „самовластно“; но и самъ станичный судъ нерѣдко позволяетъ женѣ или мужу отойти на особое жительство. Въ этихъ случаяхъ дѣти (насколько мнѣ извѣстно) остаются при матерѣ, а жена получаетъ право на матеріальное обезпеченіе отъ мужа.

Станичный судъ, соображаясь съ доходами мужа опредѣляетъ ту сумму денегъ (или паекъ лѣсной и сѣнокосный), которую послѣдній обязывается ежегодно выдавать женѣ. При этомъ совершаютъ письменныя условія, въ родѣ слѣдующаго:

Мировая сдѣлка.

1879 года, Іюня 20 дня, Чернышевскій станичный судъ. 1879 года, іюня 20 дни, я ниже подписавшійся Чернышевской станицы казакъ Матвѣй Ивановъ Волоцковъ, даю эту подписку первой женѣ моей по старообрядскому браку Татьянѣ Фяногеновой Волоцковой, съ которою я въ настоящее время живу въ разводѣ, въ слѣдствіе того, что я оженился на другой, по случаю ея болѣзни, и нашимъ дѣтямъ—т. е. Татьянѣ и моимъ—Пимену 18 лѣтъ и Зоту 11 лѣтъ, въ томъ, что я уступаю имъ все мое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, теперь же, съ тѣмъ, чтобы болѣе она отъ меня ни-

какого для себя содержанія не потребовали; я же съ своей стороны обязываюсь не вмѣшиваться въ передаваемое мною имъ хозяйство и, словомъ, отказываюсь отъ правъ моихъ какъ на имущество, такъ и на всѣхъ ихъ въ качествѣ отца и мужа; въ томъ и подписуюсь казакъ М. В.

Относительно вопроса, какіе поводы считаются основательными для расхода, я точными свѣдѣніями не располагаю, кромѣ слѣдующаго. Въ случаѣ неспособности мужа къ брачному сожителству жены просятъ развода, „чтобы жить по христіански, а не во блудъ“. Въ такихъ случаяхъ — говорили казаки — „мужа осматриваютъ медики, а то и безъ нихъ обходятся“. Въ Пятиизбянской ст. одинъ казакъ изъ раскольниковъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее. „Былъ у меня племянникъ, онъ съ измалѣтства не годился къ женѣ, потому что громомъ оглушенъ былъ. Все же женили мы его. Вотъ скоро жена жаловаться стала и хочетъ отъ него уйти. А работница она была хорошая, мы ее и просили остаться, а она и говорить: сами, говорить, посудите—противъ жару и камень лопается. Дѣлать нечего: сами видимъ, что баба справедливо говорить. Ну отпустилъ ее племянникъ отъ себя. Она вышла замужъ за другаго (по старому закону, а съ племянникомъ была вѣнчана въ православной церкви), а племянникъ пошелъ на службу. Пришелъ со службы домой да и говорить мнѣ: мнѣ, дядинька, жена теперь требуется. А ну, говорю, коли такъ—пойдемъ отбирать ее. Пришли, да и говоримъ: отдавай, молъ, жену то первому мужу—она теперь требуется. Тотъ то мужъ не постоялъ за ней, а было съ нимъ у ней трое дѣтей.— Теперь живутъ себѣ 16 вотъ ужъ лѣтъ ладно, только дѣтей съ нимъ она не родить“.

Если мужъ сойдетъ съума, то жена обязывается оставаться при немъ и присматривать за нимъ: въ этомъ смыслѣ состоялось рѣшеніе Верхнекурмоярскаго станичнаго суда 23 октября 1879 года. Въ случаѣ выселенія мужа по приговору общества, жена можетъ просить объ оставленіи ея на мѣстѣ.

Что касается до вопроса: позволяется-ли разошедшимся супругамъ вступать въ новый бракъ, то мнѣ неоднократно доводилось слышать отъ казаковъ раскольниковъ, что сдѣлать это имъ „совѣсть воспрещаетъ“. Но имѣются факты, говорящіе противоположное. Такъ во второмъ Донскомъ округѣ былъ слѣдующій случай. На станичный судъ пришли два мужа и одна жена. Одинъ изъ мужей 14 лѣтъ, женѣ же 20 лѣтъ. Отъ имени малолѣтняго мужа говоритъ отецъ, что невѣстка, „поживши полгода, уходомъ ушла, ну тогда ему ея и не надо было, а теперь онъ проситъ: батинька, давай мнѣ жену“. Мальчикъ мужъ небольшого роста, передъ своей рослой плотной и широкоплечей женой кажущійся ребенкомъ, въ свою очередь говоритъ: „будетъ тебѣ таскаться, пойдемъ жить“. Здѣсь же рядомъ стоитъ бравый казакъ—гвардеецъ, указывая на котораго женщина говоритъ: „вотъ мой мужъ:—съ нимъ мы вѣнчались, съ нимъ и будемъ жить, а съ тобой мы не вѣнчаны, и я къ тебѣ не пойду, хоть сейчасъ петлю на шею—не пойду“. Отецъ этой женщины началъ было настаивать, чтобъ она шла къ первому, опасаясь грѣха, и напоминалъ ей, какъ онъ ихъ благословлялъ и какъ вѣнчалъ попъ. Судьи предоставили сдѣлать выборъ самой женѣ, и она осталась при гвардейцѣ. Затѣмъ отецъ перваго мужа требовалъ отъ оставившей его какую-то бумагу, по которой сынъ опять-бы могъ жениться. (Д. газ. 1874 г., № 35).

Но не всегда супружескія распри имѣютъ свой исходъ Убийства между
супругами. въ расходъ супруговъ порознь. Иногда накопившаяся злоба казачки на нелюбимаго мужа бываетъ столь велика, что вызываетъ въ ней желаніе отомстить за все перенесенное горе лишеніемъ его жизни. „Изъ статистическихъ данныхъ, говоритъ А. Савельевъ, мы узнаемъ, что въ казачьемъ сословіи изъ всѣхъ родовъ преступлений особенно часто повторяются убійства, совершаемыя въ большей части случаевъ вслѣдствіе семейныхъ несогласій“. (1. с. р. 60). „Убийство, рассказываетъ г. Тимоценковъ о Казанской ст., здѣсь случается сравнительно

рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ убиваетъ мужъ жену или жена мужа. Причиною убійства въ такомъ случаѣ бываетъ почти всегда не понятная и ничѣмъ не объяснимая ненависть и отвращеніе супруговъ одного къ другому“, (1. с. р. 161). „Мужъ, говоритъ г. Шкрыловъ о Задон. стан. Черкаскаго округа, никогда не станеть подговаривать свою любовницу на убійство жены, жена же, если сама не опойтъ ядомъ противнаго ей мужа, то уговорить своего „любаша“ уходитъ мужа такъ, чтобы онъ переселился на тотъ свѣтъ“. (Д. О. В. 1876 г., № 44). Въ 1873 году въ ст. Р—ской казачка пятидесяти съ лишнимъ лѣтъ, при помощи своего любовника, изрубила топоромъ мужа-старика, съ которымъ жила болѣе 30 лѣтъ. И всѣ 30 лѣтъ, какъ говорила она сама—не жила съ нимъ, а мучилась, потому что ее выдали за него родители противъ ея желанія, и она его ненавидѣла. (Д. О. В. 1875 № 17). Вотъ въ какой формѣ въ пѣсняхъ казачьихъ выразилась накипѣвшая злоба несчастной жены, рѣшившейся на убійство мужа:

Какъ жена мужа возненавидѣла,
Повела въ зеленый садъ да зарѣзала,
Да на яблонѣ и повѣсила...
Какъ жена мужа приутѣшила,
Вострымъ ножечкомъ зарѣзала.
Какъ на востромъ ножу сердце встрепенулося,
А жена шельма усмѣхнулась,
Отнесла его въ холодный погребъ и кинула,
Дубовой доской его задвинула,
Бѣлымъ камушкомъ приставила.
Желтымъ песочкомъ присыпала. (Секрет. 1. с.).

или такъ:

А я молода все догадлива была;
Веревочку сама свила,
А милому конецъ подала:
„Милый, потяни, душа радость, потяни.
Милый потянулъ
Старый ноги протянулъ;
Руками мотааетъ, будто чешетса,
Зубы оскалялъ, будто дражнитса,
Слюни распустилъ, будто бѣсятса. (Сав. с. 62).

„Сколько, подобно этому, кровавыхъ семейныхъ драмъ, говоритъ А. Савельевъ, укрылось подъ незатѣйливою, казенно-однообразною формою уголовныхъ слѣдствій.... Дѣло на лицо, и запишется: и сама де созналась въ своемъ звѣрскомъ злодѣяннн, и озаглавится: дѣло объ убіеніи въ смерть или дѣло о истязаннн казакомъ жены своей, отчего она будто бы умерла, или дѣло о побояхъ казака женѣ своей, отъ которыхъ она будто бы преждевременно родила незаконнорожденнаго дитя. А между тѣмъ подѣ такими немудреными и вмѣстѣ остроумными заглавіями скрываются въ высшей степени поучительные факты. Въ одномъ дѣлѣ подсудимая сознается, что во время нахождения мужа на службѣ она завелась любовникомъ, что мужъ по возвращеннн домой, догадываясь о ея преступной связи, билъ и тиранилъ ее, что и довело ее до преступленнн. Въ другомъ дѣлѣ, казакъ, возвратившійся со службы замѣчаетъ, что жена его ведетъ распутную жизнь поэтому рѣшается убить и себя и жену свою. Въ третьемъ — горемычная жена отравлена невзлюбившей ее свекровью. Въ четвертомъ — свекоръ батюшка, въ отсутствнн сына, склонялъ невѣстку на грѣховное дѣло. А часто и очень часто 16-лѣтняя жена, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества, вдругъ ни съ того, ни съ сего возненавидитъ своего сожителя, котораго до сего любила и уважала. Еще чаще мужу малолѣтку вдругъ опостылѣетъ нелюбая жена и въ припадкѣ ненависти, какъ нибудь невзначай, онъ убьетъ ее. Вотъ еще казакъ проситъ станичныхъ правителей, чтобъ они развели его съ женой измѣнницею, которая во время нахождения его на службѣ принесла ему незаконный плодъ. Зачастую бываетъ, что жена въ отсутствнн мужа вытравливаетъ свое незаконное бремя, какъ явную улику своей распутной жизни. Однимъ словомъ, если сгруппируемъ всѣ вышеизложенные факты, взятые изъ уголовныхъ дѣлъ за послѣднн 10 лѣтъ (писано въ 1866 г.), то увидимъ, что, изъ 22-хъ случаевъ, 14 совершены были вслѣдствіе нарушеннн супружеской вѣрности и большей частью со

стороны жены во время нахождения мужа на службѣ, а 8 по причинѣ необъяснимой, непонятной для слѣдователей ненависти между супругами. Въ послѣднихъ случаяхъ преступниками дѣлались преимущественно не достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія⁴. (I. с. р. 64).

Измѣненіе бы-
та за послѣд-
нее время.

За послѣднее время, по увѣренію самихъ казаковъ, власть ихъ надъ женами стала слабѣть. „Въ старинку матушку мужьямъ у насъ больше власти было противъ нынѣшняго“, говорили казаки въ Пятиизбянской ст. „Нынче женъ бьютъ тоже, да все же меньше прежняго: нынче шибко-то бить женъ опасаются, потому, какъ нынѣ Царь солдатъ бить не приказалъ, такъ и женъ мужьямъ бить не велѣно“ (зап. въ Чернышевск. ст.). Въ Кепинской ст. казаки говорили слѣдующее: „жены нынѣ часто не живутъ съ мужьями; въ этомъ виноваты мировые судьи. Избаловали мировые судьи нашихъ бабъ: а того не поймутъ эти мировые судьи, что баба дотолѣ и слушаетъ тебя, пока ты съ нею строго. Мы ли въ томъ виноваты, что ужъ такая порода у нашихъ бабъ. Можетъ, гдѣ въ другомъ мѣстѣ онѣ и другія, а у насъ на Дону все такія, что только держи вострѣе ухо“ *).

На хуторѣ Караичевѣ казаки даже указывали время, съ котораго произошла перемѣна въ казачкахъ. „Когда мы въ 1854 года всѣ въ турецкую войну отозваны были, говорили они,—то всѣ казаки изъ станицы повышли, а иногородніе, хохлы и русскіе, воспользовались этимъ временемъ и всякія шашни съ нашими бабами позавели да такъ ихъ повыучили, что когда вернулись мы домой, то не узнали своихъ бабъ и много дивились: бѣлилами, румянами обзавелись, моды разныя у нихъ пошли, рѣчь такая бойкая... Какъ сейчасъ помню, племянникъ мой пришелъ домой со службы; смотритъ—идетъ баба набѣленная, нарумяненная, дюже разодѣтая, онѣ и спрашиваетъ:

*) Боле подробные свѣдѣніи объ отношеніи мѣстныхъ мировыхъ судей къ дѣламъ о ссорахъ супруговъ я не имѣю, а потому не берусь утверждать, на сколько справедливы эти слова станичниковъ.

маменька, какая это тетенька?—Да это твоя жена! А та ему въ ноги по обряду казацкому. А племянникъ то мой и говорить: да ты, говорить, красивѣе дѣвокъ въ самой Литвѣ или въ Питерѣ... И съ тѣхъ поръ все хуже стало. —Въ 1862 году я совсѣмъ со службы вернулся; гляжу: наши бабы всѣ водку пить стали въ кабакахъ! Правда, и теперь хорошая баба у насъ въ станицѣ одна въ кабакъ не пойдетъ, а зайдетъ туда развѣ только, чтобъ мужа вызвать, за то, если онъ скажетъ: „садись“, конечно, ужъ противиться не станеть“...

Имущественныя отношенія супруговъ регулируются у казаковъ правиломъ: „жена—хозяйка своего добра“ или „бабѣ доброе отъ бабы не отходитъ, какъ отъ казака—конь съ сѣдломъ“. Основанія имущества супруговъ полагаются при вступленіи ихъ въ бракъ—обыкновенно: 1) „кладкой“, 2) „сундукомъ“ и 3) „сыръ-каравайнымъ“ (или просто „каравайнымъ“). Слово „приданое“ обыкновенно не примѣняется къ названнымъ видамъ имущества, а имѣетъ самостоятельное значеніе. Лишь изрѣдка въ видѣнныхъ мною рѣшеніяхъ станичныхъ судовъ словомъ „приданое“ замѣняется выраженіе „сундукъ“ или „кладка“.

Имущественныя отношенія супруговъ.

Обыкновенно жена приноситъ въ домъ мужа только „сундукъ“. — Сюда входятъ разные предметы одежды и украшенія: шуба, платья, сарафаники (въ верхов. ст.), юбки, платки, перчатки, чулки, рубашки, кушаки, спальныя пологи, постель; въ новѣйшее время: пальто, „дипломаты“ и „шестокрылы“ (привозимые изъ Москвы и покупаемые особенно охотно низовцами), штиблеты, зеркальцо, гребенка, щетка, иногда картинки стѣнные, бѣлья проч., а также и разныя мелкія вещи, которыми при свадьбѣ во многихъ мѣстностяхъ одариваетъ невѣста женихову родню. Размѣры „сундука“ зависятъ отъ степени благосостоянія семьи и отъ щедрости; стоимость его бываетъ отъ нѣсколькихъ рублей, до нѣсколько сотенъ. Кромѣ сундука не-

«Сундукъ» и «постель».

вѣста приносить съ собой постель съ одѣяломъ и подушками, а также и благословенную икону.

Всѣ предметы, составляющіе сундукъ, накаплиются обыкновенно постепенно, главнымъ образомъ заботами матери. Какъ только начнетъ дочь подростать („ей еще лѣтъ десять только“), а мать уже начинаетъ „собрать сундукъ“, т. е. понемногу заготавливать разныя вещи: напр. на ярмаркѣ купить платокъ или шаль или еще чтонибудь, (иной разъ даже потихоньку отъ отца) и спрячетъ. Отецъ потомъ уже, когда дочь сосватаютъ, еще „помогаетъ чѣмънибудь“: купить сережки, бусы, вообще изъ украшеній чтонибудь. „Щенки“ (т. е. самый ящикъ) покупаетъ также отецъ. Если нѣтъ родителей, то обязанность „справить дѣвушку къ вѣнцу“ лежитъ на братьяхъ или вообще на старшихъ родственникахъ.

Но нерѣдко „сундукъ съ двухъ рукъ набирается“, т. е. въ составленіи его участвуетъ, помимо невѣстныхъ родителей, и жениховъ отецъ, по уговору.

Письменныхъ записей и условій при этомъ не бываетъ, сколько мнѣ извѣстно. Впрочемъ иногда сундукъ „принимаютъ по описи“. Женихъ, по словамъ казаковъ многихъ мѣстностей, не вправѣ требовать „сундука“, и если бы отецъ невѣстинъ, обѣщавъ сундукъ, обманулъ его, то и тогда бы онъ не нашелъ суда. Впрочемъ отецъ невѣстинъ и не обманетъ, потому что это дѣло чести.

„Сундукъ“ привозятъ съ домъ жениха обыкновенно послѣ вѣнца. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его везутъ за невѣстой въ церковь, оставляя во время вѣнчанія на паперти. Постель же и подушки обыкновенно несутъ къ жениху еще наканунѣ свадьбы или за два дня до свадьбы—послѣ дѣвишника.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи обычаи разнообразятся по мѣстностямъ. При передачѣ сундука жениховой стороной бываетъ обрядъ „выкупа“, о которомъ уже было упомянуто выше.

Сундукъ становится на видномъ мѣстѣ въ хатѣ; онъ также, какъ и постель, покрывается одѣяломъ; сшитымъ

изъ разноцвѣтныхъ доскутковъ, съ наложенными въ нѣсколько рядовъ подушками (иногда до самаго потолка) и составляетъ предметъ украшенія казацкаго жилища. Во многихъ мѣстахъ казаки на такой парадной постели спятъ только по праздникамъ (со словъ С. Ф. Номикосова).

Все входящее въ составъ „сундука“, какъ „принесенное женой съ собою“, такъ и „справленное ей жениховыми родителями“, поступаетъ прямо въ собственность жены, и она распоряжается имъ по собственному усмотрѣнiю: „еслибы она пожелала продать или пропить все это, никтобы ей въ этомъ препятствовать не посмѣлъ“. Но въ Малодѣльской ст. мнѣ сказывали, что если жена самовольно уходитъ отъ мужа, то сундукъ ея остается у послѣдняго и, хотя она пожалуется, — судьи, старики и правители оставляютъ такія жалобы безъ послѣдствiя, „чтобы повадки не было“. Но если вдова уходитъ изъ дома свекра, то послѣднiй обязанъ выдать ей сундукъ.

Сами казаки говорятъ, что дочь выдать замужъ ничего имъ не стоитъ, а сына женить не въ примѣръ тяжело: „разоряетъ дюже кладка и расходъ на угощенiе“. „По нашему донскому обычаю — говорится въ одномъ изъ рѣшенiй станичныхъ судовъ — во время просватанiя въ замужество дѣвицы, имъ дается условная кладка, т. е. дарятъ безвозвратно навсегда вещи или деньги на справку нужнаго для нихъ платья“. (Нижекурмоярск. ст. суд. книга за 1873 г. № 27). Значенiе кладки, по словамъ казаковъ, — помочь невѣстѣ при справкѣ къ свадьбѣ. Поэтому кладку иногда называютъ „помочь“. Такъ въ ст. Гниловской казаки говорили, что если невѣста бѣдная, то ея родители просятъ у жениховыхъ помощи на справку рублей 50, 100 и болѣе. При этомъ бывають условiя возвратить впоследствии женихову отцу половину или иную часть выданной суммы. — Кладка состоитъ обыкновенно изъ денегъ и разныхъ предметовъ женской одежды, въ числѣ коихъ обыкновенно на-

Кладка.

ходится шуба, шелковая (или иная) матерія на платьѣ, тулупъ, башмаки, штиблеты и т. п.

Подобную же „кладку“—по словамъ казаковъ—выговариваютъ и отъ невѣстина отца въ пользу жениха въ случаяхъ приѣма послѣдняго въ семью тестя. Въ подобныхъ случаяхъ „кладка“ состоитъ: изъ пальто, шубы, брюкъ и проч. и деньгами рубл. 40 *).

Кладку даетъ отецъ или, если его нѣтъ,—старшій въ семьѣ жениха. Величина кладки зависитъ частію отъ степени благосостоянія семьи, частію же отъ уговора. Вообще говоря, за послѣднее время размѣръ ея, повидимому, увеличился, по крайней мѣрѣ мѣстами. Такъ въ ст. Ярыженской говорилъ мнѣ одинъ казакъ слѣдующее: „когда я старшаго сына женилъ, то отдалъ кладку въ 7 рублей, а средняго женилъ—15 рубл. далъ, а младшаго нынѣ вотъ сосваталъ, такъ 30 рубл. на столъ положили, потому нынѣ все дороже стало“.

Договоръ о кладкѣ обыкновенно бываетъ словесный. Нарушеніе его считается безчестнымъ и можетъ повлечь за собой разстройство свадьбы. Кладка выдается невѣстиной роднѣ либо при „рукобитіи“, либо на „сговорѣ“, либо когда пріѣдетъ женихъ за невѣстой предъ вѣнчаніемъ. Все выданное въ видѣ кладки поступаетъ въ собственность жены: „отъ нея не отходить“. Если жена уходитъ изъ дома свекра, то беретъ и кладку, потому что „зачѣмъ же она пойдетъ раздѣтая“. Однако если молодые вскорѣ послѣ свадьбы отходятъ на сторону отъ стариковъ, то отецъ мужа нерѣдко задерживаетъ вещи, данныя на кладку, мотивируя это тѣмъ, что молодые у него въ долгу и еще не отработали затраченнаго имъ на свадьбу. Станичные суды подобные споры рѣшаютъ разнo:—либо становясь на сторону отца, либо отказывая послѣднему въ его претензіи—„все по усмо-

*) Что же касается до обязанности справить зятя приѣмыша на службу, то насчетъ этого заключаютъ особый договоръ, по которому справка либо тестева, либо отцовская, или и того и другаго пополамъ.

трѣнюю обстоятельство“ . Иногда станичный судъ рѣшаетъ подобный споръ такъ: „выдать часть отцу, а часть оставить у сына“

„Сырѣ-каравайное“ составляется изъ тѣхъ подарковъ, которые при разносѣ каравая дарятъ молодымъ ихъ родители и прочіе гости на обзаведеніе хозяйства: „кто парочку бычковъ, либо телушку, а коли нѣтъ достатка, козочку или овечку, а то—деньгами; накидываютъ денегъ рублей 25—50, да товара разнаго до самаго потолка“ . Родители жениха и невѣсты часто договариваются между собой о количествѣ подарковъ молодымъ „на каравай“ .

«Каравайное» .

Каравайное принадлежитъ обоимъ супругамъ совмѣстно и распоряжаются они имъ съ общаго совѣта .

Наконецъ „приданое“, или „отцовское“, или „награжденіе“ есть все то, что отецъ даетъ за дочерью невѣстой помимо „сундука“, постели и каравайнаго, какъ то: садъ, оливодаъ, нѣсколько деревьевъ или кустовъ винограда въ своемъ саду, скотину, хату, деньги . Дѣлаютъ и письменныя записи о приданомъ, обыкновенно въ томъ случаѣ если много дается добра: это дѣлаютъ, чтобы въ случаѣ смерти дочери ея свекоръ или мужъ не утаили чего нибудь и не тѣснили наслѣдниковъ . „Приданымъ пользуются оба супруга, но жена сохраняетъ на него исключительное право собственности“ (рѣшеніе Малодѣл. ст. суд. 1879, Января 4-ое) . Въ случаѣ ухода своего отъ мужа она отбираетъ его отъ послѣдняго . За растрату приданаго жена въ правѣ жаловаться въ станичный судъ и мировому, и мужъ обязывается выплатить, ибо „онъ не имѣетъ права задерживать отцовское жены“ .—Но „приданое“ бываетъ у казаковъ сравнительно рѣдко и только у богатыхъ; оно чаще встрѣчается въ низовыхъ станицахъ, гдѣ, по словамъ самихъ казаковъ, мѣстами дѣвушкѣ безъ приданаго даже труднѣе замужъ выдти, тогда какъ у верховыхъ казаковъ вездѣ дѣвушку охотно берутъ „лишь бы была хорошая работница“ . Такое же приданое приносить съ собой въ ст. Ка-

Приданое .

занской круглая сирота, которой это имущество досталось от умерших родителей (Тим.).

Вот примѣръ записи о приданомъ:

1880 г., Февраля 25 дня, я, нижеподписавшійся, далъ настоящую росписку женѣ своей П. въ томъ, что взялъ я ее за себя въ замужество; имѣніе, которое принесла, а именно: садъ отцовскій, а въ немъ 10 грушевыхъ деревъ, лошадь съ упряжью, пару воловъ двухъ лѣтъ, корову съ телкомъ, телушку 1-го года, хлѣба пшеницы 30 мѣръ, 5 мѣръ жита, 2 мѣры ячменя, 2 мѣры проса, посуды разной: три чугуна: 1-й большаго размѣра, 2-й средняго и 3-й малаго; 2 сковороды и весь печной приборъ, боченокъ въ 6 ведръ, кадушка въ 6 ведръ, кадушка въ 1 мѣру, 12 курей, которое имѣніе принимаю все къ себѣ, и по смерти моей, жена моя получаетъ свое имѣніе вышесказанное неумершеное. Въ томъ подписуюсь казакъ А.

Имущественныя сдѣлки между супругами.

Имущественныя сдѣлки между супругами въ обычаѣ, но они имѣютъ не одинаковое распространеніе въ различныхъ мѣстностяхъ Области.

Не рѣдко напр. между супругами бываютъ случаи даренія, купли-продажи. Казачка, выходя замужъ или принимая къ себѣ мужа, иногда даритъ или продаетъ ему часть имущества, „нажитаго“ въ первомъ бракѣ. Бываетъ и на оборотъ: жена у мужа напр. покупаетъ домъ съ пристроемъ. При этомъ не рѣдко совершается фиктивная сдѣлка: мужъ не получаетъ денегъ въ уплату за проданное имущество. Такой переводъ имущества на жену дѣлается казаками, занимающимися торговлей, чтобы на случай банкротства, имущество не было отобрано.

Въ ст. Пятиизбянской мнѣ довелось слышать слѣдующее. Была у одного казака женка — шаловливая баба, которая нѣсколько разъ отъ него бѣгала, но въ концѣ помирилась съ нимъ. Когда казакъ ушелъ на службу, родной ея отецъ купилъ ей домъ. Вернувшись со службы, казакъ сталъ ее звать къ себѣ въ хату опять вмѣстѣ жить, но она не соглашалась, а приглашала его въ свою очередь къ себѣ въ свой собственный домъ. Казакъ долженъ былъ наконецъ уступить. Но вмѣстѣ они про-

жили не долго: жена стала буянить и выгнала мужа изъ дому. Тогда добрые люди потихоньку научили казака: ты, говорятъ, Еремей Ивановичъ, купи домъ-то у жены — она тогда помирнѣй будетъ. Казакъ пошелъ къ женѣ, помирился, приласкался и уговорилъ ее продать домъ ему. Совершили купчую, выдалъ казакъ женѣ деньги и съ тѣхъ поръ оба тихо и славно зажили: она то ему покоряется, и онъ то держится тверже, потому она и рада бы иной разъ уйти отъ мужа да жалко дома-то.

Въ станицахъ Ярыженской и Кепинской мнѣ сообщали, что казаки, желающіе обезпечить на случай своей смерти свою второбрачную и бездѣтную жену отъ притѣсненій со стороны наслѣдниковъ, совершаютъ купчую крѣпость, „будто жена у него все купила и заплатила деньги“, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Бываютъ между супругами и займы (рѣш. Аннинск. ст. суд. 1871 г., января 2).

„Долгъ жены — говорили мнѣ въ ст. Гниловской — съ мужа взыскиваютъ, но она сама старается заплатить, да ей много-то и не повѣрятъ“. „Женинъ долгъ — сообщали въ Малодѣльской ст. — взыскивается съ мужа, если живуть вмѣстѣ; если жена бѣгаетъ, то она сама за все отвѣчаетъ“.

За долги мужа жена не обязана платить. Но если эти долги сдѣланы на потребности семьи, то жена участвуетъ обыкновенно въ уплатѣ ихъ (запис. въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ).

Бываютъ между супругами сдѣлки, и подобныя слѣдующей:

1872 года, Апрѣля 21 дня, мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казакъ М. В. Пр. и вдова, казачья жена М. К., учинили настоящее условіе въ нижеслѣдующемъ:

1-е.

М. принимаетъ за себя въ супружество М. М. и имѣющееся у насъ имѣніе, по двѣ пары быковъ, 2 коровы и одна лошадь и 10 овецъ у каждаго, совокупаемъ въ одно имѣніе и какъ это имѣніе, такъ и могущее приобрѣтаться нами мы не должны считать своимъ совмѣстно.

2-е.

Имѣющіяся же у насъ дѣти, у М. дочь Кс., а у М. М. сынъ Е., дочери Ф. и А., послѣ смерти изъ насъ или М. и М. М. могущее остаться имѣніе должны дѣлится на двѣ равныя части.

3-е.

При выдачѣ въ замужество или Ф., или А., то они лишаются части изъ имѣнія.

4-е.

Е. и К. хотя и будутъ первый въ зятя, а послѣдняя въ замужество выданы, то эти двое послѣ смерти кого либо изъ насъ части не лишаются, а должны раздѣлять на двѣ равныя части.

5-е.

Выше поименованныя Ф. и А., хотя и не будутъ выданы въ замужество, но все таки должны пользоваться частію Е., могущею достаться ему отъ К.

и 6-е.

Условіе это обязуемся сохранить съ обѣихъ сторонъ свято и нарушимо, въ чемъ подписуемся.

Наслѣдованіе
между супругами.

По смерти *) мужа вдова при дѣтяхъ заступаетъ мѣсто умершаго, становясь полновластной хозяйкой. „Когда отецъ умираетъ, говоритъ г. Тимошенко, то, по установившемся въ народѣ праву наслѣдованія, вся власть его въ отношеніи имущества, а также и каждаго изъ членовъ семьи всецѣло переходитъ къ матери. Дѣти же наслѣдуютъ имѣніе послѣ только смерти матери“ (1. с.). Если же дѣтей нѣтъ, то имущество мужа обыкновенно забираетъ отецъ, мать или братья покойнаго. Въ ст. Ярыженской и Малодѣльской мнѣ сообщали, что вдовѣ при этомъ выдѣляется изъ всего движимаго имущества $\frac{1}{4}$ часть. Въ иныхъ мѣстностяхъ сообщали что „жена бываетъ довольна тѣмъ, что дадутъ родственники мужа“. При „награжденіи“ бездѣтной вдовы родственники покойнаго принимаютъ въ соображеніе

*) Нижеслѣдующее не имѣлъ возможности подвергнуть болѣе строгой проверкѣ.

то время, которое она прожила съ мужемъ. Такъ напр. Кепинскій ст. судъ 31 августа 1880 г. рѣшилъ: вдовѣ ничего не давать, такъ какъ она съ мужемъ жила всего 2 недѣли.

Вдовѣ предоставляется право оставаться „на мѣстѣ“, т. е. жить въ хатѣ покойнаго мужа. Съ выходомъ снова замужъ она лишается этого права. Въ ст. Малодѣльской казаки мнѣ говорили, что такъ какъ второбрачная жена легко можетъ потерпѣть непріятность и притѣсненіе отъ пасынковъ, то мужъ при жизни своей строить ей особую хатку, въ которой она могла бы по смерти его спокойно жить, не опасаясь быть выгнанной пасынками. Выходя вторично замужъ, вдова лишается этой хатки: „съ мѣста не тронуть, пока замужъ не вышла“.

Точно также и бездѣтный вдовецъ получаетъ изъ ея имѣнія, „сколько дадутъ ея родственники“. Во всякомъ случаѣ у мужа остается постель и благословенная икона покойной. Въ Ярыженской ст. сообщали, что мужу даютъ еще $\frac{1}{4}$ часть изъ женина сундука (и въ большой и въ малой семьѣ).

Если же покойная жена оставила дѣтей, то все ея имущество остается при мужѣ. Часто родственники покойной требуютъ, чтобы станичные правители сдѣлали подробную опись оставшемуся имуществу и обязали вдовца въ цѣлости сохранить его до совершеннолѣтія сиротъ.

Нерѣдко казаки (обыкновенно вступивъ во второй бракъ) оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія, въ которыхъ все имущество отказываютъ женѣ, желая этимъ оградить ее отъ притѣсненій со стороны дѣтей перваго брака и родственниковъ своихъ. Точно также и казачки, имѣющія значительное приданое оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія въ пользу (второбрачнаго) мужа.

Вотъ примѣры подобныхъ завѣщаній:

1.

№ 49 Декабря 9-го дня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Я, нижеподписавшійся, Войска Донскаго, Маріанской станицы от-

Духовныя завѣщанія.

ставной урядникъ Максимъ Фомяя Волдыревъ приближаясь къ старости лѣтъ можъ и воображая смертнаго часа, могущаго ивогда постигнуть внезапно, но чтобы прахъ мой былъ покоенъ, будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, я заблагоразсудилъ движимое и недвижимое имѣніе, трудами благопріобрѣтенное раздѣлить, слѣдующимъ порядкомъ; а) Домиаъ покрытый тесомъ, состоящій въ самой станицѣ, базные пристрой, всю домашнюю утварь, наличный хлѣбъ, рогатый скотъ, лошадей и овецъ, сколько по смерти моей можеть остаться, я опредѣляю второбрачной женѣ моей Василисѣ Денис. Волдыревой, такъ какъ все это имѣніе съ нею вдвоемъ съ 1864 г. пріобрѣтено собственными трудами, съ правомъ и продать по усмотрѣнію. А по смерти ея Василисы, что должно остаться можеть поступить тому, кто ее при старости пропитаетъ и похоронить. б) Сосновую кухню тесомъ и деревянный амбаръ, крытый камышемъ я оставляю за собою и по смерти моей опредѣляю для поминовенія души передать церковнослужителямъ. в) Сынамъ моимъ большому Ивану и дѣтямъ его и меньшему Алексѣю (монаху теперь) и другимъ родственникамъ моимъ изъ этого имѣнія моего я ничего теперь не опредѣляю, потому что сыны удовлетворены мною надлежащими частями достаточно и давъ имъ обоямъ домъ, который они должны раздѣлить поровну, а если бы они вздумали искать что-нибудь отъ мачихи, то просьбы отъ нихъ не принимать и не будетъ на нихъ дано моего благословенія. г) Домашнее сіе завѣщаніе мое силу и дѣйствіе должно воспринять по смерти моей, а до того я распоряжаюсь нынѣ самъ. 1871 года ноября 28-го дня въ томъ и подписуюсь: къ сему домашнему духовному завѣщанію руку приложилъ Маріанской ст. урядникъ N. N.

Засвидѣтельствовалъ ст, Атам. N... N...

2.

№ 18, апрѣля 14. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Я рабъ Божій В. А. К. въ твердой памяти при своемъ умѣ признавая нужнымъ заблаговременно сдѣлать распредѣленіе по своему имуществу.

1871-го года, апрѣля 14-го дня, представляю росписку, данную мнѣ сыномъ моимъ А. В. К. 20-го марта 1862 года въ томъ, что сынъ мой А. получилъ отъ меня вполнѣ слѣдующую отъ меня въ часть ему имѣнія, а теперь имѣющійся у меня благопріобрѣтенный мною домиаъ о двухъ комнатахъ съ землянымъ поломъ, досчатая кухня, базинный пристрой, одна лошадь съ повозкою, двѣ коровы, одного года быкъ и 10-ть овецъ. Я опредѣляю вышесказанное имѣніе второбрачной женѣ своей Е. И. нынѣ К., съ которою вступилъ въ бракъ въ 1861 году, послѣ чего въ короткое время отдѣлился отъ меня вышесказанный сынъ мой А, которому часть изъ

имѣнія моего опредѣлена была ровная со мною, т. е. амбаръ пшль-ный изъ брусевъ, крытый камышемъ, три коровы, двѣ пары воловъ и 10 штукъ овецъ. Все прописанное имѣние находится при хуторѣ Каргальскомъ Маріинской станицы. Прошу начальство и церковнослужителей Маріинской станицы утвердить мое законное и справедливое распредѣленіе по имѣнію моему, дабы послѣ смерти моей сынъ мой не касался къ имѣнію опредѣленной мною части второбрачной женѣ моей Е. Оригиналъ хранить при Маріинскомъ Правленіи, а копію и росписку сына моего выдать мнѣ на-руки. Въ Въ чемъ и подписуюсь: казакъ В. К. А. по неграмотности его под-писалъ N...

Духовный отецъ завѣщателя священникъ...

Засвидѣтельствовалъ Ст. Ат....

Помощникъ его...

3.

1878 года, Февраля 15 дня, я нижеподписавшійся, Области Войска Донскаго, Нижне-Курмоярской станицы казакъ Тимофей К. П., въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, на случай могущей послѣдовать мнѣ смерти, дѣлаю слѣдующее *отредѣленіе* собственному моему благо-пріобрѣтенному имѣнію: все это, какъ-то: небольшой деревянный до-микъ, состоящій въ Нижне-Курмоярской станицѣ, подлѣ домовъ кре-стьянина С. А., казака Е. Ф., съ дворовымъ пристроємъ, пару воловъ и пять овецъ и все прочее завѣщаю въ потомственное и безотчетное владѣніе и въ распоряженіе второбрачной женѣ моей Лук. С.; все это имѣние стоитъ девяносто восемь руб. с. Прочее имѣние, состоящее въ общемъ нашемъ съ женою владѣніи, какъ два молодыхъ садика, насажены женою моею Л., корова, мелкая скотина и свиньи, какъ пріобрѣтенныя ею Л., я завѣщать права не имѣю, внуки же мои, какъ надѣленные мною своевременно, вступаться въ завѣщаемое мною имѣние права не имѣютъ.

4.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь! 1869 года, Ноября 28 дня, я, раба Божія, Войска Донскаго Гниловской ст. жена уряд-ника Б., находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, заблагоразсу-дила учинить домашнее это духовное завѣщаніе собственному моему благопріобрѣтенному по покупкѣ имѣнію въ нижеслѣдующемъ: *пер-вое*—домъ 3-хъкоконный кирпичный, на такомъ погребѣ съ выхо-домъ, покрытый листовымъ желѣзомъ, флигель каменный, покрытый тесомъ и рубленая изъ барочныхъ пластинъ торговая лавка съ дво-ровымъ мѣстомъ, въ длину 18 и ширину 15 саж., опредѣляю въ вѣч-ное и потомственное владѣніе законному мужу моему А. М. Б. и родному сыну моему М., съ тѣмъ, чтобы мужъ мой А. М. сына на-

шего воспиталъ до 20-лѣтняго возраста и потомъ половинную часть завѣщаннаго мною имѣнія полностью передалъ сыну нашему М. Въ случаѣ же смерти сына до совершеннолѣтія, то имѣніе это должно поступить въ полное распоряженіе мужа моего А. М.; другихъ же родственниковъ и наследниковъ моихъ ближнихъ и дальнихъ отъ владѣнія и исковъ означеннаго имѣнія моего навсегда устраниаю, отъ коихъ бумагъ въ присутственныхъ мѣстахъ по сему предмету не принимать. *Второе.* Завѣщанное мною имѣніе находится Войска Д. въ ст. Гниловской по смежности съ дворовыми мѣстами: съ сѣверной стороны урядника С. К., съ южной П. К., съ западной вдовы К. *Третье.* Завѣщанному мною имѣнію, по чистой совѣсти, цѣну опредѣляю пять тысячъ рубл. сер. *Четвертое.* Завѣщаніе это должно имѣть законную силу и дѣйствіе какъ при жизни, такъ и послѣ смерти моей, въ чемъ подписуюсь (слѣдуетъ подпись). Домашнее это духовное завѣщаніе со словъ завѣщательницы писалъ Гниловской ст. казакъ Е. Что дѣйствительно завѣщаніе это учинено Б. въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и подписано въ присутствіи нашемъ своеручно ею, и мы въ томъ свидѣтельствуемъ собственноручнымъ нашимъ подписомъ (слѣдуютъ подписи 5 свидѣтелей, священника, станичнаго атамана. Въ концѣ приложена церковная печать).

отношенія ро-
дителей и дѣ-
тей.

Дѣти, по понятіямъ казаковъ, — признакъ „благословенія Господня надъ семьей“. Радость, которую испытываетъ казакъ при рожденіи дѣтей, ясно выразилась въ одной пѣснѣ, въ которой казакъ отказывается убить свою нелюбимую жену, только потому, что она ему принесла сына. Когда его любовница, говорить ему:

Давно тебѣ, молодець, я говаривала:
Убей ты свою ревнивую жену,
Ты возьми меня, красну дѣвицу.
— Ты душа моя, красна дѣвица,
Не рѣчь ты мнѣ говоришь:
Мнѣ съ тобою, красна дѣвица, одинъ вечеръ проводить,
Съ ревнивою женою цѣлый вѣкъ вѣковать:
Ревнивая жена мнѣ радость принесла,
Радость принесла, сына родила (Сав., с. 152)

Неимѣніе дѣтей почитается за Божіе наказаніе. Такъ въ одной изъ верховыхъ стан. казаки утверждали, что ихъ попадѣь Богъ дѣтей не даетъ въ наказаніе за то, что она уговариваетъ своего мужа вымогать у станич.

никовъ большія платы за требы. Сыновья въ однихъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ, въ глазахъ казаковъ, имѣють, повидимому, большее значеніе, чѣмъ дочери: „дочь кормить для людей, а сына кормить для себя“. За то въ иныхъ мѣстахъ (напр. во многихъ верховыхъ ст.) казаки прямо заявляли, что сынамъ они никакого предпочтенія не отдають, ибо дѣвушка тоже приноситъ пользу: за нее можно взять во дворъ зятя.

Власть родителей въ особенности отца надъ дѣтьми, по возрѣніямъ казаковъ, почти неограниченна: „дита мое, — воля моя“. „Власть отца отъ Бога и по подобію Божию: одинъ отецъ всего свѣта—Богъ, Онъ всему хозяинъ; такъ и отецъ въ семьѣ“. „Все равно что Господь, то и отецъ: Господь сотворилъ насъ, а отъ насъ дѣти“. Въ другихъ мѣстностяхъ говорили такъ: „отецъ въ дому какъ Авраамъ въ раю: Авраамъ въ раю первый, и отецъ въ дому первый есть“.

„Отецъ, по словамъ казаковъ, выше матери стоитъ: отецъ властитель и хозяинъ, какъ Богъ надъ всѣмъ свѣтомъ, а мать только мѣхоноша: вынашиваетъ только ребенка, а родить то его отецъ, кровь то его, потому и власти ему больше“.

Поэтому и благословеніе отцовское „старше материнскаго и проклятiе отцовское грознѣе“. Но „и мать,—великъ человекъ: во страстяхъ родила, грудью кормила; по смерти отца она его мѣсто заступаетъ“.

Въ прежнее время власть казака надъ дѣтьми была столь велика, что родившагося ребенка онъ могъ по своему усмотрѣнію оставить въ живыхъ, либо умертвить. По возрѣніямъ современныхъ казаковъ, „въ жизни и смерти дѣтей родитель не властенъ: онъ не смѣетъ отнять жизнь, которую даровалъ Богъ“. Поэтому и вытравливаніе плода, особенно когда послѣдній уже выросъ, считается тяжкимъ грѣхомъ, хотя и совершается сплошь и рядомъ казачками. Вотъ что напр. сообщаетъ г. Тимощенковъ изъ ст. Казанской. „Дѣтубійство распространено здѣсь, говорятъ, въ высшей

степени. Положительныхъ доказательствъ на это нельзя однако имѣть, потому что очень рѣдко это преступленіе дѣлается извѣстнымъ и бываетъ наказуемо по закону; но о распространеніи его свидѣлствуютъ священники, которымъ виновныя открываются на духу. Совершается оно всегда казачками, мужа которыхъ на службѣ и причиной его всегда бываетъ чувство стыда и страха наказанія отъ мужа. Убиваютъ дѣтей еще въ утробѣ матери. Для изгнанія ребенка мать прежде всего употребляетъ механическія средства или обращается къ какой-нибудь свѣдущей женщинѣ, очень часто къ своей родной матери, и та сообщаетъ ей секретъ, какого добыть зелья, какъ его приготовить, какъ принять. Наставить дочь въ такомъ случаѣ и избавить ее отъ позора на всю жизнь мать не сочтетъ ни преступленіемъ, ни грѣхомъ; даже не подумаетъ и покаяться священнику“ (I. с. р., 162).

Но отецъ имѣетъ право признать или не признать своимъ новорожденнаго ребенка. Онъ властенъ сейчасъ же послѣ рожденія или же впоследствии отдать его „въ дѣтища“ въ чужую семью и прекратить съ нимъ всякую связь. Нерѣдко бѣдные казаки „продаютъ“ (по выраженію бесѣдовавшихъ со мною казаковъ) богатымъ своихъ дѣтей.

Точно также казакъ отецъ, имѣетъ право отдать дѣтей въ наемъ, въ работники, лишить наслѣдства, прогнать, отъ себя. Вообще, „отецъ, по словамъ самихъ казаковъ, что хотитъ изъ дѣтей выгадываетъ“. Такъ нерѣдко казакъ: подрядясь на какую либо работу (напр. хлѣбъ возить), вмѣсто себя посылаетъ сына, или же, задолжавъ кому нибудь, за уплату долга посылаетъ сына въ работники къ заимодавцу.

Обязанности
родителей.

На обязанности родителей лежитъ: вскормить, вспоить, воспитать „въ страхъ Божиимъ“ („молитвы выучить“, „научить, что означаетъ воскресенье“) и приучить къ хозяйству. Въ Новониколаевской ст., согласно сообщенію г. Н. Донецкаго: дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и

дѣвочекъ, станичники стараются научить читать и писать. Большое образованіе для мальчиковъ считается излишнимъ и отдается предпочтеніе знанію разныхъ ремеслъ и хозяйства; дѣвочкамъ же напротивъ... (Д. О. В. 1875 г., № 17). Когда же выростутъ дѣти, родители обязаны „довести ихъ до дѣда“, т. е. сына женить, дочь выдать замужъ. Кромѣ того, на обязанности отца непременно лежитъ „справить сына на Государеву службу“, т. е. дать ему обмундированіе, коня и пр., на это имѣеть право даже выгнанный изъ семьи сынъ. Пока дѣти малы, то, по словамъ казаковъ, мать имѣеть о всѣхъ одинаковое попеченіе. Она даже больше отца для дѣтей имѣеть значеніе: „малый больше къ матери лѣзеть“. Но когда дѣти подростутъ, то мать болѣе заботится о дочеряхъ, а сынъ — „батюшкинъ сынокъ“. „Иногда лайка (брань) идетъ между мужемъ и женой изъ за дѣтей: мать нападаетъ на сыновъ, а отецъ ей въ отвѣтъ: „да и твои то дѣвки хороши что-ль“: отецъ знаетъ, что дочь чужой человѣкъ“.

Значеніе отца
и матери.

Дочерямъ мать нерѣдко украдкой отъ мужа покупаетъ платки и платья и проч. въ „сундукъ“. И послѣ выхода дочери замужъ мать нерѣдко продолжаетъ нѣжно заботиться о ней: часто она и замужнимъ дочерямъ отдаетъ послѣдніе свои платки и платья, говоря: „а мнѣ старикъ еще купить“. Подростшая дочь — невѣста обыкновенно составляетъ, особенно въ болѣе зажиточныхъ казачьихъ семьяхъ, предметъ особыхъ заботъ матери: „она больше высиживаетъ дома“, работая на себя (конечно, если есть кому замѣнить ее). При гостяхъ ее выдвигаютъ на видное мѣсто, чтобы на нее обращали вниманіе. Мать заботится о ея внѣшней красотѣ, при чемъ. „не брезгуетъ ни бѣлилами, ни румянами“, а также старается предохранить ее отъ загара *). Вслѣдствіе

*) Молодые казачки очень боятся загара, и чтобы предохранить себя отъ палящихъ лучей южнаго солнца, онѣ, отправляясь въ степь въ низовыхъ ст., плотно обутываютъ полотноцемъ все лицо и голову,

всѣхъ этихъ заботъ жизнь дѣвушки казачки въ родимой семьѣ бываетъ настолько хороша, что оставляетъ въ ней и по выходѣ замужъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Вотъ какъ это выразилось въ пѣснѣ:

Я у батюшки, у матушки
Одна дочка была,
Въ своей волѣ росла,
Свою волю я нашла:
Я безъ пива, безъ вина
Одинъ часикъ не была,
Я безъ рыбки ѣсть не сяду,
Безъ калачика не ѣмъ... (Секретевъ 1. с.).

О сыновьяхъ больше заботится отецъ: онъ понемногу приучаетъ ихъ къ верховой ѣздѣ и къ полевой работѣ, прикупаетъ вещи, необходимыя на службѣ, „справить то сѣдло, то стремяна, то недоуздокъ—все это понемногу копится“. Но и мать не забываетъ сыновей въ своихъ заботахъ, и часто на молодого казака мать имѣетъ болѣе вліянія, и онъ ее болѣе любитъ, чѣмъ отца. Эти нѣжныя заботы матери о сынѣ нашли себѣ отголосокъ и въ донской народной поэзіи: въ казацкихъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ рисуется въ привлекательныхъ чертахъ нѣжный образъ матери, то провожающей казака въ далекій походъ, то встрѣчающей его, то мучимой злыми предчувствіями несчастной судьбы сына, то оплакивающей его гибель, то молящейся за него.

Какъ никто то молодца провожать не идетъ,
Провожала его родная матушка,
Провожала, убажала, слезно плакала... (Сав. с. 148).

или:

Какъ во садикѣ во зеленомъ не кукушечка тамъ кукуетъ,
Въ теремѣ во высокомъ мать по сыну слезно плачетъ,
По единому, по родному, тяжелехонько вздыхаетъ,
Ты, чадо мое мило, ты почто, мое чадушко, состарился...
(Сав. с. 147).

оставляя лишь небольшую щелочку для глазъ; а въ верховыхъ ст., отправляясь на работу, казачки смазываютъ все лицо какимъ нибудь жирнымъ веществомъ, сверхъ котораго посыпаютъ дорожную пыль или золу, вслѣдствіе чего на лицѣ образуется довольно плотный слой, чрезъ который не проникаютъ солнечныя лучи.

Въ другой пѣснѣ о тяжело раненомъ казакѣ говорится такъ:

Онъ идетъ удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючею онъ слезою обливается,
Какъ никто то съ добрымъ молодцемъ не встрѣчается,
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка...
(ibid. p. 142).

Казакъ, умирающій на дальней сторонѣ, посылаетъ коня къ матери:

Прибѣги же ты, конь, къ моему ко двору,
Копытомъ ударь у вереюшки,
Тогда выйдетъ къ тебѣ вдова старая,
Вдова старая, мать родная моя,
Ты скажи: онъ жениться захотѣлъ,
Обнимаетъ поле чистое'теперь (I. с. p. 22).

Родители въ правѣ за ослушаніе наказывать дѣтей. Наказаніе дѣтей родителями.
При воспитаніи дѣтей казаки часто руководствуются тѣмъ, что „спина дѣло наживное: плетка поубавитъ тѣла, такъ наживешь новаго“,—а потому часто пускаютъ въ ходъ „жестокіе бои“. „Если ребенка не трогать, сказывали казаки, не наказывать за шалости, то онъ выйдетъ неукъ: нужно, чтобы онъ во всемъ родителей слушалъ, а коли добромъ не слушаетъ, то и по сѣчь можно“. Еще не въ столь давнее время, согласно рассказамъ самихъ казаковъ, въ ихъ средѣ весьма былъ распространенъ слѣдующій способъ наказанія даже взрослыхъ сыновей: непослушнаго сына отецъ привязывалъ на базу, къ плуту, или къ телѣгѣ, и затѣмъ билъ его возжами по спинѣ. При наказаніи дѣтей мать проявляетъ большую нѣжность и мягкость: она заступается за дѣтей и старается смягчить гнѣвъ отца: „отецъ хотя и укоряетъ ее—ты, молъ, мать, сама не праведница, сама потекаешь своимъ дѣтямъ, а напоследяхъ все же ее послушаетъ“. Вотъ какова любовь матери къ дѣтямъ, говорили казаки. Былъ у насъ на хуторѣ такой случай: сынъ прибилъ мать, и она пошла къ поселковому атаману съ жалобой. Тотъ съ нимъ хотѣлъ было толкомъ расправиться—

розгами наказать (тогда еще можно было), а мать то сама же заступилась, потому не снесло этого материню сердце (зап. на Караичевъ хуторѣ). „Сердце то материнское помягче отцовскаго: хочеть вдарить, а сама уже тутжить, что размахнулась“ (зап. въ Пятиизб. ст.).

Обязанности
дѣтей.

Дѣтямъ вмѣняется въ обязанность почитать родителей: „отца и мать уважать нужно—на томъ свѣтѣ пригодится“. (Марин. ст.). Почитаніе и внѣшнимъ образомъ проявляется: такъ напр. при разставаніи и при новой встрѣчѣ съ родителями дѣти кланяются имъ въ ноги, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казаки стоятъ передъ родителями, пока они не ведаютъ съѣсть (Сенюткинъ, I. с.). Дѣти не должны предпринимать ничего безъ родительскаго благословенія; въ старости они должны ихъ успокоить, допоить, докормить до смерти, а послѣ смерти поминать, хотя бы только въ теченіе сорока дней. Впрочемъ затраты на поминъ души обыкновенно предусматрѣны самими родителями. Для этого они продаютъ часть имущества, а деньги опредѣляютъ по смерти отдать либо попу, либо въ церковь.

Родительское
благословеніе
и проклятіе.

„Тяжелый грѣхъ съ родителями ссориться, худо это—отца не почель, значить, и Бога не почель“ (Малодѣл. ст.). „Но Господь и это простить, коли они до заката солнышка простятся“ (Черныш. ст.). Дѣти же, постоянно неуважающія родителей, „а не только что сгоряча“, будутъ наказаны тѣмъ, что на томъ свѣтѣ съ родителями не увидятся: отецъ, мать, быть можетъ, хоть въ рай-то и не попадутъ, за то будутъ по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь близъ рая находиться, а ужъ сынъ-то неуважливый непременно въ пекло угодить. На этомъ свѣтѣ непокорныя дѣти наказываются лишеніемъ родительскаго благословенія. Отеческое же благословеніе — „великое дѣло, что безъ него въ мірѣ человѣкъ? ни за что пропадетъ—все хозяйство пойдетъ не ладно, и будетъ онъ ни тепель, ни холоденъ“ (Кешинск. ст.). Это дѣти очень хорошо знаютъ, а потому даже ушедшіе отъ отца безъ благословенія, образумившись, приходятъ и въ ноги у отца

ползають: дай, молъ, мнѣ, батюшка, мое благословеніе, или: простите и дайте благословеніе, а то совѣсть мучить; такъ-то иной по многу лѣтъ бѣгаетъ, пока отецъ не проститъ (зап. въ Гнилов. ст.).

Въ крайнихъ случаяхъ родители проклинаятъ дѣтей. „Выгонитъ отецъ сына изъ дому съ однимъ крестомъ тѣльнымъ и скажетъ: „вейся, какъ въ полѣ вихорь“, и мать скажетъ: „чтобъ тебѣ труситься какъ горькая осина трусится“;—вотъ и пропалъ человѣкъ“.

Материнское проклятіе не такъ страшно, какъ отцовское: „не даромъ у насъ и говорится, что мать криводушница—скажетъ слово въ сердцахъ, а потомъ жалко станеть сама же отмаливать начнетъ, и Господь проститъ. А какъ отецъ что сказалъ—аминь слово: тутъ и конецъ—и радъ бы, да не воротишь. Какъ сказалъ отецъ, такъ тому и быть: Господь уже не будетъ послѣ этого еще судить“ (со словъ казака Кирѣева, въ Черныш. ст.).

Если съ непочтительными дѣтьми родители не спра- Наказаніе дѣ-
вятся своими средствами, то жалуются въ станичный тей въ ст. су-
дукъ. судъ. Судьи либо склоняють поссорившихся на миръ, либо постановляють: „сдѣлать внушеніе“ или наказать арестомъ на 3, 4, 5, 7 сутокъ, или денежнымъ штрафомъ (1—2 руб.). Вотъ примѣръ мировой сказки:

1882 года, іюня 14 дня, я нижеподписавшійся обязуюсь ни словомъ, ни дѣйствіемъ не наносить оскорбленій моей родной матери Маріи Карповой, а равно ея дочерямъ дѣвицамъ, а моимъ сестрамъ, вести себя кротко по отношенію къ моей родительницѣ и моимъ сестрамъ. если же я, послѣ этого обязательства моего, причиню какое-либо оскорбленіе, и мать моя, принесшая вторичное заявленіе въ Станичный Судъ на меня, покоряюсь ея волѣ и опредѣленію по ея усмотрѣнію и по приговору Пятиизбянскаго Станичнаго Суда, по закону уложенія о наказаніяхъ въ силу 1592 статьи; обязательство это я, по мѣрѣ силъ моихъ, долженъ исполнить свято и ненарушимо, не доводя ни до какихъ мать мою жалобъ на меня, въ томъ и подписуюсь въ присутствіи Станичныхъ судей. Казакъ Александръ Евсѣевъ. При томъ находились и во свидѣтельство подписуемся урядникъ Филиппъ Бирюковъ, урядникъ Максимъ Поповъ.

За отказъ кормить родителей судъ присуждаетъ давать средства пропитанія, напр.: помѣсячно — каждый

сынъ обязанъ давать 1 пудъ 32 ф. муки и проч., или погодно по 25 руб. и т. п., или же отдѣлить часть имѣнія на обезпеченіе родителей и т. д. Въ одной изъ низовыхъ ст. сыновья отказывались принять вдову-мать потому только, что они не были самостоятельными хозяевами: одинъ зависѣлъ отъ бабки, другой отъ тестя, и станичный судъ обязалъ ихъ содержать мать помѣсячно (Д. О. В.).

Имущество дѣтей.

Что касается семейныхъ работъ, то сыновья неотдѣленные работаютъ сообща съ отцемъ и „всякую копѣчку несутъ отцу“. Дурной сынъ однако нерѣдко воруетъ потихоньку. Но у сына есть и свое имущество. Это первыхъ— „справа“ (конь, сѣдло, стремяна, мундиръ) на царскую службу; во-вторыхъ— все добытое имъ на войнѣ, „нажитое на службѣ“ и „приобрѣтенное на сторонѣ“. Казаки привозятъ съ похода деньги: случается, что отецъ забираетъ ихъ, но ст. судъ, по жалобѣ сына, постановляетъ отдать ихъ обратно (насколько мнѣ извѣстно). Случается такъ, что вернувшійся съ похода сынъ покупаетъ на нажитыя во время службы деньги 2—3 пары быковъ: „отецъ не воспрещаетъ, а радуется этому“. На ярмарку они гонятъ быковъ вмѣстѣ съ отцемъ, а продаютъ каждый отдѣльно (зап. въ Пятиизб. ст.). Такъ на хуторѣ Евсеѣвомъ былъ такой случай: казакъ Сергѣй Павловъ имѣлъ 15 паръ воловъ, а сынъ его 2 пары; гоняли они ихъ съ отцомъ вмѣстѣ, а дѣлили такъ, что отецъ получилъ 15 долей, а сынъ 2 доли. Такъ изъ году въ годъ разживались, пока наконецъ сынъ не сравнялся съ отцемъ. Молодые казаки ходятъ иногда на заработки (извозъ, кузнечество), а прибыль обыкновенно приносятъ отцу: „онъ уже не растратитъ даромъ“. Болѣе мелкіе заработки въ праздничное или свободное отъ работы время сыновья въ однихъ мѣстностяхъ оставляютъ себѣ, въ другихъ же— отдаютъ отцу. Такъ напр. во многихъ мѣстностяхъ молодые казаки, получавшіе отъ меня плату за снятіе кошій съ рѣшеній станичныхъ судовъ, относили деньги къ отцу.

Гдѣ заработокъ идетъ въ пользу сына, тамъ отецъ даже проситъ займы у неотдѣленнаго сына.—Въ третьихъ—„каравайное“, „даровочное“ тоже принадлежитъ сыну вмѣстѣ съ его женой. Въ четвертыхъ—приданое и вообще имущество покойной матери принадлежитъ дѣтямъ, подѣломъ названіемъ сиротскаго. Если дѣдъ подаритъ внуку скотину („прежде часто дѣды дарили внукамъ строевыхъ коней къ службѣ“. Малодѣльск. ст.) и т. п., то, пока внукъ не отдѣлился отъ отца своего, послѣдній пользуется этимъ даровочнымъ, а затѣмъ обязанъ выдать сыну. Въ окрестностяхъ Пятиизб. ст. мнѣ говорили, что завѣщать внуку дѣдъ „черезъ отца“ ничего не можетъ. Внукъ можетъ дѣдовское получить лишь послѣ отца. Но на хуторѣ Караичевѣ сообщали, что завѣщанное дѣдомъ не можетъ отнять отецъ.

За долги неотдѣленнаго сына обыкновенно платитъ отецъ, коли сыну нечѣмъ расплатиться, но „за то потомъ и расправляется съ нимъ своимъ судомъ“.

Говоря объ отношеніяхъ родителей и дѣтей на Дону необходимо отмѣтить слѣдующее. Во 1-хъ, въ былое время, какъ помянуто, власть родительская была несравненно сильнѣй и неограниченнѣй, чѣмъ нынѣ; во 2-хъ, въ верховыхъ ст. она и понынѣ суровѣй, чѣмъ въ низовыхъ. Вотъ что по этому поводу рассказываетъ г. Мих. Сенюткинъ. „Родители пользуются у верховцевъ величайшимъ уваженіемъ... Почтенные отцы семействъ выслушиваютъ и исполняютъ съ покорностью всѣ даже прихотливыя желанія своихъ престарѣлыхъ родителей, предсмертныя слова ихъ имѣютъ часто силу духовныхъ завѣщаній, по формѣ составленныхъ. Родители для верховцевъ почти то же, что святые. Нѣтъ письма въ которомъ бы казакъ не испросилъ у нихъ заочнаго благословенія, на вѣки нерушимаго; нѣтъ важнаго случая на войнѣ, гдѣ бы онъ не считалъ себя спасеннымъ ихъ святыми родительскими молитвами. Бывали у верховцевъ примѣры поразительнаго величія родительской власти...“

Родительская
власть въ вер-
ховыхъ и ни-
зовыхъ станицахъ въ былое
время и нынѣ.

Такъ не въ слишкомъ давніе годы одна хоперская женщина за обыкновенный проступокъ противъ нравственности собственноручно наказала палкой своего богатыря сына, генерала Лощ—на, и когда онъ вскричалъ: „поми-луйте, матушка, вспомните, что я генералъ“—спокойно отвѣчала: „не генерала бью, а сына!“

..Правда, что въ нынѣшнее время родительская власть у верховцевъ замѣтно ослабѣла противъ прежняго, но она все еще несравненно сильнѣе, чѣмъ у низовыхъ казаковъ; гдѣ часто родители остаются безсильными передъ самыми капризными прихотями своихъ дѣтей“.
(„Донцы“. М. 1866 г., ч. II, с. 126—127).

Еще въ очень недавнее время власть отца не ограничивалась у казаковъ даже уходомъ сына на службу или отдѣленіемъ его на особое жительство, такъ какъ „отецъ властенъ въ сынахъ своихъ до скончанія вѣка“. Часто казаки, выдѣливъ сыновьямъ извѣстную часть имѣнія, затѣмъ снова отнимали его за непочтеніе сыновей.

„Прежде у насъ, говорили казаки Кепинской ст., отецъ сына разъ до трехъ разорялъ; отдѣлить бывало отецъ сына, только что онъ разживется, а старикъ поссорится съ нимъ, да и отыметъ все назадъ; нынѣ этого нельзя“. Но въ настоящее время многіе старики не считаютъ преступленіемъ расправиться и съ отдѣленнымъ сыномъ по своему. Такъ одинъ казакъ въ Малодѣльской ст. со слезами рассказывалъ мнѣ слѣдующее: сына своего онъ, хотя и неохотно, отдѣлилъ отъ себя и далъ ему часть имущества, а сынъ, вмѣсто благодарности, пришелъ, да и унесъ безъ спроса 150 р. денегъ. „Я, говорилъ казакъ, пришелъ къ нему со стариками и съ полицейскимъ и говорю: сынъ, отопри сундукъ. Онъ не отпираетъ. Я говорю: братцы, да что же это? ужели жъ я не воленъ въ своемъ имуществѣ — сынъ вѣдь мой и все его мое. Взялъ я топоръ, да и разбилъ сундукъ: въ деньгахъ оказалось недостача, тогда я еще кое какія вещи отобралъ.

Тутъ и старики были и полиція наша станичная была—ничего же они мнѣ не сказали, видно по закону дѣлать. А сынъ пошелъ къ мировому жаловаться и теперь слышно съ меня взыскивать будутъ за самоуправство. А какое же тутъ самоуправство“?!...

Обыкновенно нынѣ сынъ дѣлается независимымъ и самостоятельнымъ съ выдѣломъ на особое жительство. Но бываетъ въ этомъ случаѣ, по словамъ казаковъ такъ: „если отецъ отважный и сильный, то онъ держитъ сына въ рукахъ, даже когда тотъ въ отдѣлѣ живетъ, а если сынъ отважный, то рано начинаетъ своею волею жить“ (зап. въ нѣсколькихъ верхов. ст.).

И надъ дочерью, вышедшею замужъ, отецъ, по увѣренію самихъ казаковъ, сохраняетъ свою власть въ томъ смыслѣ, что можетъ ее наказывать за проступки. „Дочь даже выданная на сторону должна слушаться отца. Отецъ ее часто учитъ. Если услышитъ, что она худо себя ведетъ тамъ въ семьѣ мужа, то онъ приходитъ туда и увѣщеваетъ ее, а то и за косу отдеретъ, либо за щеки пощипеть. А то дожидается, когда она сама къ нему придетъ въ гости, тутъ онъ ее и проучитъ“. (Зап. въ Малод. ст.).

Власть родителей среди казаковъ и по сей день нерѣдко бываетъ весьма суровою. Вотъ что напр. говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей народныхъ правъ: „Я знаю богобоязненныхъ родителей, строго соблюдающихъ посты, усердныхъ къ храму Божію и которые при этомъ, вслѣдствіе особеннаго пониманія своихъ отношеній къ дѣтямъ и къ невѣсткамъ, довели своими жестокостями своихъ трехъ сыновей и ихъ женъ до того, что тѣ, не имѣя силъ болѣе терпѣть и выносить страданія, вмѣстѣ съ дѣтьми въ количествѣ 15 душъ явились въ станичное правленіе просить защиты отъ своихъ кровныхъ родителей... Станичное правленіе не можетъ въ этомъ случаѣ оказать помощь уже потому, что не имѣетъ на это законныхъ основаній, да кромѣ того сами станичныя власти въ большинствѣ держатся тѣхъ же

взглядовъ, какъ и прочіе станичники: вмѣшиваться въ семейныя дѣла другимъ нѣтъ никакого резона, а препятствовать „ученію и даже противузаконно“. (Д. О. В. 1874 г., № 37).

Но въдѣ покуда общественное мнѣніе самихъ казаковъ — сосѣдей и одностаничниковъ одобряетъ ту степень, въ которой проявляется родительская власть, отъ станичныхъ судей нельзя и требовать такихъ рѣшеній, которыя противорѣчили бы ихъ собственному убѣжденію. За то, всякій разъ, когда проявленіе власти со стороны родителей переходитъ границу одобряемаго общественнымъ мнѣніемъ — обиженные дѣти находятъ себѣ защиту и у станичныхъ судей, и у сосѣдей. Если дѣйствительно положеніе дѣтей (такъ сказывали мнѣ казаки), то онѣ жалуются, атаману и старикамъ. Тогда послѣдніе совѣтуютъ раздѣлиться; напр. если отецъ буйствуетъ, пьянствуетъ, расточаетъ имущество, а сыновья хорошей жизни, то старики и атаманъ сначала увѣщываютъ отца исправиться, а если это останется безуспѣшнымъ, то атаманъ созываетъ стариковъ „больше изъ родственниковъ“ и принуждаетъ силой къ раздѣлу: „самъ, молъ, не умѣлъ честью раздѣлить, такъ мы велимъ“ (зап. въ Малод. ст. и друг.). Но на сколько распространено это обыкновение общины вмѣшиваться въ дѣла семейныя мнѣ неизвѣстно. Вообще, насколько я успѣлъ замѣтить, вліяніе общины на семейный бытъ у казаковъ проявляется въ значительно меньшей степени, чѣмъ напр. у великорусскихъ крестьянъ. Что же касается до станичнаго суда, то онъ расточителей семейнаго имущества подвергаетъ выговору и увѣщанію, а потомъ, въ случаѣ неуспѣшности, наказываетъ арестомъ болѣе или менѣе продолжительнымъ (иногда на пищѣ въ уменьшенной порціи) или же приказываетъ учинить семейный раздѣлъ.

Но годъ отъ году слабѣетъ родительская власть въ казацкомъ быту, а идея личности пробивается все болѣе наружу въ средѣ верховцевъ, какъ и у низовцевъ. На всемъ пространствѣ Области мнѣ приходилось слышать

жалобы стариковъ на неповиновеніе со стороны родныхъ дѣтей. „Сильно ослабѣла наша власть, говорили старики: теперь къ примѣру идетъ сынъ въ кабакъ, отецъ зоветъ его домой, а онъ его срамно ругаетъ, отца то своего!...“ „Родительское благословеніе нынѣ тоже дюже не почитается: я, молъ, и безъ него человѣкъ“. Нерѣдко нынѣ сыновья бить отцовъ стали и за бороды таскать: „воспитываешь, нянчаешь сына то, а онъ на послѣдяхъ тебя же схватить за грудки да объ земь“...

Въ ст. Малодѣльской, въ которую мнѣ случилось прѣхать въ праздникъ, почему все населеніе было въ сборѣ, казаки собрались на майданъ и послали ко мнѣ атамана съ просьбой выйти къ нимъ. Передъ зданіемъ станичнаго правленія меня ожидала толпа стариковъ. Обнаживъ свои сѣдья головы, они мнѣ стали жаловаться, что „съ молодежью ладить не стало возможно“, что „совсѣмъ отъ рукъ отбились сыновья“, что „отъ сыновей нынѣ одно огорченье бываетъ, ласковаго слова не услышишь отъ нихъ, покорности отцу никогда не окажутъ теперь“, что „нынѣ къ выростку и то подступиться не моги: сейчасъ мировымъ стращаетъ, скажетъ отцу: ты что здѣсь хозяйничаешь, аль у мирового не былъ, такъ побываешь, погоди!...“ „Да мы въ наше время и помышлять не смѣли, чтобы старшаго ослушаться“... „Много тутъ и мировые судьи погрѣшили“... Старцы просили меня пособить имъ добрымъ совѣтомъ. Многіе плакали. „Нѣтъ, говорили они, помутился нашъ тихій Донъ, все вверхъ дномъ пошло. Горько намъ стало при концѣ жизни: ужъ и дѣти перестали уважать насъ“...

Это былъ протестъ стараго казачества противъ нарождающихся новыхъ бытовыхъ условій.

Какъ уже было выше сказано, помимо малыхъ семей, Большая каза-
чья семья. которыя преобладаютъ, существуютъ, главнымъ образомъ въ сѣверныхъ округахъ, и такъ наз. „б о л ь ш и я с е м ь я“.

Всего чаще большая семья держится пока живъ отецъ, а послѣ смерти его обыкновенно всѣ порознь расходятся. Даже еще при жизни отца сыновья отдѣляются одинъ за другимъ. Случается однако, что и братья послѣ смерти родителей живутъ вмѣстѣ. Однако, иногда большая семья и у казаковъ бываетъ очень велика: число членовъ ея доходить до 30—40 душъ. „Въ такихъ семьяхъ есть и внуки женатые“. Большая семья помѣщается либо подъ однимъ кровомъ, либо въ разныхъ хатахъ; бываетъ и такъ, что часть членовъ живетъ въ станицѣ, а остальная часть на хуторѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ они сохраняютъ тѣсную между собою связь посредствомъ общаго подчиненія волѣ „старшаго“ или „хозяина“. Въ казацкой семьѣ большака называютъ „хозяиномъ“ (если онъ отецъ или дѣдъ), „старшимъ“ (если онъ братъ или дядя), „старшимъ братомъ“; остальные члены — „меньшіе братья“, „внуки“, „большая“ (старшая сноха), „меньшая сноха“. Другъ друга снохи называютъ „сношельницами“.

Старшій.

Глава такой семьи одинъ, обыкновенно отецъ или дѣдъ, рѣже старшій братъ, очень рѣдко дядя. Старшій „самъ собою“, т. е. въ силу своего старшинства, дѣлается хозяиномъ, а не избирается. По смерти хозяина власть переходитъ къ его женѣ, которая имѣетъ власть и при жизни мужа, но ограниченную. Впрочемъ благоразумная вдова обыкновенно отстраняетъ себя отъ старшинства; братья дѣлятся, а она остается при младшемъ. По смерти матери, власть переходитъ къ старшему брату (Д. О. В. 1876, № 55). Въ ст. Казанской, если старшаго сына нѣтъ, а есть его вдова, то завѣдыванье хозяйствомъ передается ей и слѣдующему сыну. Сноха распоряжается въ такомъ случаѣ домашнимъ хозяйствомъ, а сынъ всѣмъ тѣмъ, что въ полѣ, на базу и на гумнѣ. (Тим.). И въ другихъ мѣстностяхъ говорили мнѣ, что вдова старшаго брата и при новомъ хозяинѣ сохраняетъ свое почетное положеніе и ее, какъ старшую сноху, всѣхъ болѣе слушаютъ.

Хозяинъ обязанъ завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ; въ особенности же на его попеченіи лежатъ полевыя работы. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы онѣ совершались во время и исправно; онъ раздаетъ приказанія; онъ получаетъ доходы и хранитъ семейную казну. Старшій посылаетъ нерѣдко младшихъ членовъ семьи на сторону, на заработки; когда не было желѣзныхъ дорогъ, многіе часто „въ ходу хаживали“: снаряжали по 2—6 паръ воловъ и отправлялись извозничать, подряжались товары или соль возить. По возвращеніи же домой, они отдавали отчетъ во всемъ старшему. Передъ покупкой чего нибудь болѣе цѣннаго старшій совѣтуется съ остальными членами. Обыкновенно передъ отъѣздомъ на базаръ или на ярмарку или въ окружную станицу онъ обращается ко всѣмъ со словами: „Говорите, что кому нужно“, и обсудивъ, дѣйствительно ли необходима требуемая вещь, онъ рѣшаетъ, купить ли ее или нѣтъ. Вообще говоря, хозяинъ-отецъ или дѣдъ болѣе свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ старшій братъ. Онъ, напримѣръ, покупаетъ на ярмаркѣ, что вздумаетъ, привозитъ любимой внучкѣ гостинцу и т. п., никого не спросивъ.

Дѣла болѣе важныя рѣшаются съ общаго совѣта. Семейный советъ. Особаго возраста не требуется для участія въ немъ: недоросли могутъ говорить рядомъ со взрослыми, женщины наряду съ мужчинами; мнѣніе всякаго уважается коли оно разумно.

Хозяинъ творитъ также домашній судъ и расправу. Онъ разбираетъ ссоры между членами семьи, дѣлаетъ выговоры и увѣщанія, виновнаго наказываетъ. Самое обыкновенное наказаніе побои „по старинкѣ“— „за чубъ отодрать или по щекѣ ударить, или „плеткой постегать“. — „Прежде и въ этомъ отношеніи былъ большій просторъ: нынѣ черезъ эту расправу старшаго часто выходятъ ссоры. Меньшій заступається за роднаго сына, нагрубить старшему: „не смѣй, молъ, моего сына бить—самъ съумѣю расправиться, мое вѣдъ дитя; не хочу съ вами

жить — отдѣлите меня“... „Прежде, рассказывали старики, у хозяина больше было власти... Помногу бабъ въ одной хатѣ живало и ссориться не смѣли: свекоръ крѣпко ихъ держалъ, а нынѣ чуть свекоръ трошки побилъ кого — сейчасъ къ мировому тянуть“. „Надъ членами семьи, живущими отдѣльными домами, по словамъ г. Тимощенкова, власть старшаго, отца или матери бываетъ такая же какъ и надъ живущими въ одномъ домѣ. Отецъ или мать не только вникають во все домашнія дѣла наказываютъ ихъ въ случаѣ оплошности, но даже могутъ брать у нихъ изъ имѣнія, что имъ угодно или идти къ нимъ жить“ (1. с.). Бываетъ, что отецъ или мать устраняють себя отъ хозяйства и передають все въ распоряженіе сына, хотя и въ этомъ случаѣ послѣдній не распоряжается самостоятельно, а всегда съ совѣта отца или матери и можетъ быть во всякое время лишенъ своей власти (ibid.). Иногда, передавая распоряженіе хозяйствомъ сыну, казакъ выдаетъ ему письменную довѣренность, которая свидѣлствуется въ станичномъ правленіи. Вотъ примѣръ подобнаго акта:

1880 г., іюля 10 дня. Любезный сынъ В. Е., по старости лѣтъ и весьма слабому здоровью, я лично не могу распоряжаться всеми моими хозяйственными дѣлами, почему уполномочиваю Васъ распоряжаться всемъ имѣніемъ моимъ въ стан. Ярыженской и хуторѣ Кадиновомъ, какъ недвижимымъ, такъ и движимымъ, для чего довѣрю вамъ снимать и сдавать въ аренду землю на время по вашему усмотрѣнію, распахивать ее и дѣлать посѣвы, производить уборку хлѣба и сѣнокосеніе, посредствомъ найма, посредствомъ членовъ моего семейства, получать и уплачивать арендные деньги, продавать скотъ и собранный хлѣбъ на удовлетвореніе семейныхъ потребностей и въ случаѣ надобности заготовлять все необходимое по хозяйству покупкою, а при недостаткѣ экономическихъ средствъ, предоставляю право кредитованія, т. е. брать отъ имени моего деньги и выдавать долговые обязательства въ суммѣ, которая будетъ потребна для пополненія семейныхъ нуждъ, словомъ, довѣрю завѣдывать всемъ моимъ хозяйствомъ, какъ бы лично. Независимо сего поручаю Вамъ веденіе всѣхъ монхъ гражданскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ мировымъ учрежденіямъ, для чего и довѣрю предъявлять иски, отвѣчать по предъявленнымъ ко мнѣ, подавать просьбы, заявленія и другаго названія бумаги и документы, участвовать въ словесномъ состязаніи

на судѣ, заявлять всякаго рода отводы и споры о подлогѣ актовъ и давать отвѣты по такимъ отводамъ и спорамъ, просить объ обезпеченіи исковъ и предварительномъ исполненіи, выслушивать рѣшенія и частныя опредѣленія, обжаловывать ихъ подачею апелляціонныхъ и частныхъ жалобъ и объясненій въ Мировые Съѣзды, равно ходатайствовать въ гражданскомъ Кассационномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судебн. учрежд. Кромѣ того уполномочиваю васъ получить отътуда слѣдовать будетъ копіи, справки и документы, а также исполнительные листы и взысканныя по нимъ деньги. Давныя вамъ полномочія Вы можете передовѣрить другому лицу. Во всемъ, что вы или вашъ повѣренный сдѣлаеть законно, я вамъ вѣрю спорить и прекословить не буду,

Если самъ хозяинъ ведетъ себя дурно и растрчиваетъ хозяйство, то его не смѣняютъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, а обыкновенно начинаютъ расходиться порознь (особенно, если жили вмѣстѣ братья по смерти отца). Впрочемъ бываетъ и такъ, что за отца начинаетъ хозяйничать старшій братъ, „когда еще терпѣть можно“. Обыкновенно такое состояніе длится не долго, пойдутъ раздоры, влекущіе за собою раздѣлъ.

Женщины въ большой семьѣ подчинены свекрови или старшей, большой снохѣ—которая распорядается ими въ домашнихъ работахъ. Старшая изъ женщинъ беретъ на свое попеченіе домашній обиходъ и въ это дѣло ея хозяинъ мало вмѣшивается. Она распредѣляетъ между снохами работу, опредѣляетъ, какую пищу варить, раздаеть шерсть для пряжи (послѣднее вмѣстѣ съ хозяиномъ); она же распредѣляетъ очередь между снохами для отправленія обязанностей стряпухи. Въ большой семьѣ бываетъ либо „недѣльная стряпуха“, либо ежедневная, либо полугодичная; послѣдняя въ тѣхъ случаяхъ, когда часть семьи живетъ на хуторѣ, а часть въ станицѣ. Старики обыкновенно живутъ на хуторѣ, одна изъ снохъ полгода живетъ при нихъ, у ней тутъ обыкновенно больше работы. Потомъ она замѣняется сношельницей, а сама отпускается въ станицу: „хотя и здѣсь есть работа, но все же станичное житье, по словамъ казаковъ, какъ то лучше:

Женщины въ
большой семьѣ

здѣсь и почету больше и удовольствія“. Сама старшая сноха освобождается отъ нѣкоторыхъ работъ, особенно если въ семьѣ много женщинъ. Напр. если она значительно старше другихъ сношельницъ или если у ней есть дочь, то она уже не исполняетъ обязанности стряпухи. Со старшей снохой прежде всѣхъ совѣтуется и старшій въ дѣлахъ домашнихъ и хозяйственныхъ. Но на полѣ „не ея дѣло: тутъ всѣмъ командуеть хозяинъ“. Если же онъ самъ не ѣдетъ въ поле или находится въ другомъ мѣстѣ, то онъ даетъ лишь общее направленіе работамъ, говоря: а въ остальномъ блюдите сами, чтобы было хорошо — и тогда всѣмъ заправляетъ сноха. Старшая же сноха наблюдаетъ и за поведеніемъ сношельницъ: младшихъ снохъ, коихъ мужья на службѣ, она увѣщаетъ вести себя „аккуратно“, чтобы мужъ не побилъ ихъ по возвращеніи. При этомъ она пугаетъ ихъ примѣрами, бывшими въ прежнее время или въ сѣсѣднихъ станицахъ и хуторахъ — какъ такой то казакъ билъ жену да еще при людяхъ, билъ до того, что жена старухой сдѣлалась, или, что такая то казачка оглохла отъ побоевъ мужа и т. п. Она увѣщаетъ сношельницу „стерпѣть“ до возвращенія мужа или уже если согрѣшить то такъ, чтобы люди не узнали. Если же ея увѣщанія не помогаютъ, то она жалуется старшему: Ивановна (напр.) баловаться, молъ, начала... Важную роль оказываетъ старшая изъ женщинъ, равно какъ и вообще всѣ женщины въ казацкой семьѣ въ дѣлахъ религіозныхъ и обрядовыхъ. Въ этомъ дѣлѣ имъ подчиняется и самъ хозяинъ. „Какъ семейный бытъ такъ и религіозныя убѣжденія въ семьѣ, говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей народнаго быта, направляются казачками... Казачки самыя надежныя защитницы старины, преданія, прадѣдовскаго обычая. На службѣ молисъ себѣ щепотью, а дома отмолишься за то большимъ крестомъ — даетъ наставленіе мать раскольница, провозая сына на службу“ (День 1862 г., № 26). Такъ долгое время ревнительницы древляго благочестія не могли помириться съ распространявшимся обычаемъ

пить чай: указывая на самоваръ, онѣ говорили: — „вотъ желтый бѣсъ на столъ влѣзъ“ (Сав. I. с.). Въ Пятиизбянской ст. мнѣ рассказывали, что женщины въ раскольничьихъ семьяхъ, ревностно соблюдающія старину, сажаютъ молодыхъ казаковъ, пришедшихъ съ похода, по прошествіи первыхъ часовъ свиданія „на эпитимію“, чтобы они очистились отъ той грязи и мерзости, которая, „яко копотъ налегда на нихъ“ за время ихъ сожитія съ церковными въ полкахъ, гдѣ они и табакъ курили, и изъ одной съ ними чашки ѣли, и малымъ крестомъ крестились. Только послѣ такого очищенія, продолжающагося иногда — если вѣрить рассказамъ казаковъ — по нѣскольгу дней, въ теченіи коихъ они отдѣляются вполне отъ прочихъ членовъ семьи, ихъ допускаютъ къ женамъ и къ общенію съ прочими семейными.

Старухи-бабушки играютъ важную роль въ казачьей семьѣ: мужъ на службѣ, жена на работѣ и поэтому воспитаніе молодаго поколѣнія, внуковъ, ихъ нравственныя и религіозныя убѣжденія, домашній порядокъ и хозяйство все это лежитъ на рукахъ бабушки. и оттого то она и пользуется большимъ авторитетомъ въ семейныхъ дѣлахъ (День I. с.).

Положеніе снохъ въ такой большой семьѣ очень часто бываетъ весьма тягостно. Здѣсь то преимущественно казачка и бываетъ „для мужа вѣковѣчная работница, свекрови безотвѣтная послушница, свекру-батюшкѣ утѣшница, а всѣмъ добрымъ людямъ куковница“. Здѣсь женщина должна считаться не только съ прихотями своего мужа, но и съ волей всѣхъ его родственниковъ, и недовольство на нее этихъ послѣднихъ даетъ поводъ къ ссорамъ съ мужемъ. Первымъ поводомъ раздоровъ, говоритъ г. Ермоловъ, нерѣдко является мать свекрови. Она за незнаніе обычныхъ семейныхъ порядковъ, подвергаетъ молодую женщину брани; она не желаетъ указать ей порядокъ, какъ вести семейныя дѣла, а наговариваетъ своему сыну... Что должна дѣлать молодая женщина, только что привезенная въ домъ своего поведи-

тели? Она часто даже не знаетъ, за что подвергается побоямъ... Родители лишь однимъ утѣшаютъ себя и своихъ дѣтей: небось жива будетъ! и мы такіе были; пусть знаетъ, что надъ нею есть мужъ"... (Д. О. В. 1875 г. № 70). На сноху возлагаются самыя разнообразныя обязанности. Она должна по выраженію пѣсни:

Свекору постелюшку стлать,
Свекрухѣ въ головѣ поискать,
Деверю коня добра сѣдлатъ,
А золовкѣ русу косу плестъ, (День, 1863 г. № 49)...
А четвертая забогушка—мужъ удаляя головушка...

А между тѣмъ: свекруха лиха, лиха неласкова, непри-
вѣтлива; она велитъ сыну плеточку купить, да молодую
жену учить (День, *ibid.*)... И вотъ

Невѣстушка капустушку сажаетъ, сажаетъ,
Поливаетъ и всю семьюшку проклиняетъ...

и восклицаетъ въ отчаяніи:

Ой, молодость, молодость,
Дѣвичья красота!
Не чаяла, молодость,
Измыкать тебя.
Измыкала молодость
Чужа дальня сторона:
Отецъ мать не своя,
А чужіе люди,
Не разгадливые. (Секретевъ).

Дочь вдова, „водворенная“ или „водворка“, т. е. за
которую во дворѣ былъ принятъ зять считается „старше“
сестеръ дѣвушекъ и снохъ и больше почитается, ибо
„у ней съ братами равная часть“ (зап. въ ст. Малод.).
Дочь вдова, выданная на сторону, но по смерти мужа
вновь возвратившаяся въ семью, становится „младше“
снохъ, ее положеніе бываетъ нерѣдко тягостно, ей при-
ходится унижаться передъ женами братьевъ (зап. въ
Пятиизб. ст.).

Въ экономическомъ быту семейства, по словамъ г. Ти-
мощенкова, бываетъ двойкій порядокъ. Въ нѣкоторыхъ

семействахъ мужъ (отецъ, старшій въ семействѣ) завѣдуетъ всѣми частями прихода и расхода безъ исключенія; въ другихъ же часть доходныхъ статей, именно овечью шерсть, масло, молоко, щетину, пухъ и перья онъ уступаетъ женѣ своей (свекрови) со снохами, но за это ничего не покупаетъ имъ кромѣ обуви, иногда даже съ ихъ не взрослыми и не работающими еще на домъ дѣтьми. Хозяйка уступленными ей продуктами, бабьимъ своимъ хозяйствомъ распоряжается двойко. Иногда она все это продаетъ и на вырученные деньги покупаетъ, что нужно себѣ, снохамъ и ихъ дѣтямъ; а большею частью она продаетъ только масло, молоко, пухъ и перья, шерсть же дѣлитъ между снохами по ровну, при чемъ и на себя беретъ часть. Во время зимы шерсть прядутъ, ткутъ сукно, которое продаютъ затѣмъ гдѣ нибудь на ярмаркѣ. Деньги, вырученные такимъ образомъ (суконныя деньги) женщины употребляютъ по своей волѣ. Случается, что свекровь дѣлитъ между снохами деньги, вырученные отъ продажи всѣхъ другихъ продуктовъ, отдавая ихъ въ распоряженіе каждой снохѣ. Но это бываетъ очень рѣдко. Большею частью свекровь сама ведетъ имъ расходъ. Если въ семьѣ, въ которой заведенъ такой порядокъ, умретъ отецъ, и мать, сдѣлавшись старшею въ семействѣ, станетъ распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ, то она все таки ведетъ дѣла по прежнему: отдѣльно ведетъ счетъ приходу и расходу общему, домовому и бабьему, т. е. деньгамъ шерстянымъ, маслянымъ и прочимъ. (Тим. I. с.). Во многихъ мѣстахъ сѣверныхъ округовъ казаки сообщали мнѣ, что прежде въ большихъ семьяхъ женщины сами справляли каждая своему мужу и одежду и обувку, но что этотъ порядокъ повлекъ за собой злоупотребленія: каждая изъ женщинъ старалась украсть либо курицу, либо пшеницу, либо что-нибудь другое изъ домашнихъ запасовъ; тайно продавала украденное на сторонѣ, а на вырученные деньги шила себѣ или мужу обновку. Поэтому нынѣ и бѣлье, и одежду, и обувку во многихъ мѣстахъ стали поку-

Хозяйственные
дѣла.

пять. Старшій закупаетъ на ярмаркѣ по куску холста и ситца, и отъ этого куска всякій членъ семьи рѣжетъ себѣ сколько ему требуется (съ согласія старшаго). Бываетъ и такъ: членъ семьи заявляетъ старшему, что ему то-то нужно, а тотъ покупаетъ. Сами себя обшиваютъ бабы, по словамъ казаковъ, только въ бѣдныхъ хуторахъ и станицахъ, въ прочихъ же все покупное. Материаль для пряжи тканья раздаетъ женщинамъ старшая сноха или свекровь „паюшками“, со словами: на вотъ тебѣ съ мужемъ. Даютъ не по равной части, но той женщинѣ больше, у которой больше дѣтей. Старшая сноха получаетъ наравнѣ съ остальными сношельницами. Остатокъ своего паюшка женщина можетъ спрятать въ свой сундукъ и продать въ свою пользу. Въ Ярыженской ст., по словамъ казаковъ, одежду и обувь даетъ старшій, но рубашку мужу должна шить сноха.

Женское добро.

Каждая изъ сношельницъ имѣетъ и свое имущество, состоящее изъ „сундука“ и пр. Имущество это неприкосновенно для остальныхъ. Въ минуты крайней нужды старшій обращается къ снохѣ съ просьбой: „дай, молъ, Ивановна, намъ на наши нужды, какъ оправимся, отдадимъ тебѣ опять: лучше у тебя взять, чѣмъ по чужимъ людямъ ходить кланяться“. Взятое такимъ образомъ займа должно быть возвращено, иначе сноха получаетъ право жаловаться въ станичный судъ. Скотъ, который снохи принесли съ собой въ видѣ „каравайнаго“ или приданаго, числится за ними, а приплодъ его идетъ въ семью. (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Дѣвушки также имѣютъ свое имущество. Бѣдные казаки нерѣдко посылаютъ дочерей въ работницы къ богатымъ *): Дѣвушку выводятъ на базаръ и тутъ договариваются относительно работы и вознагражденія. Обыкновенно отдаютъ въ наймы въ свою же станицу, и рѣдко дальше. Все или часть того, что дѣвушка зарабатываетъ,

*) Записано въ верховыхъ станицахъ.

идеть ей „на справу“. Такая дѣвушка получаетъ, по словамъ казаковъ, общее уваженіе: тотъ, другой хозинъ ее похвалитъ, сказавъ:—она у меня жила, скромная, работница и хотя она и бѣдной семьи, но справная (т. е. съ приданымъ), и дѣвушка получаетъ возможность скорѣе выйти замужъ. Особое дѣвичье имущество составляется и изъ заработаннаго дѣвушкой въ праздничные дни. Нерѣдко дѣвушки въ праздникъ подряжаются убирать сѣно и т. п., а вырученные деньги онѣ копятъ, или готовятъ приданое.

Въ семьяхъ казаковъ раскольниковъ (относительно православныхъ—не знаю) встрѣчаются дѣвушки, не вышедшія замужъ и проводящія время въ молитвѣ; ихъ приглашаютъ читать канонъ, псалтирь. Плата, получаемая ими за это, поступаетъ въ ихъ личное распоряженіе. Иногда на базу имъ строятъ особую хижку, „чтобы имъ никто не мѣшалъ молиться“. Но такая дѣвушка не отдѣляется отъ семьи: она наблюдаетъ за курами, исправляетъ нѣкоторыя работы. Она обѣдаетъ обыкновенно со всѣми вмѣстѣ.

До сихъ поръ шла рѣчь о „большой“ семьѣ, въ составъ которой входятъ лица родственныя другъ съ другомъ, но кромѣ этого въ казацкомъ быту бываютъ соединенія въ одну семью людей другъ другу постороннихъ. „Зажиточный, но одинокій или малосемейный человекъ, говоритъ г. Тимощенко, принимаетъ къ себѣ какое нибудь бѣдное, не имѣющее никакой собственности семейство изъ гражданъ (т. е. казаковъ) или иногороднихъ (обыкновенно мужа съ женой и съ дѣтьми) и заключаетъ съ ними условіе такого рода: жить имъ у него и работать 10 лѣтъ (иногда 15—20 лѣтъ) и за это получить домъ съ чуланомъ, весь необходимый дворовый пристрой и третью или четвертую часть изъ всего движимаго имущества (разумѣется—скотъ, возы и пр.). Это въ народѣ называется пристать или принять на года“ (1. с. р. 179).

Въ случаяхъ такихъ соединеній въ одну семью совершаются иногда и письменныя условія. Вотъ примѣръ:

Старья дѣ-
вушка.

Соединенія въ
одно хозяйство
лицъ неродст-
венныхъ.

1871 г. Юля 25 дня. Мы, ниже подписавшіеся, даемъ сію росписку казачкѣ Е. Д. въ томъ, что мы взяли у ней пару быковъ, корову съ подтелкомъ и 10 овецъ, за что мы обязуемся поить, кормить и одѣвать ее съ воспитанникомъ ее М. по смерти; въ чемъ и подписуемся (изъ архива Ярыженской ст.).

Стремленія къ семейнымъ дѣламъ.

Но чѣмъ южнѣе, тѣмъ рѣже встрѣчаются среди казаковъ „большія“ семьи, а въ самыхъ южныхъ ст. и хуторахъ ихъ почти нѣтъ вовсе. Такъ напр. въ Черкасскомъ округѣ „трудно встрѣтить 5—6 семействъ, въ которыхъ жили бы вмѣстѣ съ родителями 2, 3 женатыхъ сына, какъ это бывало въ прежнія времена“ (Д. О. В. 1876 г., № 50).

Низовые казаки предпочитаютъ, хотя скромный, да свой уголь, чѣмъ довольство, да въ большой семьѣ. Молодой казакъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы отдѣлиться отъ родной семьи. Во время своей полевой службы онъ старается накопить побольше денегъ, чтобы по возвращеніи на родину тотчасъ же имѣть возможность зажить своимъ хозяйствомъ.

Поводы.

Обыкновенными поводами къ раздѣлу служатъ: нежеланіе работать на меньшихъ братьевъ и сестеръ, ссоры между невѣстками и снохачество.

Снохачество.

Снохачество среди казаковъ настолько обыденно и заурядно особенно въ сѣверныхъ округахъ и болѣе среди раскольниковъ, что на него смотрятъ снисходительно и сквозь пальцы, лишь бы снохачъ не слишкомъ явно выказывалъ себя.

Казаки, желая пояснить насколько распространено у нихъ снохачество, рассказывали мнѣ въ шутку въ нѣсколькихъ мѣстахъ одну и ту же легенду, содержаніе которой слѣдующее. Въ одной станицѣ поднимали новый колоколь. Но какъ ни старались станичники—не могли его втащить на колокольную. Выискался тутъ какой-то иногородній и крикнулъ станичникамъ: „эй, люди добрые, это Господь по тяжкимъ грѣхамъ вашимъ усердіе ваше не принимаетъ—отойдите прочь всѣ, кто

съ невѣстками живеть!“ И прочь отошла вся станца.

Женивъ своего сына возможно раньше, казакъ пользуется сначала его молодостью, а затѣмъ продолжительнымъ отсутствіемъ изъ дому по службѣ и завязываетъ въ это время съ его женой любовную связь. Старовѣры снохачи часто женятъ, какъ было упомянуто, своихъ сыновей лѣтъ 13 или 14 на дѣвушкахъ лѣтъ 20 и старше подъ благовиднымъ предлогомъ имѣть въ домѣ работницу, при чемъ въ жены выбираютъ, конечно, такую, которая имъ самимъ нравится. Такимъ образомъ выходитъ, что жена не для сына нужна, а для отца. (Д. О. В. 1873., № 13). Вниманіе хозяина и данная имъ полная свобода щекочутъ самолюбіе невѣстки, которая не рѣдко бываетъ въ то же время младшая изъ сношельницъ. Это побуждаетъ ее еще больше склоняться на преступную связь (I. c.). Такимъ образомъ и полагается начало семейной драмѣ, которая разыгрывается по возвращеніи сына со службы, когда между нимъ и отцомъ порождается страшная неприязнь, влекущая за собой отвратительныя сцены. Сынъ старается поймать отца на мѣстѣ и, заставъ его, кричитъ: „куда ты лѣзешь, аль жены у тебя нѣтъ? а мать то моя нѣшто не жена тебѣ: къ ней и ступай!“ *) и т. д.

*) Въ ст. Чернышевской урядникъ Скобелевъ рассказывалъ мнѣ слѣдующій случай, бывшій не такъ давно. Казаку призналась жена, что свекоръ склоняетъ ее на грѣхъ съ нимъ. Сначала казакъ не повѣрилъ, но прослѣдивъ за отцемъ и убѣдившись въ справедливости словъ жены, сталъ ее ревновать. Наконецъ онъ предложилъ женѣ доказать ему, что все это дѣлается противъ ея собственной воли. Для этого *polliceri aem coegit, se, quum occasio oblata esset, penam socero abscuram esse. Sed quum id perficere vellet penemque cultro vulnerasset, exanimis facta est. Tum socer, valde perterritus, equum conscendit et in proximam coloniam, ubi medicum esse sciebat, pergit; maritus magno risu abeuntem patrem persecutus est, ipsa autem socrus, quum omnia quae evenerant, cognovisset, nurum objurgans, o crudelissima, inquit, mulierum, in totam vitam miserrimam me reddere poteris...*

Семейный ладъ въ такихъ случаяхъ прекращается. Вотъ что напр. рассказывалъ одинъ изъ мѣстныхъ наблюдателей народной жизни. „Марія Борисова, красивая и энергическая женщина, что выражается на ея увядшемъ отъ скитальческой жизни лицѣ, находилась въ любовной связи съ своимъ свекромъ Павл. Борисовымъ. По ея словамъ, она нѣсколько разъ говорила свекрови и мужу о томъ, что свекоръ ухаживаетъ за ней и не даетъ ей покою своими пристаиваніями; но не говоря уже о свекрови, которая не вѣрила ей, и мужъ не обращалъ на это никакого вниманія, тоже не вѣря ей. Въ результатъ получилось сначала насиліе, а потомъ преступная связь. По показанію на судѣ свекрови, съ этого момента никому житья въ домѣ не стало. Старикъ гонитъ изъ дому ее и всѣхъ дѣтей своихъ, а о томъ сынѣ, съ женой котораго онъ находился въ связи и говорить нечего, такъ что жить ему дома не стало никакой возможности, и онъ отправился скитаться по бѣлу свѣту, въ качествѣ бобыля, и до сихъ поръ скитается. Жена же его, бросивши свекра, ушла тоже изъ дому и ведетъ ту же скитальческую жизнь, какъ и мужъ“. (Д. О. В. 1880, № 69).

Не всегда однако бываетъ подобный конецъ. Не рѣдко снохачество служитъ поводомъ къ убійству снохача, совершаемому либо женой его, либо роднымъ сыномъ. (Д. О. В. 1873, № 13).

Болѣе смиренныя жены—по словамъ казаковъ—замѣчая преступную склонность мужа къ снохѣ, стараются дѣлать видъ, что ничего не знаютъ, потому что „горю не пособишь бранью и крикомъ“. Одна старуха казачка рассказывала мнѣ слѣдующую побасенку, которой она желала охарактеризовать отношеніе самихъ снохачей къ своимъ продѣлкамъ и къ своимъ законнымъ женамъ. „Охъ ужъ мужья наши, говорила казачка,—Богъ имъ судья... Вотъ, къ примѣру: приходитъ казакъ къ женѣ. Гдѣ былъ?—„Гдѣ былъ—мое дѣло“.—А у насъ новость есть: невѣстка забеременѣла.—„А! ну, это ея дѣло“.—

Да, говорятъ, забеременѣла то отъ тебя.— „А это мое дѣло“. — Ахъ, ты, старый хрѣнъ: да я тебѣ глаза за это выпарапаю, ѣсть тебѣ не дамъ. — „Ну, это ужъ твое дѣло“. — Да тебя стараго, грѣшника, Господь терпѣть не будетъ. — „А это Его дѣло—ты ужъ не мѣшайся“... Заплакала жена—ничѣмъ его лютаго нельзя пронять, лучше ужъ и не тревожить саму себя“...

Между условіями, поддерживающими снохачество въ казацкомъ быту, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ранніе браки казаковъ, при чемъ жены бывають сплошь и рядомъ значительно старше мужей. Вслѣдствіе этого жена состарится въ то время, когда казакъ сохраняетъ еще полную свѣжесть и силу. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: вся молодость казака, какъ извѣстно, проходитъ въ непрерывныхъ трудахъ, частью далеко отъ дома на Государевой службѣ и въ походахъ, частью же на полевыхъ работахъ. Годамъ къ пятидесяти, когда казакъ успѣетъ создать семьѣ извѣстное благосостояніе, онъ начинаетъ „жить на себя“, и, доставляя себѣ больше покоя и разныя удовольствія, вообще желаетъ насладиться жизнью. А къ тому времени жена его уже окончательно состарится, что и заставляеть его останавливать свое вниманіе на молодыхъ невѣсткахъ *).

*) Быть можетъ, этимъ же самымъ можно объяснить и другой видъ кровосмѣшенія, который встрѣчается кое гдѣ среди казаковъ, а именно—любовную связь казаковъ съ родной дочерью или внучкою? Такъ, въ Нижнекурморской ст. мнѣ рассказывали слѣдующій случай. На одномъ изъ хуторовъ родной отецъ имѣлъ подобную связь съ родной дочерью—дѣвушкой. Онъ ей дарилъ всегда подарки, привозилъ гостинцы, ревновалъ ее къ парнямъ, и всякій разъ, какъ къ ней сватался женихъ, онъ отказывалъ ему, пока наконецъ дочь не призналась матери, что отецъ растлилъ ее, отправившись съ нею ловить раковъ и подошедъ къ ней сзади, въ то время, когда она нагибалась надъ водой.

Быть можетъ, указанная причина порождаетъ и встрѣчающееся между старыми казаками скотоложество, (причемъ сукубумъ служить свинья). Сами казаки приписывали это сладострастію стариковъ.

Причины семейных дѣлежей. Отъ поводовъ къ семейнымъ раздѣламъ слѣдуетъ отличать причины ихъ. Значительную въ этомъ дѣлѣ роль играетъ, по моему, стремленіе казаковъ къ личной самостоятельности, болѣе развитая въ нихъ идея личности, что составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ казаковъ. Казаки сами хорошо понимаютъ разницу своего семейнаго быта и быта великорусскихъ крестьянъ: они сами мнѣ говорили, что семейныя связи у нихъ, казаковъ, „послабѣе“—какъ только какаянибудь ссора вышла, сейчасъ врознь расходятся. Можно думать, что всѣ казаки, даже старцы, повидимому, убѣждены въ необходимости рано или поздно отдѣлать сыновей и желаютъ ихъ удержать при себѣ до тѣхъ только поръ, пока не накопятъ достаточно имущества, чтобы послѣ раздѣла никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды. Такъ напр., во многихъ ст. я встрѣчалъ казаковъ, которые занимали себѣ пространства пустопорожней земли, огораживали ихъ и разводили затѣмъ сады. Такихъ садовъ у каждаго было по нѣскольку. Они приготовляли это къ будущимъ семейнымъ дѣлежамъ: чтобы каждому изъ ихъ сыновей и внуковъ достался отдѣльный садъ. Даже въ такихъ семьяхъ, гдѣ одинъ лишь сынъ, нерѣдко бываетъ, что, при извѣстномъ возрастѣ его, старикъ отецъ предоставляетъ въ его распоряженіе все имущество, а самъ строить себѣ на дворѣ близъ хаты шалашъ, по мѣстному выраженію, „хижку“ и поселяется тутъ, чтобы не мѣшать молодому поколѣнію.

Нынѣ старики и на Дону, какъ и въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи, жалуются на стремленіе молодежи къ отдѣламъ, потому что, за послѣднее время сыновья стали отсаживаться отъ родителей или самовольно, или слишкомъ рано. Только женить казакъ сына, а онъ уже намѣревается отдѣлаться. Часто отецъ не пускаетъ его, тогда сынъ отходитъ безъ благословенія и безъ всякаго надѣла со стороны отца. Онъ претерпѣваетъ страшную нужду и лишенія, часто бываетъ вынужденъ вновь соединиться съ родительской семьей и

все таки, при первой же возможности, отдѣляется снова. Сами казаки въ разговорахъ со мной, какъ на причину, побуждающую къ семейнымъ дѣламъ, указывали на это развитіе идеи личности. „Не одни бабы причиной раздѣла—говорили мнѣ они—но и хмѣльный напитокъ и буйный нравъ, а главное, что всякій хочетъ хозяиномъ быть“. „Это и справедливо—кто объ этомъ говорить: вѣдь надо ему быть когда нибудь хозяиномъ, да только нынче имъ времени то выжидать стало дюже тяжело. И какъ потомъ живутъ то худо: вѣдь кошки изъ подъ стола выманить нечѣмъ бываетъ, а все таки образумиться не хотятъ!“ „Самый раздѣлъ не противенъ Богу: раздѣлиться можно, да во время“. „Гордость обуяла, вольность пошла, народъ другой сталъ, ничего то съ нимъ не подѣлаешь: хотъ и сами видятъ, что у отдѣленныхъ ни въ полѣ, ни въ домѣ спорыньи нѣту, а все не въ прокъ идетъ; — говорятъ себѣ: „горе не принять, добра не видать“... Все это доводилось мнѣ слышать изъ устъ самихъ казаковъ самыхъ различныхъ мѣстностей Области.

Кромѣ сказаннаго, еще одна изъ причинъ, по которой казаки столь стремятся выходить на свои хлѣба или на своекошество, есть, по увѣренію г. Шкрылова, „желаніе воспользоваться установленной закономъ льготой для тѣхъ казаковъ, за выходомъ которыхъ на службу въ семействѣ не остается взрослога работника“ (Д. О. В. 1876 г., № 50). Наконецъ сами казаки указывали мнѣ еще одно обстоятельство, способствующее семейнымъ дѣламъ — раздѣленіе общинной земли на пай. Прежде, говорили они, раздѣлы значительно были рѣже, потому что земля не была подѣлена, и все хозяйство тогда отцомъ держалось: онъ могъ выгнать сына и ничего ему не дать. А нынче сыну все равно, что съ отцомъ жить, что одному: все равно у него свой собственный пай, и пахатный, и луговой, и лѣсной. Такимъ образомъ онъ при живности съ отцомъ уже отдѣленъ отъ него. Вотъ ему и все равно гдѣ жить-то, а потому

лишь только съ отцомъ не поладилъ, сейчасъ врознь — самъ, молъ, хочу хозяиномъ быть.

Самовольное выдѣленіе изъ семьи безъ благословія родителей называется у казаковъ „отходомъ“ или „уходомъ“; выдѣль сыну при жизни отца части имущества — „отдѣломъ“ (отдѣлить, отсадить на особое хозяйство); общій семейный дѣлежъ носитъ названіе „раздѣла“; раздѣль братьевъ часто называется „родовымъ раздѣломъ“.

Самовольный
уходъ.

Холостые казаки никогда, сколько мнѣ извѣстно, не отходятъ отъ семьи, ибо „одному идти въ люди все равно какъ въ темный лѣсъ“. Но женившись, казаки часто, не долго дожидаясь, уходятъ изъ родительской семьи. За самовольный уходъ непочтительнаго сына отецъ обыкновенно ничего не даетъ: на это онъ имѣетъ право, и общественное мнѣніе на его сторонѣ. „Непочтительный сынъ, говорили казаки, беретъ жену за руку и уходитъ съ однимъ крестомъ плотоноснымъ“. Сынъ почтительный, посовѣтовавшись сначала съ женой, приходитъ къ родителямъ и проситъ благословія: „батьюшка, матушка, благословите насъ на особое хозяйство“. Иногда отецъ скажетъ: „сиди, а то ничего не дамъ“. Сынъ посердится, но останется, а чрезъ полгода или черезъ годъ снова повторитъ просьбу“. Тогда „погрустятъ, поплачутъ всѣ вмѣстѣ; потомъ отецъ сниметъ со стѣны образъ и благословитъ сына: вотъ тебѣ святая икона, ей молись, помни Бога и насъ не забывай, живи честно, чтобы намъ черезъ тебя позора не было — не даромъ говорится, что сынъ по отцу родится“. Потомъ казакъ начинаетъ надѣлять (награждать) сына разными предметами домашняго обихода (чашку, ложку, чугунокъ, горшокъ) и земледѣльческими орудіями (плугъ, коса и т. д.). Размѣръ „награжденія“ зависитъ отъ воли родителей и отъ степени ихъ благосостоянія. Наконецъ сынъ кланяется родителямъ въ ноги и „идетъ прочь“. Во многихъ мѣстностяхъ, отдѣляя сыновей, казаки служатъ предварительно въ церкви молебень и даютъ отходящимъ хлѣбъ соль.

Отдѣль сыни.

Обыкновенно казаки отсаживают сыновей не всѣхъ сразу, а одного за другимъ черезъ годъ, черезъ два и болѣе. Но бываетъ, что еще при жизни отца происходитъ общій раздѣлъ. Тогда все движимое имущество и скотина раздѣляется „по кучамъ“. Отецъ воленъ дать при раздѣлѣ какую ему угодно часть сыну: если онъ однимъ изъ сыновей не доволенъ, то даетъ ему меньше, чѣмъ другимъ, но обыкновенно части бываютъ „единоравныя“. Разложивъ все на кучи, отецъ спрашиваетъ сыновей: ну что, дѣтки, всѣ ли части равны. Дѣти отвѣчаютъ: мы довольны, батюшка — равны всѣ части, или же: „нѣтъ, батюшка, вотъ этотъ быкъ какъ будто получше будетъ, перегони его вонъ въ ту кучу“ и т. п. Бываетъ и такъ, что для уравненія частей прикладываютъ и деньги. Затѣмъ отецъ трясетъ жребій (палочки съ разными мѣтами) въ шапкѣ и сыновья вынимаютъ по очереди: „у насъ, говорили казаки, всегда въ этомъ дѣлѣ жребій дѣйствуетъ, какъ святые отцы по жребію шли“. Бываетъ распределение частей и безъ жребія: отецъ самъ раздастъ ихъ по своему усмотрѣнію или „по заслугамъ сыновей“. Сынъ, недовольный полученнымъ при раздѣлѣ, кидается отцу въ ноги и проситъ прибавить.

Раздѣлъ при жизни отца.

Недвижимое имущество отецъ распределяетъ по своему усмотрѣнію: одному сыну даетъ курень, другому — амбаръ, третьему, вмѣсто того, — деньги. Если хата, такъ построена, что въ ней двѣ самостоятельныя части, соединенныя сѣнями, то ее дѣлятъ „по концамъ“, т. е. отдаютъ одну половину одному сыну, другую другому. Часто отецъ по смерти своей старухи строитъ себѣ на базу хижку, а хату отдаетъ кому нибудь изъ сыновъ — младшему или любимому, за что остальнымъ дается въ „прикладку“ больше скота и другихъ вещей. Бываетъ и такъ, что жребій кидаютъ кому оставаться на мѣстѣ. Но больше, по словамъ казаковъ — „хотя закона такого нѣтъ, чтобы домъ шелъ меньшому, но все какъ то случается, что онъ ему достается“. Дворовыя строенія, амбаръ и пр. дѣлятъ либо по жребію, либо по взаимному согласію („на

любках⁴). Случается однако, что отецъ, раздѣля хату съ сыномъ, ломаетъ ее и затѣмъ дѣлитъ всѣ бревна поровну. Такъ въ Пятиизб. ст. мнѣ говорили, что на одномъ изъ хуторовъ атаманъ съ своимъ отцемъ раздѣлился такимъ способомъ: весь курень они по бревнушкамъ раскидали, а потомъ каждый изъ нихъ особый домъ себѣ сталъ строить, а пока строились—оба на базу въ шалашахъ жили; старую печь оставилъ себѣ отецъ, а сыну за это деньгами выплатилъ. Сады дѣлятъ обыкновенно по количеству деревь „на пай“, при чемъ наблюдаютъ и качество деревь: вмѣсто одного стараго дерева даютъ нѣсколько молодыхъ. Потомъ разгораживаютъ садъ плетнями по количеству паевъ, и каждый ухаживаетъ за своей частью особо. Лѣсной паекъ въ тѣхъ станицахъ, гдѣ лѣсъ подѣленъ на долгій срокъ (лѣтъ на 17) отецъ, по словамъ казаковъ, оставляетъ себѣ, предназначая его послѣ смерти тому, кто его докормилъ. На сколько это обыкновеніе однако повсемѣстно—не знаю. Хлѣбъ дѣлятъ обыкновенно по ѣдокамъ, по душамъ уравнительно: у кого больше дѣтей, тому больше и хлѣба. Скотъ дѣлится такъ: за одного стараго быка двѣ скотины помоложе и т. п. Для уплаты долговъ отецъ при раздѣлѣ оставляетъ въ сторону часть имущества, стоимость котораго равняется суммѣ долга: напр., имѣя долгу на 100 р., казакъ спрашиваетъ сыновей, сколько изъ наличной скотины покрываютъ, по ихъ мнѣнію, означенную сумму; тогда это число не поступаетъ въ раздѣлъ.

Себѣ отецъ также оставляетъ единоравную съ сыновьями часть, но иногда, особенно если онъ старъ, онъ оставляетъ себѣ значительно меньше. Случается, что отецъ ничего себѣ не оставляетъ, и сыновья содержатъ его поочередно: поживетъ отецъ мѣсяцъ или годъ у одного сына, потомъ идетъ къ другому. Впрочемъ нынѣ, по словамъ казаковъ, это бываетъ рѣдко: „теперь дѣти поотвадились—по міру отцовъ то пускаютъ“... Отецъ, не оставившій себѣ ничего, работаетъ на семью наравнѣ съ другими, но изъ заработаннаго оставляетъ себѣ часть,

„чтобы послѣ смерти было на что похоронить и помянуть“.

По окончаніи дѣлежа сыновья нерѣдко даютъ росписки въ полученіи своей части, которыя и записываются въ книгу при станичномъ правленіи. Вотъ примѣръ:

1871 г. декабря 27 дня. Я, нижеподписавшійся, даю сію росписку родному отцу своему казаку К. Н. въ томъ, что прежде полученной мною отъ него части изъ имѣнія я еще получилъ къ оной лошадь, телушку 2-хъ лѣтъ и 8 овецъ, въ чемъ остаюсь доволенъ и другаго имѣнія отъ него, К. и наслѣдниковъ его искать не буду, въ чемъ и подписуюсь.

Бываетъ нерѣдко, что внукъ отходитъ на сторону тогда, какъ отецъ его остается съ дѣдомъ. Случается и такъ: внукъ съ дѣдомъ остается, а отецъ отходитъ. Сынъ не захотѣлъ жить съ отцомъ и скажетъ: я уйду отъ тебя. А отецъ ему скажетъ: ступай себѣ, а внука я не пущу (или „я у тебя сына отберу“) онъ и получитъ твою долю. Точно такъ же и внучка остается при дѣдѣ послѣ отхода отца. Дѣдъ ее обыкновенно „водворяетъ“, т. е. принимаетъ за нее зятя въ домъ, и она получаетъ „часть“.

Часть, которую себѣ оставилъ отецъ при раздѣлѣ съ сыновьями онъ можетъ завѣщать передъ смертью кому захочетъ. Если же онъ распоряженія никакого не сдѣлалъ, то она идетъ тому, кто его докормилъ, а остальные дѣти на нее никакого права не имѣютъ и требуютъ раздѣла такого имущества считается даже за тяжкій грѣхъ. (Тим.). Но въ другихъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что сыны эту отцовскую часть дѣлятъ поровну, если отецъ не оставилъ распоряженія. Да и распоряженія, дѣлаемая отцомъ словесно, не всегда нынѣ исполняются дѣтми и если на эту „часточку“ нѣтъ письменнаго духовнаго завѣщанія, сыновья не рѣдко поднимаютъ споръ и требуютъ „законнаго раздѣла“.

На случай смерти казаки дѣлаютъ распоряженія обыкновенно словесныя. Старикъ отецъ, чувствуя приближеніе смерти, приглашаетъ въ свой курень свидѣтелей

Распоряженія
на случай
смерти.

2, 3, 4 и болѣе родственниковъ и сосѣдей-стариковъ и въ ихъ присутствіи распредѣляетъ дѣтямъ имущество по своему усмотрѣнію. Такое распоряженіе имѣетъ силу духовнаго завѣщанія и признается станичными судами. Точно также и мать передъ смертью распредѣляетъ свое имущество: „такому-то сыну такую то вещь, а такую то—другому; а остальное всѣмъ поровну“ или „а остальное тебѣ, старикъ“. Неисполненіе предсмертной воли родителей считается тяжкимъ грѣхомъ: „это значитъ не давать покоя родителямъ въ гробѣ и тревожить ихъ кости“. (Тим.) Иногда родители заранее проклинаютъ того, кто станетъ послѣ ихъ смерти спорить. Но въ послѣднее время, по свидѣтельству самихъ казаковъ, стали часто не соблюдать это правило; нынѣ не рѣдко, по смерти родителей, дѣти заводятъ споры и судебныя дѣла по наущенію различныхъ свѣдущихъ людей. Поэтому казаки нынѣ стали чаще дѣлать письменныя завѣщанія. Но и до сихъ поръ эти послѣднія сравнительно рѣдки. Казаки учиняютъ ихъ въ такихъ лишь случаяхъ когда опасаются раздоровъ въ семьѣ, либо оспариванія своихъ распоряженій со стороны родственниковъ. Обыкновенно казаки, желая наградить свою вторую жену и обезпечить ее отъ притѣсненій пасынковъ (т. е. своихъ родныхъ дѣтей), оставляютъ въ пользу ея завѣщаніе. Оставляютъ духовныя завѣщанія если опасаются притѣсненій неотдѣленныхъ дѣтей со стороны отдѣленныхъ, или въ томъ случаѣ, если казакъ хочетъ наградить пасынка и опасается притѣсненія послѣдняго со стороны кровныхъ своихъ дѣтей, или въ случаѣ намѣренія лишить наслѣдства непочтительнаго сына. Такія духовныя завѣщанія свидѣлствуются въ станичномъ правленіи или записываются въ находящуюся при ономъ книгу актовъ. Чаше всего онѣ скрѣпляются подписью атамана, помощника его и писаря, а также и духовнаго отца завѣщателя. Вотъ примѣръ подобныхъ духовныхъ завѣщаній:

Духовныя завѣщанія письменныя.

I.

Апрѣля 12-го. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь. 1871 года, апрѣля 12-го дня, я нижеподписавшася признала нужнымъ, на случай смерти своей сдѣлать распоряженіе по своему имѣнію. Сямъ объявляю, что, въ случаѣ возвращенія моего по непредвидѣннымъ причинамъ въ войсковые предѣлы изъ путешествія, нижеписанное имѣніе, состоящее въ Маріинской ст., завѣщаю домашнюю абселюцію съ базнымъ пристроемъ и древеснымъ садомъ, также плановымъ мѣстомъ продать, и вырученныя деньги—половинную часть на поминъ меня, а другую половину раздѣлить поровну между родными дѣтьми моими, сыномъ Иваномъ и дочерьми Праск. и Мар.—Закромъ изъ досокъ въ хлѣбникѣ опредѣляю сыну Ив., кобылу двухъ лѣтъ рыжую назначаю внуку Василю, кобылу сѣрую продать и вырученныя деньги обратить на поминъ меня или отдать въ натурѣ священо-церковно-служителямъ, а жеребка изъ подъ ней опредѣляю дочери Прасковѣ, корову рябую, при мнѣ бывшую, также продать, и деньги вырученныя обратить на поминъ, а телка изъ подъ ней, телушку отдать дочери Мар., корову рябую, находящуюся у сына Ивана, которая въ замѣнъ моей, отданной имъ за строеваго коня вдовѣ казачьей женѣ Аннѣ Пивар. еще не возвращена, отдать дочери Прасков., а телушку изъ подъ ней внучкѣ Акулинѣ. Домъ же, въ которомъ я проживала, принадлежащій по раздѣлу имѣнія—дочери моей Прасковѣ. Душеприкащикомъ же моимъ, на случай смерти, назначаю роднаго брата моего есаула И. Ич., котораго прошу употребить изъ числа 30 мѣръ пшеницы половинное количество на поминъ натурою, а остальную часть продать также на поминъ. Затѣмъ всю домашнюю принадлежность, которая въ наличности окажется, распредѣлить между дѣтьми моими сыномъ Иваномъ и дочерьми Прасковей и Марьей.

Въ удостовѣреніе сего подписуюсь собственноручно съ присовокупленіемъ, что завѣщаніе это составлено мною въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Завѣщательница сего Маріинской ст. вдова, казачья жена А. Ф. Иванкова.

Засвидѣтельствовавъ ст. атаманъ....

Помощникъ.

II.

1880 года, марта 20 дня. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь.

Азь, рабъ Божій О. В. Д. чисто отставной казакъ М. Д., нынѣ находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, заблагодарасудилъ въ имѣніи своемъ, благопріобрѣтенномъ, написать духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ:

1.

Состоящее у меня нынѣ въ наличности имѣніе въ станицѣ Ярыженской, движимое и не движимое, а именно: хата съ чуланомъ и огорожею, роца разной породы деревъ, рогатаго скота — пару быковъ и двѣ коровы, а такое имущество опредѣляю въ наслѣдство, по смерти моей, родному сыну своему нынѣ живущему при мнѣ казаку Ш. Д. съ дѣтьми его, а до того имуществомъ своимъ я имѣю распорядиться самъ, съ тѣмъ, чтобы названный сынъ мой, какъ теперь, равно и послѣ, словомъ, до окончанія моей жизни, покоилъ бы меня, какъ я надежить по закону, а по смерти помянулъ христіанскимъ порядкомъ.

2.

Другимъ же какимъ-либо наслѣдникамъ, буде таковые окажутся по смерти моей, имущества въ наслѣдство никакого не назначаю, какъ напримѣръ, живущая отдѣльно отъ меня сноха и жена покойнаго сына моего Е., П. С., которая, по уходу отъ меня, подлежащую долю свою съ дѣтьми и моими внуками получила сполна. Въ томъ и подписуюся казакъ М. Д.

III.

1871 г. декабря 19 дня. О. В. Д. Ярыженской станицы чистоотставной казакъ Д. П., нынѣ находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти заблагоразсудилъ написать духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ:

1.

Состоящее нынѣ у меня въ наличности имущество благопріобрѣтенное недвижимое, а именно: въ станицѣ Ярыженской протяжной домъ о двухъ комнатахъ, съ чуланомъ и кладовою, и амбаръ съ дворовою огорожею въ хуторѣ Алипатовомъ протяжной домъ о двухъ комнатахъ, чуланомъ и кладовою и амбаръ съ дворовою огорожею; два сада заключающіеся изъ вишни, яблонь, вербъ и другихъ произрастеній; 26 штукъ рогатаго скота; 5 лошадей и шестьдесятъ пять овецъ, словомъ, все, что останется по смерти моей, я, какъ проживши съ второбрачной женою своею Ф. А. и пасынкомъ, а ея роднымъ сыномъ, казаккомъ Г. Ф. Д. болѣе 30 лѣтъ и оставаясь довольнымъ почтительности ихъ ко мнѣ и впредь надѣясь быть довольнымъ, опредѣляю имущество такое по смерти моей во владѣніе названной второбрачной *женѣ* своей съ пасынкомъ Г. и дѣтьми его.

2.

Родная дочь моя П. М. живущая отдѣльно отъ меня по замужеству, какъ награжденная мною, не должна въ завѣщанное по первому пункту имѣніе мое вступаться, а равно и другимъ какимъ-либо наслѣдникамъ, буде таковые окажутся по смерти моей, имущества вполнѣдствіи ихъ ничего не опредѣляю.

3.

Завѣщанному, значущемуся въ первомъ пунктѣ, цѣну не назначаю.

4.

Завѣщаніе это должно имѣть силу и дѣйствіе по смерти моей, а до того всеѣмъ вѣдѣніемъ я распоряжаюсь самъ.

Къ сему духовному завѣщанію завѣщатель казакъ Д. П., а за неграмотностью его подписали...

IV.

1880 г., октября 29 дня, О. В. Д. вдова, казачья жена М. З. въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти учинила сіе духовное завѣщаніе въ томъ, что мужъ мой казакъ С. З. умеръ въ 1876 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ коего остались у насъ два сына, казаки С. и П. З., отъ которыхъ я при раздѣлѣ общаго движимаго и недвижимаго имѣнія получила въ хуторѣ избу съ трехстѣннымъ чуланомъ и всею домашнею огорожею, изъ скота: три коровы и 3 пары воловъ, десять овецъ и другую домашнюю рухлядь; по сему достояніе это, по закону, содѣлалось для меня благопріобрѣтеннымъ, и я имѣю право распоряжаться имъ по собственному моему усмотрѣнію, а потому опредѣляю оное въ вѣчное и потомственное владѣніе сыну моему П. С. З., съ дѣтьми, сыну же С. съ дѣтьми его въ поясненное мое имѣніе ни по какому случаю не вступаться съ искомъ, ибо я *мишаю* его участія въ ономъ, собственно *за непочтеніе меня*; а если онъ послѣ чаянія вступится искомъ и начнетъ форменно дѣло, то прошу въ судебныя и правительственныя мѣста не давать ему суда и не полагать наслѣдственного удовлетворенія. Завѣщаніе это имѣетъ воспринять силу свою со дня смерти моей, а до того я сама распоряжаюсь имѣніемъ моимъ, доставшимся на мою часть. Завѣщаніе это, со словъ завѣщательницы З., писалъ урядникъ Аннинской станицы Т. Л. Къ сему завѣщанію вдовы казачки М. З. свидѣтели...

V.

Луганской станицы, поселка Верхней Ольховой, 1883 года, Генваря 28 дня. Вручаю своему внуку Зиновею Сухаревскому и женѣ моей Прасковѣ Сухаревской все свое имѣніе, движимое и недвижимое. По смерти моей раздѣлить пополамъ; женѣ моей—хата въ станицѣ, внуку моему Зиновею Сухаревскому одна пара быковъ и корова, и по двѣ овцы; амбаръ на поминъ моей души, а мельница тоже, кто похоронитъ меня, тому и мельница, а лошадь продать и раздѣлить деньгъ пополамъ женѣ моей Прасковѣ и внуку Зиновею, а быковъ должны поконаться, кому какіе достанутся. Для похороненія моего 7-мъ серебряныхъ цѣлковыхъ и 2 (два) золотыхъ.

При томъ были свидѣтели: Урядникъ Никифоръ Крестьяновъ. Иванъ Романовъ. Казакъ Ф. Гавриловъ, а по неграмотству его изъ рукоданной просьбы подписали... Засвидѣтельствовали Полицейскій, Поселковый атаманъ *).

Иногда назначаются душеприкащики изъ ближайшихъ родственниковъ. Въ Казанской ст. душеприкащики назначаются только тогда, когда умирающіе „состоятъ кому нибудь должными, или желаютъ сдѣлать вкладъ въ церковь или монастырь, а между тѣмъ на наследниковъ своихъ не надѣются. Въ такомъ случаѣ, опредѣляется имущество, которое душеприкащики должны про-

*) 1871 года, декабря 27-го дня, Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, села Васильева, временно обязанный *крестьянинъ* Ив. Дмитриевъ Бочеровъ, проживая въ Маринской Станицѣ и будучи въ здоровомъ умѣ и памяти, заблагоразсудилъ сдѣлать сіе домашнее завѣщаніе въ томъ, что 1-е, я имѣю у себя трехъ сыновъ, большаго Іосифа Иванова, средняго Василія и меньшаго Александра, изъ нихъ какъ первый Іосифъ назадъ тому годовъ десять оженился и взялъ жену себѣ Авдотью Петрову изъ богатаго дома, съ большимъ приданымъ, у котораго были наличныя деньги въ немаломъ количествѣ, и этотъ сынъ Іосифъ, будучи обезпеченъ содержаніемъ своимъ, устранился отъ имѣнія на особое жительство болѣе пяти лѣтъ и распоряжается своимъ имѣніемъ, то я не опредѣляю ему Іосифу, ничего, изъ своего имущества, находящагося въ Маринской станицѣ, по жительству моему въ оной, и долженъ быть доволенъ тѣмъ имѣніемъ женинымъ, которое у него съ женою имѣется, именно жилой домъ, въ которомъ онъ жительствоуетъ, вся абселюція, рогатый скотъ и лошади, нынѣ находящіяся въ его распорядженіи. Что же только останется по смерти моей, имѣніе и все продовольствіе въ вѣчное и потомственное владѣніе женѣ моей Аннѣ Петровой съ остальными двумя сыновьями В—имъ и А—имъ. Двѣ замужнія дочери Авдотьи Абросимова и Марья Галиц. должны оставаться довольными тѣмъ, что имъ предоставлено мною при выдачѣ въ замужество. Такое распорядженіе мое должно быть у наследниковъ моихъ отнюдь не нарушимо. Къ сему домашнему завѣщанію Ив. Д. Бочеровъ руку приложилъ.

Засвидѣтельствовалъ ст. атаманъ...

Помощникъ...

Писарь...

дать и деньги употребить по назначенію. Если бывають при этомъ остатки, то они отдаются наслѣдникамъ“ (Тим.).

По смерти отца его мѣсто заступаетъ мать. Мать, Раздѣлъ матери съ сыновьями. по словамъ казаковъ, можетъ, подобно отцу, отказать дѣтямъ въ раздѣлѣ. „Насъ было 4 брата при матери, говорилъ мнѣ одинъ казакъ Гниловской ст. — она намъ не дала раздѣла; тогда мы на своемъ же дворѣ стали понемногу устраивать свое хозяйство“. Но обыкновенно вдова, во избѣжаніе семейныхъ ссоръ, предпочитаетъ подѣлить сыновей. Если при дѣлежѣ явится затрудненіе, то она проситъ атамана и стариковъ въ свидѣтели. Но посторонніе въ подобныхъ случаяхъ присутствуютъ не всегда. Нерѣдко при такомъ раздѣлѣ оставляютъ часть имущества на поминъ души умершаго родителя, если онъ самъ не позаботился объ этомъ. Остальное имѣніе мать дѣлитъ на равныя доли, которыя и распредѣляетъ между дѣтьми, оставляя и себѣ равную долю. Иногда себѣ мать оставляетъ меньшую часть, а иная мать ничего себѣ не оставляетъ. Такъ напр.: въ Нижнекурмюрской ст. одна казачка, вдова, пожелала подѣлить двухъ сыновей: „я, говорить, въ преклонныхъ ужь лѣтахъ, а вы молоды еще, живите своимъ хозяйствомъ“. Потомъ повела дѣтей на базъ, загнала туда всю скотину, раздѣлила ее на двѣ части, привела стариковъ и кинула жребій. „Себѣ она щепки не оставила“. Когда сыновья получили доли, то она сказала: „а меня кто возьметъ?“ Оба сына кинулись ей въ ноги и начали просить каждый къ себѣ. Она согласилась идти къ старшему. Если мать ничего не оставляетъ себѣ при раздѣлѣ, то сыновья обыкновенно кормятъ ее поочередно; если же мать оставила себѣ часть, то она переселяется къ которому нибудь изъ сыновей, чаще къ меньшему, по словамъ казаковъ: „у меньшихъ болѣе уважають, потому что дѣти у нихъ еще малы, и они могутъ болѣе помочь старикамъ“. Кто докормилъ мать до смерти, тотъ и получаетъ доставшуюся ей при раздѣлѣ долю.

Раздѣлъ между
братьями.

Отъ этихъ дѣлежей отличаются раздѣлы между братьями. По смерти родителей братья у казаковъ живутъ нераздѣльно весьма рѣдко. Пока не раздѣлились, хозяиномъ считается старшій братъ. Но онъ, во первыхъ, не можетъ, подобно отцу, воспрепятствовать желанію остальныхъ братьевъ раздѣлиться; во вторыхъ, при дѣлежѣ онъ обязанъ, не руководствуясь личными соображеніями, дать всѣмъ поровну, „ибо братья имѣютъ равное право на родительское имущество“; въ третьихъ, братья чаще дѣлятся при свидѣтеляхъ — поселковомъ атаманѣ и старикахъ. Задумавъ дѣлиться, братья загоняютъ скотину на базъ; приглашаютъ означенныхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей, „чтобы видѣли какъ подѣлились и чтобы никто не могъ жаловаться, что его обидѣли. На уплату долговъ оставляютъ часть имущества или же „прикидываютъ“ старшему брату на его долю скотину, или хлѣба, а онъ уже самъ расплачивается. Кромѣ этого нерѣдко отдѣляется часть изъ общаго имущества на поминъ души покойнаго родителя. Все же остальное дѣлится „до послѣдней палки, чтобы не сурожничали между собой“. Бываетъ и предварительная оцѣнка имущества. Распредѣливъ все имущество на равныя доли, трясутъ жребій въ шапкѣ, а атаманъ вынимаетъ. Затѣмъ составляютъ „раздѣльный актъ“ и наконецъ угощаютъ свидѣтелей водкой. „Иной разъ весь хуторъ сбѣжится смотрѣть на раздѣлъ, но это изъ любопытства только“. Иногда братья, подѣлившись, оставляютъ въ общемъ пользованіи мельницу или садъ.

Больше затрудненія, по словамъ казаковъ, бываетъ при раздѣлахъ „сведенныхъ“ братьевъ. Мачиха - вдова клонитъ въ сторону дѣтей своихъ противъ дѣтей отъ перваго брана покойнаго; начинаются ссоры, и дѣло доходитъ до суда. Во избѣжаніе подобныхъ несогласій, казаки обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ оставляютъ письменныя духовныя завѣщанія. Въ Казанской ст., по словамъ г. Тимощенкова, „совершенно равное участіе въ имуществѣ, оставшемся по смерти родителей, имѣютъ

только братья и сестры единокровные, т. е. происходящие отъ одного отца; братья же и сестры хотя и единоутробные, но происходящие отъ разныхъ отцовъ, т. е. сведенные послѣ смерти родителей, каждый получаетъ часть только изъ того имущества, которое осталось отъ его роднаго отца. Дѣти, приведенныя матерью къ отчиму, если у нихъ отцовскаго имѣнія не было, ничего не получаютъ; если мать ихъ вмѣстѣ съ ними принесла въ домъ и ихъ отцовское имущество, то это имущество онѣ получаютъ свола^{на}. (П. с. р. 170). Въ Луганской ст. „дѣти перваго брака отца на имѣніе его послѣ смерти имѣютъ больше права передъ дѣтьми жены умершаго втораго брака. Поэтому дѣти отца выдѣляютъ мачихѣ съ дѣтьми ихъ отца меньшую долю изъ общаго имѣнія“ (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Что касается участія казачекъ-дѣвушекъ въ раздѣлѣ Доля женщинъ при семейныхъ дѣлахъ.
лахъ, то я встрѣтилъ два мачала. Въ однихъ мѣстахъ мнѣ говорили, что сестры дѣвушки получаютъ равную часть съ братьями, и въ этомъ смыслѣ рѣшали дѣла нѣкоторые изъ станичныхъ судовъ. Въ другихъ мѣстахъ казаки утверждали, что сестра-дѣвушка получаетъ лишь то, что дадутъ ей братья на справу къ свадьбѣ, „тѣмъ и бываетъ довольна“. На Поповомъ хуторѣ былъ слѣдующій случай: по смерти одного казака осталась вдова, три сына и дочь дѣвушка. При раздѣлѣ ихъ имѣніе было распределено на 5 долей: сыновьямъ по полной долѣ, матери также полную долю, а послѣднюю долю раздѣлили пополамъ: одну половину дали дочери, а другую половину положили „на умершую душу“, т. е. на поминъ души усопшаго. Иногда на долю того изъ братьевъ, при которомъ остается жить сестра дѣвушка, остальные „прикидываютъ“ лишнее. Если остаются только дочери, то онѣ дѣлятъ все имущество родительское поровну. Единственная дочь дѣвушка получаетъ все имѣніе. Тогда она обыкновенно принимаетъ во дворъ къ себѣ мужа. Сестра, вышедшая ранѣе смерти родителей замужъ на сторону, въ раздѣлѣ братьевъ не участвуетъ: „свою

долю она получила уже при справѣ (сундукъ, каравайное)⁴. Сестра вдова, водворка, получаетъ равную часть съ братьями: „чтобы дѣтей не поморила“. Бездѣтная водворка получаетъ, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, равную часть съ братьями. Зато въ другихъ мѣстностяхъ мнѣ говорили такъ: бездѣтная водворка получаетъ отъ братьевъ $\frac{1}{4}$ часть, $\frac{1}{8}$ часть, либо „чѣмъ благословить отецъ при смерти“, либо „что дадутъ братья“. Свекоръ, отдѣляя сноху вдову при дѣтяхъ, даетъ ей часть своего умершаго сына (ея мужа), иногда сразу все, иногда обѣщая, при достиженіи совершеннолѣтія внука, дать еще строеваго коня съ сѣдломъ на Государеву службу. Если вдова сноха бездѣтная, то иногда, особенно если она долго жила въ семьѣ свекора, послѣдній ей „прикидываетъ за прожитое время“. При выдѣлѣ снохи также нерѣдко приглашаютъ свидѣтелей, „чтобы сироты послѣ не могли сказать, что были задѣлены“ (Тим.).

Доля зятя,
усыновленнаго,
сироты и пр.

Зять пріемышъ получаетъ обыкновенно ту часть, на которую онъ условился при пріемѣ (подробнѣе выше). Желаящій отойти отъ стариковъ ранѣе постановленнаго въ условіи времени получаетъ либо очень малую часть, либо довольствуется приданнымъ своей жены. При отдѣленіи зятя принимается во вниманіе и число годовъ, которые онъ проработалъ на тестя. Имущество, принесенное зятемъ въ семью тестя, или же нажитое имъ во время походовъ и т. п., возвращается ему при отдѣлѣ сполна.

Сирота внукъ получаетъ пай отцовскій. Точно также отцовскій пай получаетъ и сирота племянникъ. „Принятые въ дѣтища“, т. е. усыновленные обоого пола, получаютъ равную часть съ кровными дѣтьми.

„Вскормленникъ“, т. е. воспитанникъ, получаетъ смотря по уговору: либо только справу на службу и къ свадьбѣ, либо еще часть изъ имущества. Вскормленникъ, долго жившій въ семьѣ, получаетъ равную часть съ сыновьями. На хуторѣ Поповомъ былъ такой раздѣлъ. Казакъ,

имѣвшій трехъ сыновей и одного приемыша, раздѣлилъ имущество на 4 части, изъ коихъ три онъ отдалъ сыновьямъ (поровну), а одну половину четвертой части взялъ себѣ, другую же половину отдалъ вскормленнику. Имущество, принесенное воспитанникомъ съ собой, въ раздѣлъ не поступаетъ.

При семейныхъ дѣлежахъ совершаются часто „раздѣльные акты“, которые записываются въ книгу при станичномъ правленіи. Въ нихъ отдѣленные даютъ рописку въ томъ, что свою часть они получили и остались довольны. За неграмотныхъ расписываются посторонніе по ихъ просьбѣ. Затѣмъ эти акты скрѣпляются подписью атамана и свидѣтелей. Иногда въ раздѣльныхъ актахъ указана и та сумма штрафа (100—200 р.), который обязуется уплатить нарушившій это условіе или возбудившій искъ. Вотъ примѣры раздѣльныхъ актовъ:

Раздѣльные акты.

1.

1880 г., марта 9. Мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казачка П. М. и племянники ея М., Н., Ф. 1-й, Ф. 2-й и С. написали настоящій актъ въ томъ, что по смерти дѣда нашего, а тетки отца, мы имущество его раздѣлили между собою въ слѣдующемъ порядкѣ: тетка М. получила на долю свою хату съ полукорридоромъ и кровать, М. горницу съ тремя стѣнами, половьяна корридора и поземельное мѣсто въ самой станицѣ, Ф. 1-й—амбаръ, И. особеннымъ имуществомъ убоготворень, а Ф. 2-й получить на долю свою отъ М. и тетки П. съ каждаго по 5 руб., всего 10 руб., каковыя деньги они обязаны заплатить къ Троицѣ сего года. Раздѣломъ вышеобъясненнымъ мы остались довольны, такъ что мы послѣ сего иска изъ насъ, такъ и наследниковъ, между себя простирать не должны, а таковой обязаны соблюсти свято. Въ томъ и подписуемся.

2.

1872 года, Февраля 9 дня, Чернышевскій станичный судъ. Чернышевской станицы вдова, казачья жена А. А. П., съ сыномъ своимъ, казакомъ Е. К. П., въ присутствіи станичнаго суда, по обоюдному съ обѣихъ сторонъ согласію, раздѣлили состоящее въ станицѣ Чернышевской имущество, оставшееся по смерти первой мужа, а послѣдняго отца, казака К. П., слѣдующимъ образомъ:

1-е. Первой А. П. постунаеть: домъ сосноваго лѣса, крытый соломомъ, о трехъ теплыхъ комнатахъ, съ комнаткою, чуланомъ и

крыльцомъ, съ половиною плановаго мѣста, кухня лѣтняя изъ глины, сарай, крытый соломой, двѣ пары старыхъ воловъ, корова съ телкомъ, двѣ лошади, пятнадцать овецъ, воловой возъ, конная повозка, и 35 четвериковъ пшеницы.

2-е. Послѣднему Е. П. поступаетъ глиняный домикъ, крытый соломой, о двухъ теплыхъ комнатахъ, съ половиною плановаго мѣста, кухня плетневая, погребъ, катухъ овечій, катухъ плетневой, базной пристрой, три молодыхъ пары воловъ, телушка 3-хъ лѣтъ, двѣ лошади, четырнадцать овецъ съ козами, два воловыхъ воза, молотильный камень, плугъ и тридцать пять четвериковъ пшеницы.

3-е. Значущійся въ 1-мъ пунктѣ домъ съ пристроемъ вдовы, казачей жены А. П., въ случаѣ смерти ея, долженъ быть раздѣленъ по равной части между сынами ея, казаками: отдѣляемому нынѣ Е. К. П. и отдѣленному еще прежде сего Я. К. П. Движимое же имѣніе, какое будетъ въ наличности, должно быть уотреблено на поминъ ея.

3.

Сентября 19-го дня, я ниже сего подписуюсь въ присутствіи станичнаго правленія въ томъ, что я послѣ смерти мужа моего Павла Ив. Манкотова отъ свекра своего и покойнаго мужа отца Ив. Артемьева Манкотова изъ вырученныхъ денегъ за проданные мои свекромъ дома и мельницы мужа моего въ законную часть мнѣ деньгами теперь всего двадцать руб. къ прежде полученному одной 2-хъ лѣтней телушки и домашней нѣкоторой рухляди, послѣ чего остаюсь вполне довольною и исковъ больше никакихъ имѣть не буду. Въ чемъ и подписуюсь вдова Агаф. М. Манкотова.

Засвидѣтельствовали: атаманъ NN. Писарь NN.

4.

1871 года, Ноября 28 дня, Чернышевскій станичный судъ. Слушали мировую сдѣлку слѣдующаго содержанія. Мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Чернышевской станицы, вдова, казачья жена, Елисавета С. и казакъ Л. С. въ томъ, что оставшееся по смерти первой мужа второбрачнаго, а послѣдняго роднаго отца, казака Ф. С. нецѣнное имущество, на основаніи религіознаго закона, Л. во владѣніи оставивъ все, какъ-то: деревянный домикъ и ветхій при ономъ пристрой, древесный садокъ съ колодцемъ. Мачихѣ моей Е. я, Л., отдалъ собственный мой деревянный домикъ безъ пристроя. Въ замѣнъ всего вышепронисаннаго въ сей мировой сдѣлкѣ имущества мебель, нахощаяся въ тѣхъ домикахъ, поступаетъ въ пользу: изъ отцовскаго Е., а изъ Л.—Л. Мирова я сія сдѣлка во исполненіе должна быть приведена съ 1 декабря сего 1871 года. Просимъ Чернышевскій станичный судъ принять сію мировую сдѣлку, для записанія въ книгу суда, и выдать оную наизъ постановленіемъ своимъ,

для безспорнаго владѣнія имуществомъ. Буде же изъ насъ обозначенный раздѣлъ кто-либо вздумаетъ опровергать или не исполнить условленнаго, съ того взыскаеъ въ пользу обиженнаго *сто руб. сер.* Къ сей мировой сдѣлкѣ руки приложили: казачья жена Е. П. С., а вмѣсто ея, неграмотной, съ личной просьбы, подписалъ казакъ Ф. А.; казакъ Л. Ф. С., а вмѣсто его, неграмотнаго, съ личной просьбы, подписалъ урядникъ Л. С.

При миротворствѣ С — бхъ находились и во свидѣтельство подписали: Чернышевскаго станичнаго суда судья Л. К. С. Постановлено: вдова казачья жена Е. П. и казакъ Л. Ф. С. имущество, оставшееся по смерти первой мужа, а послѣдняго отца, казака Ф. С., между собою раздѣлили безъ судебной процессии. По записаніи ихъ мировой сдѣлки въ книгу суда выдать имъ для безспорнаго ихъ быта, оригинальную сдѣлку съ постановленіемъ суда; дѣло почислить рѣшеннымъ.

5.

1878 года, Апрѣля 24 дня, поселка Фролова, вдова, жена казака, Ф. Т. Ф. и казаки А. С., Е. В. Ф. заключили сей между собою *раздѣльный актъ* въ томъ, что первая изъ насъ, раздѣлила съ послѣдними движимое имѣніе. Я, вдова Ф. Ф., получила отъ пасынковъ своихъ вышесказанныхъ: домикъ небольшого размѣра съ потолкомъ и сосновымъ поломъ, двѣ долевыхъ скамьи, кровать, столъ одинъ, сарай плетневой съ крючьями, одну вербу на корыто. Я, Ф. Ф., имѣніе это получила вполне добровольно и иска по имѣнію, какъ движимому и недвижимому, никогда и нигдѣ и ни въ какихъ судебныхъ учрежденіяхъ иска вчинать не буду, въ томъ и подписуемся: вдова, жена казака, Февронія Ф., а по неграмотству ея, съ личной просьбы, подписалъ казакъ Григорій Поганцовъ.

6.

Удовлетворительная подписка. 1879 года, Мая 9 дня, я ниже сего подписавшійся Войска Донскаго служилый казакъ И. И. М. Нижне-Курмоярской станицы, хутора Протопопскаго, даю сію росписку *родной своей матери*, вдовѣ, урядничьей женѣ А. В., и родному *брату*, уряднику С. И. М., въ томъ, что при добровольномъ съ обихъ сторонъ *отдѣль* матерью и братомъ меня при отдачѣ его въ зятя за казачью дочь П. К. на особое жительство я получаю данное ими мнѣ имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ отдѣломъ и отдѣленіемъ въ селеніяхъ я остаюсь вполне доволенъ. Поэтому послѣдники послѣ смерти моей не должны имѣть преемательство. въ чемъ бы такое не состояло. Однимъ словомъ, оставшееся имѣніе у матери и брата должно поступить сейчасъ же въ полное распоряженіе брата С.; въ томъ и вообще подписуюсь казакъ И. М.; при

этомъ были: казакъ Д. Ч., а по неграмотству его, по просьбѣ, подписалъ урядникъ К. К.

Я, согласно съ этою роспискою, имѣніе уступаю сыну С. Вдова, урядника жена А. М., а по неграмотству ея, по просьбѣ ея, подписалъ урядникъ И. И. К.

7.

1873 года, февраля 13 дня. Мы, нижеподписавшіеся, уряд. О. Т., казакъ Г. А. И., вдова казака М. А. Б., жена казака М. А. Б. и жена уряд. А. А. М., получили послѣ смерти отца казака А. Ф. И., въ наследство: деревянный домъ, крытый тесомъ, домъ небольшой и амбаръ деревянный, крытый сѣномъ, и девять штукъ рогатаго скота. Имѣнію этому, кромѣ скота, мы опредѣлили цѣну четыреста одиннадцать руб. сер., я, поговоря между собою, раздѣляли полюбовно такимъ образомъ: все строеніе это мы уступили Г., а онъ удвоилъ изъ опредѣленной за оную цѣну законными частями О. и Т. по 115 руб., а М., М. и Ал. по двадцать два руб. каждой; изъ рогатаго скота, М., М. и Ал. 3 штуки, а О. Т. и Гр. 6 штукъ. Раздѣль сей ни намъ, ни наследникамъ нашимъ никогда и не почему не измѣнять, о передѣлѣ нигдѣ не просить и по оному судебныхъ дѣлъ не заводить, а исполнять оный въ точномъ его смыслѣ: въ противномъ случаѣ каждый изъ насъ, нарушившихъ по какимъ либо причинамъ сіе условіе, обязанъ вознаградить 200 руб. каждого изъ всѣхъ тѣхъ, кто сохранитъ въ точности обозначенныя въ семъ полюбовномъ нашемъ раздѣлѣ условія. Имѣніе это никому не продано и въ спорѣ ни съ кѣмъ не состоитъ. Цѣну означенному имѣнію по совѣсти опредѣляемъ въ 495 руб. сер.; къ сей раздѣльной запискѣ казачья жена М. А. Б., урядникъ О. А. И., урядникъ Т. Ис., казачья жена М. Б., казакъ Гр. А. И., жена урядника А. А. М., а вмѣсто ея не грамотной, съ рукоданной просьбы, подписалъ урядникъ И. М. У сей раздѣльной записки свидѣтелями были и руки приложили: войсковой старшина И. С. Л., есаулъ В. М., сотникъ Ст. М., урядникъ А. К., унтеръ-офицеръ С. М., казакъ В. М. За все отцовское движимое и недвижимое имѣніе я съ брата своего Гр. наличными деньгами получилъ, иска самъ имѣть не буду и наследники тоже. Урядникъ П. И.

8.

1871 года, января 15 дня, я, нижеподписавшійся, Области В. Донскаго, Маріинской станицы отставной казакъ Алексѣй Иван. Болдыревъ составилъ сію раздѣльную запись велѣдствіе отдѣльныхъ и не отдѣльныхъ дѣтей моихъ, родившихся отъ перваго и втораго браковъ, нижеслѣдующему благопріобрѣтенному движимому и недвижимому моему имѣнію, состоящему въ юрту Маріинской станицы и опредѣленному въ вѣчное и потомственное владѣніе, именно стар-

шему и отдѣльному сыну Алексію пару воловъ, телушку 2-хъ лѣтъ, коня для службы и трехъ овецъ на сумму 92 рубля; младшему сыну Петру, водворенному на жительство къ отставному казаку той же станицы Стефану Шмакову, одного вола, корову, коня 3-хъ лѣтъ и три овды на сумму 91 руб.; малолѣтнимъ дочерямъ, живущимъ при мнѣ: Ольгѣ 10 лѣтъ—пару воловъ, кобылицу и трехъ овецъ на сумму 61 руб. Евдокіи 5 лѣтъ—пару воловъ, кобылицу и трехъ овецъ на сумму 51 руб., и кромѣ того, для двухъ дочерей этихъ одну корову въ 15 руб., а остальное имѣніе, состоящее изъ деревяннаго дома, досчатой кухни, двухъ садовъ древеснаго и винограднаго, одного вола, двухъ кобылицъ, 14 овецъ, также абселюціею и другими домашними вещами движимыми, всего на сумму въ 190 руб. оставляю для пропитанія себя съ женою и воспитанія двухъ малолѣтнихъ дочерей моихъ Ольги и Евдокіи. Амбаръ же, построенный въ прошломъ 1870 г. есть сиротскій, поставленный на деньги, въ количествѣ 100 р., принадлежащія падчерицамъ моимъ Екатеринѣ и Домнѣ Моисѣевымъ Болдыревымъ, а потому онъ въ настоящую раздѣльную запись не входитъ. Запись эту на основаніи полож. въ Донской области, обязанъ предъявить въ Маріинское станичное правленіе и засвидѣтельствовать установленнымъ порядкомъ. Къ сей записи казакъ А. Б. руку приложилъ.

Засвидѣтельствовавъ станичный атаманъ. Ст. печать.

9.

№ 7. Января 23-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, казакъ В. В. М. и зять его урядникъ К. И. П. заключили сіе условіе между собою въ томъ, что купленный нами деревянный домъ, крытый тесомъ, подъ № 6-мъ, при домѣ досчатый амбаръ, крытый тесомъ, досчатая кухня, крытая сѣномъ, базный пристрой и вокругъ дома досчатая огорожа; все это вышепрописанное куплено у хорунжаго П. К. А., за цѣну 435 руб. сер. Все это вышесказанное мы между собою согласились, по желанію нашему, раздѣлить пополамъ и изъ насъ первый казакъ В. В. М. опредѣляетъ часть свою въ вѣчное владѣніе родному внуку своему И., а зять его родному сыну, который остался отъ покойной его родной дочери, В. П.; мѣсто же, на которомъ стоитъ домъ съ пристроемъ, должно принадлежать послѣднему, уряднику К. П. Домъ же, а также и всю принадлежность, чтобы безъ свѣдѣнія обоюднаго ничяго между собою согласія, а также и внука его М., а зятя его сына, будучи достигнушаго совершенныхъ лѣтъ, не имѣлъ права продавать. Въ домѣ же послѣдній П. имѣетъ полное право проживать до тѣхъ поръ, пока потребуется необходимая надобность въ житіи сына его И. Условіе это мы по единодушному согласію нашему заключаемъ свято и неварушимо; въ томъ и подписуемся казакъ:

В. В. М., а по безграмотству его подписалъ казакъ Г. Т. и урядникъ К. И. П. своеручно.

А что написано на четвертой страницѣ: не имѣлъ права продавать, тому вѣрять.

При этомъ находились, засвидѣтельствовали и подписали урядники Р. Е. и Ш.

Засвидѣтельств. Стан. Атаманъ.

Станичн. писарь.

10.

1880 г., іюня 18-го дня, я, нижеподписавшаяся, Филоновской станицы каз. Н., по второму мужу П., дала эту росписку бывшему свекору и деверьямъ, Ярыженской станицы казакамъ Н. С., М. Н., Г. Н., К, въ томъ, что подлежащую мнѣ часть изъ имѣнія за прожитое время въ домѣ К. и часть имѣнія сиротъ моихъ, малолѣтнихъ дѣтей С. и Е., именно: пара воловъ 90 руб., телушка 15 руб., шесть овецъ 18 руб., повозка на ходу 3 руб., каковымъ имуществомъ, т. е. выдѣломъ, осталась довольна, почему исковъ ни въ какихъ судебныхъ учрежденіяхъ въ К. равно не должны простирать и вышеназванныя дѣти С. и Е., въ томъ подписуюсь.

Отдѣленный на особое хозяйство облюбовываетъ себѣ новое мѣсто подь „абселюцію“ близъ хутора, или станицы. Такъ какъ земли еще много, то во многихъ мѣстахъ занимаютъ пространство безпрепятственно, гдѣ угодно.

Случается, что подѣлившіеся снова сходятся. „Тягостно станеть сыновьямъ въ отдѣлѣ жить и опять въ кучу сойдутся. Придетъ сынъ къ отцу и скажетъ: прими меня, батюшка, потому что я еще молодъ по хозяйству, а ты будь надо мною старшій“. Но сыновья обыкновенно не живутъ по долгу съ отцомъ и на этотъ разъ.

Въ казацкомъ быту выкупъ родовыхъ имѣній извѣстенъ, „такъ что еще при жизни отца отдѣленные сыны его съ покупателями имѣній заводятъ судебные процессы и въ имѣніяхъ отца, благопріобрѣтенныхъ имъ еще при жизни и послѣ смерти пріобрѣтателя, сыны заявляютъ право на выкупъ“. (Д. О. В. 1876 г., № 55).

Опека.

Сироты остаются на попеченіи оставшагося въ живыхъ супруга. Такимъ образомъ отецъ или мать явля-

ются естественными опекунами. На ихъ попеченіе возлагается какъ сама личность, такъ и имущество сиротъ. При этомъ часто родственники умершаго супруга просятъ станичное правленіе составить опись сиротскому имуществу, напр. „сундуку“ матери, чтобъ этимъ оградить имущество отъ растраты со стороны оставшагося въ живыхъ супруга. Станичное правленіе дѣлаетъ обыкновенно опись всему имуществу и хранить ее въ архивѣ до совершеннолѣтія сиротъ: или же опись остается у опекуна. Но естественные опекуны, отецъ или мать, могутъ быть замѣнены другими по рѣшенію общества. Это бываетъ въ случаѣ пьянства или безпорядочной жизни отца или матери сиротъ.

Когда останутся круглыя сироты, то обыкновенно установленіе опеки происходитъ въ такомъ порядкѣ: „какъ только въ семействѣ останутся безъ призрѣнія малолѣтнія сироты, то станичное правленіе или собравшееся общество, если это въ поселкѣ, призываетъ близкихъ родственниковъ и предлагаетъ имъ взять на воспитаніе сиротъ, а также и ихъ имущество“. (Тим. I. с. р. 175). Если же родственниковъ не найдется, то въ опекуны назначаютъ кого-нибудь изъ постороннихъ. Когда казакъ отказывается принять на себя эту обязанность, то его упрощаютъ, говоря: „не себѣ, молъ, въ честь, такъ Богу въ честь дѣлаешь это“. Все движимое изъ имущества сиротъ (напр. скотъ, хлѣбъ и пр.) продается и обращается въ деньги или же принимается опекуномъ по описи, засвидѣтельствованной въ станичномъ правленіи, вмѣстѣ съ дѣтьми. Недвижимое имущество и земля сиротская часто сдаются въ аренду; сиротскія деньги отдаются частнымъ лицамъ въ ростъ, или кладутся въ банкъ (напр. въ банкъ въ Ростовѣ на Дону). Иногда, для большей вѣрности, сиротскія деньги отдаются въ ростъ самимъ станичнымъ правленіямъ. Вещи, могущія отъ времени испортиться (напр. одежда), описываютъ и, отдавая опекуну на храненіе, нерѣдко на случай порчи, заранѣе опредѣляютъ ту сумму, которую онъ будетъ

Опекуны.

обязанъ выдать сиротамъ въ вознагражденіе. Бѣднымъ сиротамъ помогаетъ общество, съ общихъ силъ давая пособіе тому, кто ихъ принялъ на воспитаніе.

Его обязан-
ности.

На обязанность опекуна, возлагается сохранить сиротское имущество въ цѣлости и, по достиженіи совершеннолѣтія, возвратить имъ все сполна. Иногда опекуны обязуются воспитывать его, какъ о родномъ заботиться о немъ, „не имѣть его въ домашнемъ быту праздношатающимся“, „по домашнимъ работамъ его въ пользу никакую не употреблять, для него не полезную“. Вотъ примѣръ особаго условія, въ которомъ изложены обязанности опекуна:

№ 31. Юня 22-го, 1871 г. Обязательство. Нижеподписавшаяся Маринской ст. вдова Прасковья Ивановна Хохлачева даю сію подписку роднымъ: свекру моему Данилѣ и свекрови Александрѣ Хохлачевой въ томъ, что я прошу и принимаю роднаго сына своего, а ихъ внука, сироту Андрея Ильина Хохлачева, 6-ти лѣтъ, родившагося въ 1866 году, котораго я отъ свекра и свекрови принимаю на собственное воспитаніе, какъ родная пещись о немъ: 1) содержать его Андрея съ семи лѣтъ въ приходскихъ и окружныхъ училищахъ непремѣнно, а расходъ на воспитаніе имѣть собственнокостнымъ, не истребывая отъ свекра и свекрови части, принадлежащей ему отцовской до возраста его, а по совершеннолѣтіи, онъ, Андрей, долженъ требовать отъ кого слѣдуетъ вполне свою отцовскую часть, нынѣ которая не получена, а до возраста требовать какъ частно, такъ черезъ начальство не буду и на содержаніе его въ наукахъ. Наконецъ не имѣть его въ домашнемъ быту праздношатающимся, по домашнимъ работамъ въ пользу никакую не употреблять, для него не полезную; почему тогда родные дѣдъ и бабка, вышеобъясненные Хохлачевы, имѣютъ полное право черезъ начальство взять отъ меня моего сына, а ихъ внука Андрея, за отступленіе мое, данное по закону, и по возвращеніи отъ меня къ нимъ, воспитывать также въ училищахъ, не праздно на работы употреблять. Описъ же имѣнью умершаго мужа должна имѣться у меня. Въ чемъ я подписуемся со стороны вдовы М. И. Х., а по безграмотству ея, росписался казакъ NN.

Засвидѣтельствовалъ станич. атаманъ Хох.

Помощникъ N.

Писарь N.

Особаго вознагражденія опекуну изъ имущества сиротъ не бываетъ. Но обязанности опекуновъ казаками

отбываются „за внутреннюю службу“. Строгаго и бдительнаго контроля надъ опекунами, какъ кажется, тоже обыкновенно не бываетъ. Опекунъ обязанъ самимъ сиротамъ представить отчетъ по достиженіи ихъ совершеннолѣтія. Впрочемъ мнѣ извѣстно, что если общество замѣчаетъ недобросовѣстность въ исполненіи опекуномъ своихъ обязанностей, то смѣняетъ его и заставляетъ уплатить убытки, причиненные сиротамъ. А въ ст. Нижнекурмояр. мнѣ сообщали, что станичное правленіе контролируетъ опекуна. Послѣдній обязуется здѣсь вести приходорасходную книгу, куда записываютъ: „сколько исхарчилъ на опекаемыхъ въ годъ“, затѣмъ онъ представляетъ отчетъ *). „Опека или попечительство, говоритъ г. Тимощенковъ, устраивается иногда и надъ цѣлыми семействами, именно когда отецъ на службѣ, а дома остается одна мать съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми и терпитъ нужду, или по недостаточному состоянію своему или вслѣдствіе какого-либо разоренія. Опека въ такомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что общество назначаетъ къ семейству на годъ кого-либо изъ отставныхъ внутренней службы гражданъ. Назначенный такимъ образомъ находится при нуждающемся семействѣ за службу и долженъ управлять имуществомъ семейства какъ хозяинъ. На другой годъ назначается другой попечитель. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока отецъ семейства возвратится со службы. Большею частью эти годовые попечители не находятся сами при порученныхъ ихъ попеченію семействахъ: или нанимаютъ за себя кого-либо, или уплачиваютъ семейству такую сумму денегъ, какую оно согласится взять взаменъ ихъ личныхъ пособій“ (1. с. р. 175.). Но это ничто иное какъ примѣненіе правилъ объ опекѣ въ казачьихъ войскахъ X т. св. зак. кн. I, ст. 332—340.

*) Провѣрить эти свѣдѣнія не могъ.

Способы при- Кромѣ наслѣдства, собственность, какъ движимая, такъ
обрѣтенія соб- и недвижимая, приобрѣтается путемъ завладѣнія, находки,
ственности. даренія, мѣны и купли - продажи.

Завладѣніе. Что касается за в л а д ѣ н і я пустопорожнымъ мѣстомъ,
то въ прежнее время, при обилии земель и при рѣдкости
населенія, оно встрѣчалось на Дону сплошь и рядомъ.
Нынѣ всякій казакъ въ юрту своей станицы можетъ съ
согласія общества (которое однако часто бываетъ лишь
молчаливое) занимать подъ оливады и сады любое мѣ-
сто на пространствѣ той земли, которая не засѣвается
и не поступаетъ подъ сѣнокосъ. Въ этомъ случаѣ ру-
ководствуются правиломъ — „огородилъ мѣсто, вотъ и
твое: никто не вступится“. Сады эти могутъ быть пере-
даны по наслѣдству, проданы, обмѣнены *).

Находка. Посредствомъ на х о д к и приобрѣтаются различныя
вещи — одежда, деньги, животные и пр. Если найдутъ
двое, такъ говорили мнѣ казаки и, пока, одинъ потянется
поднимать вещь, другой успѣетъ крикнуть: „чуръ поко-
ламъ“, то находку дѣлятъ поровну. Если другой уви-
дитъ вещь уже въ рукахъ товарища, то онъ на нее не
имѣетъ права, „ибо нашель не онъ“, но обыкновенно и
въ этомъ случаѣ другой получаетъ часть, чтобы онъ со-
гласился скрыть находку. Дѣло въ томъ, что нашедшій обя-
занъ предъявить находку прежде присвоенія ея себѣ. Вещи
найденныя вывѣшиваются троекратно въ праздничный
день при станичной избѣ или на базарѣ или же при
церкви. Хозяинъ найденной вещи можетъ ее взять об-
ратно и вознагражденія, сколько мнѣ извѣстно, не
платить. Но иногда онъ угощаетъ нашедшаго. На-
ходку утаиваютъ часто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
прямо говорили: если кто заявитъ о находкѣ, съчъ
надо, потому что глупъ. „Утайка, по словамъ г. Тимо-

*) Подробнѣе было сказано выше.

щенкова, считается дурнымъ дѣломъ, но какъ воровство не преслѣдуется. Потерявшій хотя и знаетъ у кого находится его вещь, но если нашедшій не объявляетъ о ней, то онъ и не добивается ея полученія: потерявши не горюй, а нашедши не радуйся, говорится въ народѣ“ (1. с. р. 177). Въ Маріинской ст. казаки говорили мнѣ такъ: „находку присубриваютъ, а угадаль—такъ возьми“. Что касается прилуднаго и найденнаго скота, то поступаютъ, согласно правиламъ, установленнымъ правительствомъ на этотъ случай: „нашедшій долженъ объявить объ этомъ станичному правленію, которое доносить куда слѣдуетъ и публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе. Если въ теченіе полугода хозяинъ найденнаго скота не отыщется, то скотъ продается съ аукціона при станичномъ правленіи, и одна треть вырученной суммы отдается нашедшему, а двѣ трети обращаются въ пользу казны“ (1. с.).

Что касается вырытія кладовъ, то тутъ, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствуетъ слѣдующее правило. Казаки признаютъ за отрывшимъ кладъ безспорное на него право, на чьей бы землѣ онъ не былъ найденъ. Искать кладъ можно гдѣ угодно, подъ условіемъ не причинять убытковъ владѣльцу земли. Но если кладоисканіе сопряжено съ значительными земляными работами, то ищущій обязанъ получить согласіе владѣющаго даннымъ участкомъ. Относительно вознагражденія хозяина земли, я не встрѣтилъ точныхъ правилъ: „все смотря по уговору“. Затраты дѣлаетъ самъ кладоискатель. Случается, что кладъ ищутъ нѣсколько человѣкъ съ условіемъ раздѣлить его поровну. Желаящій рыть кладъ на юртовой землѣ долженъ спросить у станичнаго общества позволеніе. Но это рѣдко дѣлается, да и вообще клады обыкновенно роятся тайно, частью изъ желанія завладѣть всѣмъ кладомъ, частью же изъ боязни отвѣтственности передъ властями *).

Кладъ.

*) Все это сообщаю со словъ самихъ казаковъ; провѣрить эти свѣдѣнія не имѣлъ случая.

Дареніе.

Дареніе весьма распространено въ казацкомъ быту. Этимъ способомъ пріобрѣтается обыкновенно имущество движимое: предметы одежды и скотъ. Но бываетъ дареніе и недвижимое (садъ, оливоадъ, хата и пр.). При дареніи дома въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершаютъ „купчую“, т. е. дарственную запись (зап. въ Кепинск. ст.).

Подарки дарятъ на родинахъ (у богатыхъ), на крестинахъ и на свадьбахъ: женихъ невѣсту даритъ на смотринахъ (деньги, и пр.), на рукобитии (деньги, штилеты и пр.). Родственники жениха и невѣсты и гости дарятъ главнымъ образомъ при разносѣ каравая. Цѣнность и количество подарковъ въ послѣднемъ случаѣ служатъ, какъ сказано, даже предметомъ особаго условія между жениховыми и невѣстинными родителями. Подарки дарятъ и при справѣ казаковъ на Государеву службу: часто дѣдъ даритъ казаку строеваго коня, а при проводахъ казака на службу родственники, а иногда и посторонніе, дарятъ ему деньги на дорогу. Возвращаясь со службы, казакъ „непремѣнно приноситъ всѣмъ своимъ роднымъ подарки, состоящіе обыкновенно изъ кафтановъ, фуражекъ, сапогъ, платковъ и пр. Чѣмъ больше подарковъ и чѣмъ они лучше, тѣмъ больше чести служивому; напротивъ бѣдность гостинцевъ или совершенное ихъ отсутствіе навлекаетъ на него всеобщее презрѣніе. Очень часто достаточные родители, узнавъ заблаговременно, что сынъ ихъ идетъ со службы въ такой бѣдности, что ему не на что даже купить гостинцевъ, чтобы избавить его отъ стыда и позора, посылаютъ ему для этого деньги или даютъ ихъ ему, встрѣтивъ его на дорогѣ, чтобы онъ могъ сдѣлать нужныя закупки на роспусковомъ мѣстѣ“ (Тим.). Среди обшей встрѣчи, по словамъ г. Никулина, любопытные, особенно женщины, слѣдятъ за каждымъ возвратившимся со службы казакомъ и по выюку на лошади опредѣляютъ богатство, нажитое на службѣ. При входѣ же въ хату служиваго, сосѣди сбѣгаются толпой „полюбопыт-

ствовать“, такъ какъ послѣ обычной встрѣчи съ родными казакъ „обязанъ въ присутствіи стороннихъ одарить ихъ подарками, состоящими изъ фуражекъ, шапокъ, платковъ, колпаковъ и пр.“ (1. с.).

При постройке хаты дѣлаются „маточные подарки“ плотникамъ (Тим. 1. с. р. 180).

Касательно мѣны и купли - продажи я не полагаю точными свѣдѣніями. Мнѣ извѣстно только, что обмѣнъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ въ средѣ казаковъ весьма распространенъ. Мѣняются конями, волами, домашней птицей и пр.; мѣняются паями (особенно часто „травяными“), садами, виноградниками, оливодами. Въ ст. Малодѣльской мнѣ рассказывали, что сюда, равно какъ и въ иныя станицы, время отъ времени привозятъ иногородніе торгоши чашки, котлы, ведра, иконы и проч. товары и обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ. Казакъ, желающій купить напр. чашку насыпаетъ въ нее „до верху“ хлѣба и передаетъ торгошу, который, высыпавъ хлѣбъ къ себѣ въ телѣгу, чашку отдаетъ станичнику. Въ Казанской ст. иконы мѣняются на хлѣбъ, „красный“ товаръ тоже на хлѣбъ, а также и на щетину, перья, пухъ, овечьи кожи и проч.; деревянные чашки и ложки—на кошкекъ, сандалъ—на куриныя яйца и куръ; горшки, ленъ, деготь и сухую рыбу—на хлѣбъ. Количество хлѣба во всѣхъ этихъ мѣнахъ опредѣляется какимъ нибудь кузовомъ или сумкой. Объ эти мѣры бывають устроены очень хитро: вышина ихъ или длина очень малая, тогда какъ ширина пропорціонально очень велика (1. с. р. 180).

Въ ст. Раздорской и др. всѣ привозимые торгошами предметы казаки вымѣниваютъ на виноградъ.

Вотъ примѣры письменныхъ актовъ мѣны:

1.

1880 года, марта 25-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Ярыженской станицы казаки А. С. и С. П., заключили настоящую сдѣлку въ

томъ, что мы замѣнялись *земляными надѣлами* въ юрту здѣшней станицы на слѣдующихъ условіяхъ: изъ насъ А. С. отдаетъ свой пай П. въ двухъ мѣстахъ въ выгонѣ самой станицы и на суходолѣ, а отъ П. получаетъ полный пай дѣловой земли въ ольховомъ баракѣ. Въ томъ и подписуемся: казаки...

2.

1880 года, генваря 25-го дня, мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Нижне-Курмоярской станицы казакъ В. К. и казачья жена М. Б. заключили сіе условіе въ нижеслѣдующемъ: изъ насъ первый К. промѣнялъ *одинъ пай* изъ всего общественнаго довольствія, принадлежащій зятю его казаку Г. П., Нижне-Курмоярской станицы казачкѣ М. Б. за одинъ же пай, принадлежащій сиротамъ умершаго казака Баклановской станицы Ѳ. А. съ тѣмъ, чтобы Г. П. довольствовался наемъ сиротъ А., всѣмъ въ Баклановской станицѣ, какъ-то: покосомъ, лѣсомъ, пашнями и прочее, а сироты умершаго казака А. должны довольствоваться такъ же всѣмъ преимуществомъ въ станицѣ Нижне-Курмоярской. Казакъ В. К. и казачка Н. Б., а по неграмотству ихъ росписался казакъ Ѳ. Л.

3.

1871 года, мая 7-го дня. Я, нижеподписавшійся, Ярыженской станицы казакъ А. Ф., даю сію росписку родному отцу своему казаку С. Ф. въ томъ, что подлежащій мнѣ изъ имѣнія *стровой конь* я вмѣсто него получаю отъ него корову съ телкомъ и лошадь съ упряжью, въ чемъ и подписуюсь.

Примѣры письменныхъ актовъ при куплѣ-продажѣ:

1.

Августа 12-го, 1871 года. *Купчая крепость*. Войска Донскаго 2-го военного отдѣла, 1-го гражданскаго округа, Маріинской станицы отставной казакъ Андрей Ивановъ Золотовъ и Константиновской ст. урядникъ Иванъ Андр. Золотовъ же заключили сію купчую въ томъ, что изъ насъ первый Андрей продалъ послѣднему родному сыну своему Ивану *виноградный садъ*, состоящій въ урочищѣ Ямѣ, между садовъ урядн. Ив. Ив—ва и казака Стеф. Фролова, въ количествѣ ста двадцати пяти кустовъ, деревянный домикъ, состоящій въ станицѣ Маріинской съ базными пристроями, двѣ коровы, цѣною за 400 руб. Деньги эти изъ насъ Ивановъ отданы, а Андреемъ получены всѣ полностью. Къ вышеобъясненному имѣнію моему, т. е. Андреемъ проданному уряднику Золотову изъ наслѣдниковъ моихъ дочерей урядницы Маріи Ивановой и вдовы урядницы Дарьи Бол-

дыревой никто не долженъ опасаться, если бы коснулись и стали утруждать присутственныя мѣста, то въ такомъ случаѣ прошу оныя жалобы отъ нихъ не принимать и удовлетворенія по онымъ не дѣлать; а дочери мои за нарушеніе сего лишаются моего родительскаго благословенія. Къ сей купчей крѣпости руку приложили казакъ Андр. Золотовъ и урядникъ Ив. Золотовъ.

Засвидѣтельствовалъ ст. атаманъ Н.

2.

1878 года, іюня 2-го дня. Я, ниже сего подписавшаяся, Нижне-Курморской станицы вдова, казачья жена, Александра В. Ч., даю эту купчую росписку одной со мною станицы войсковому старшинѣ А. М. Б. въ томъ, что я сего числа продала ему Б. пріобрѣтенный своими трудами, послѣ смерти мужа своего, древесный и фруктовый садъ, состоящій при станицѣ близъ берега стараго Дона, противъ сада казака Ѡ. Е., цѣною за пятьдесятъ руб. и деньги сполна получила. Садъ этотъ мною никому не проданъ и не заложенъ, за что я, въ случаѣ этого, отвѣчаю предъ судомъ по заѡнову. Вдова урядничья жена А. Ч., а по неграмотству ея, съ рукоданной просьбы, подписать урядникъ Г. Н. При покупке находились: казакъ С. Б. и А. Б.

3.

№ 19. 1871 года, 14-го апрѣля, я, нижеподписавшійся, даю сію росписку одной со мною Маріинской станицы хутора Каргальскаго г-ну есауду Ильѣ Родіонову въ томъ, что я ему, Р., продалъ свой благопріобрѣтенный садъ древесный, въ урочищѣ Ерловомъ Курганѣ, дѣною за 46 руб.; деньги съ Р. получалъ все сполна. Въ чемъ даю Р. мою подписку: казакъ Василій Андр. Карцевъ, а по неграмотству подписалъ М. Н.

Засвидѣтельствовалъ станичный атаманъ О.

Помощникъ Н.

Способами укрѣпленія вещныхъ правъ служатъ рубежи, межи и клейма. Установленіе рубежей происходитъ разными способами. Такъ, когда еще земля не была обмежевана и юрты не были нарѣзаны, а земля вся была войсковая и занимать ее можно было, гдѣ угодно, то казакъ, облюбовавъ себѣ мѣсто подводилъ къ его границамъ своего малолѣтняго сына и больно сѣкъ его тутъ, чтобы помнилъ границу: „это на его же пользу дѣлалось — по смерти отца онъ уже хорошо зналъ границы

Знаки собственности.

своего наслѣдства“. (Зап. въ Малод. и Кем. ст.). Или же размежеваніе происходило такъ, какъ описываетъ г. Тимощенковъ (говоря о Казанской ст.). „Граждане, сошедшись съ гражданами другихъ пограничныхъ ст., согласились на счетъ межъ и поставили грани. Для того, чтобы онѣ лучше помнились въ народѣ, граждане собрали всѣхъ взрослыхъ мальчиковъ, какъ изъ своей, такъ и изъ всѣхъ другихъ станицъ, водили ихъ толпою по межѣ и сбѣли розгами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли грани. Какъ кого высѣкутъ, такъ и пустятъ бѣжать домой. Дѣлая это, они надѣялись, что каждый мальчикъ до старости будетъ помнить то мѣсто, гдѣ онъ былъ сбѣченъ“ (I. с. р. 145). Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали мнѣ, что и пастуховъ въ прежніе годы сбѣли на границахъ, дабы они помнили ихъ и не гоняли скотину, куда не слѣдуетъ. Кромѣ того гранями между юртами служили какія либо урочища, каменные бабы на курганахъ и т. п. Впослѣдствіи юрты были разграничены казенными землемѣрами, причемъ послѣдніе вырывали въ степи яму и насыпали туда уголья. Нынѣ границами между двумя смежными юртами служатъ двѣ борозды. Пахатная земля въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ былъ „уравнительный“ раздѣлъ прежде всего раздѣлена на „полосы“ (столбы), которыя разграничены другъ отъ друга бороздой; отдѣльные же пайки внутри этихъ полосъ отмѣчены на бороздѣ: „отъ пая до пая—двѣ ямки“. При раздѣлѣ травяныхъ пайковъ каждый казакъ границу своей доли окашиваетъ или отмѣчаетъ прутьями съ привязаннымъ клокомъ сѣна. Лѣсные пайки другъ отъ друга отдѣлены произвольными знаками, которые дѣлаются на деревьяхъ. Сады и оливады разныхъ хозяевъ отдѣляются другъ отъ друга плетнями, заборами и канавками. Границы и межи считаются неприкосновенными. Какихъ либо особыхъ знаковъ собственности на недвижимомъ имуществѣ, подобныхъ тѣмъ, которые напр. кладутъ на своихъ поляхъ крестьяне великорусскихъ губерній (Псковской, Московской, Воронежской и др.), у казаковъ я не встрѣчалъ.

На движимомъ имуществѣ накладываются особые знаки собственности — клейма. На рогатомъ скотѣ, на птицахъ, на арбузахъ и пр. они называются „мѣтами“, „примѣтами“, на лошадяхъ — „тавромъ“. Мѣты накладываются либо на рогахъ, либо на ушахъ; птицамъ мѣтятъ ногти и перепонку. Тавро лошадямъ кладутъ на ляжку или же мѣтятъ уши. Арбузы и дыни мѣтятся либо хозяиномъ бабчи, либо сторожемъ („пастухомъ“). Послѣдній отмѣчаетъ такимъ образомъ лучшіе арбузы, которые онъ по договору и получаетъ себѣ въ вознагражденіе. „Мѣты“ же кладутся на заступахъ, на плугахъ, на вилахъ, овчинахъ, отдаваемыхъ въ выдѣлку и прочихъ предметахъ болѣе или менѣе цѣнныхъ. Нерѣдко клейма бывають „скрытыя“ или „секретныя“. Такъ напр. кладутъ свое тавро подъ гривой или имѣють „потайныя мѣты“, т. е. примѣчаютъ что нибудь въ предметѣ, что не замѣтно для другихъ. Или же наконецъ кладутъ мѣту на незамѣтномъ мѣстѣ, напр. „подъ ушкомъ“ у плуга, втыкають въ овчину конскій волосъ или щетину, которая и остается въ ней, не смотря ни на какую выдѣлку. Мѣты и тавры состоятъ обыкновенно изъ произвольныхъ знаковъ — крестиковъ, кружечковъ, палочекъ, или же изъ начальныхъ буквъ имени домохозяина. Мѣту имѣеть только домохозяинъ. При отдѣлѣ отъ своего отца казакъ прибавляетъ къ отцовскому клейму какое либо свое „отличіе“ или „отмѣтку“. Мѣты и клейма не имѣють однако у казаковъ того значенія, какое свойственно имъ въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ (Архангельской, Вятской и др.), гдѣ они служатъ и знаками собственности, и знаками происхожденія. Прилагаю рисунки клеймъ, видѣнныхъ мною у казаковъ.

При продажѣ скотины измѣняютъ мѣты, прибавляя къ прежнему знаку или крестикъ, или палочку, или лишній надрѣзъ. Но когда мѣту измѣнить трудно, то ее оставляють въ прежнемъ видѣ, а доказательствомъ правильности владѣнія являются свидѣтельскія показанія или письменные акты. При мѣнѣ также „перетавривають“,

или измѣняютъ мѣту; при залогѣ мѣта остается, сколько мнѣ извѣстно, безъ измѣненія:

Мѣты служатъ часто доказательствомъ на судѣ. Случается, что конокрадъ „подмѣчиваетъ“ лошадей и прочій скотъ. За искаженіе знаковъ собственности станичный судъ наказываетъ арестомъ дней на 7 и денежнымъ штрафомъ.

Отношенія
между сосѣ-
дями.

Нѣкоторое ограниченіе правъ собственника въ интересахъ сосѣдей встрѣчается и въ казацкомъ быту. Никто не имѣетъ права занимать даже пустопорожняго мѣста, какъ-бы мало оно не было, если этимъ онъ стѣсняетъ сосѣдей, прежде занятія сидѣвшихъ близъ этого мѣста. Каждый долженъ остерегаться причинять какой-либо ущербъ своему сосѣду. Поэтому прежде всего во избѣжаніе нанесенія сосѣду убытковъ (напр. чтобы не врывался скотъ), онъ долженъ огородить плетнемъ свое владѣніе. При постановкѣ плетня или забора сосѣдъ не долженъ нарушать границы и не захватывать своими постройками сосѣдской земли. Плетни и заборы часто сосѣди строятъ пополамъ: половину на счетъ одного, а половину на счетъ другаго. Плетнемъ огораживаются лишь дворовыя мѣста, сады, оливады, огороды; „пайки“ не огораживаются. Никто не имѣетъ права предпринимать на своей землѣ ничего такого, что можетъ вреднымъ образомъ отозваться на владѣніи сосѣда; такъ напр. никто не смѣетъ проводить воду, если она грозитъ затопить землю сосѣда или повредить его постройки, подмыть амбаръ и т. д. Съ другой стороны нельзя зарывать или уничтожать канаву, если сосѣдъ вырылъ ее для осушки своихъ владѣній. Въ одномъ изъ станичныхъ судовъ разбирался такой случай: одинъ сосѣдъ зарылъ канаву другаго для огражденія своей скотины, которая нѣсколько разъ тонула въ ней. Судъ рѣшилъ канаву оставить, а владѣльца ея обязалъ поставить пле-

ть, который ограждалъ бы скоть сосѣда отъ воды. Нельзя рыть яму напр. для погреба, хотя бы и на своей землѣ, но по близости къ сосѣдскому участку, если это почему либо не удобно для сосѣда. Нельзя отводить въ особые резервуары, устроенные на собственныхъ участкахъ, воду изъ общаго съ сосѣдами источника, если черезъ это послѣдніе лишаются воды. Сосѣдъ не смѣетъ прорубать дверь изъ своего дома или амбара, или сарая во дворъ къ сосѣду безъ согласія послѣдняго. Что касается до права сосѣда срубить вѣтви сосѣдскаго дерева, если онѣ мѣшаютъ, то подобныхъ случаевъ въ дѣлахъ станичныхъ судовъ я не встрѣчалъ. Но казаки въ Маринской ст. мнѣ говорили, что сосѣдъ въ правѣ требовать отрѣзанья вѣтвей на сколько онѣ мѣшаютъ, но самовольно обрѣзать ихъ не смѣетъ. Въ ст. Нижнекурморской говорили такъ: „вѣтви терпимъ, ибо у насъ простоно“. Если плодовое дерево въ саду одного изъ сосѣдей пустило отростокъ въ садъ другаго, то этотъ отростокъ принадлежитъ тому, на чьей землѣ онъ появился и плодами его пользуется тотъ, въ чьемъ саду онъ выросъ, ибо „нельзя же сосѣду приходиться ко мнѣ въ садъ обрывать плоды“. Но строптивые, сильные и богатые сосѣди иногда, по словамъ казаковъ, изъявляютъ претензію на такіе отростки — вырываютъ ихъ и пересаживаютъ къ себѣ, или же даже огораживаютъ ихъ плетнемъ своимъ, распространяя послѣдній на сосѣдскую землю (зап. въ Маринской ст. и др.). Въ ст. Нижнекурморской казаки говорили: „если отростокъ того стоитъ, то разбираютъ по корнямъ. Но плодами дерева, корни котораго въ моемъ саду, а вѣтви перевѣсилились къ сосѣду, пользуюсь я (часто напр. виноградъ перевѣшивается черезъ плетень къ сосѣду)“.

Безъ позволенія сосѣда никто не смѣетъ ни входить въ предѣлы его владѣнія, ни прогонять черезъ него скоть. Нельзя бросать соръ на участокъ сосѣда; золу кидать даже близъ плетня сосѣда не позволяется.

Сосѣдъ въ правѣ требовать отъ сосѣда прохода, проѣзда и прогона для скота, если нѣтъ другаго пути. Для прохода и скотопргона, станичными и хуторскими обществами опредѣляются пути: дороги, улицы, переулки. Всякій обязанъ, если требуется, дать отъ своего участка достаточное количество земли для устройства этихъ путей. Никто не имѣетъ права воспрепятствовать сосѣду пользоваться этими путями, застраивать и загоразивать ихъ. Даже пустопорожнее мѣсто нельзя занимать, если этимъ стѣснишь доступъ къ водопою. Застроившій или загородившій путь обязанъ снести постройки и возстановить путь въ первоначальномъ видѣ. Позволяется съ согласія общества закрыть путь, если онъ никому не нуженъ, или если существуетъ иной, который можетъ замѣнить его, или если желающій загородить его обязуется провести новый путь не менѣе удобный для сосѣдей. Если кто нибудь отказывается снести свою возведенную на непоказанномъ мѣстѣ городьбу, то станичное правленіе нанимаетъ на его счетъ рабочихъ, которые и разоряютъ ее; иногда еще такой строптивый наказывается штрафомъ. Въ искахъ о вознагражденіи за убытки, причиненные сломкой неправильно построенной городьбы, стан. суды отказываютъ.

Кромѣ того, каждый обязанъ дать сосѣдямъ, не имѣющимъ доступъ къ улицѣ, извѣстную полосу своей земли для проведенія путей прохода и прогона скота на пастбище и къ водопою, а также „соблюдать, чтобы прогонное мѣсто не было тѣсно“ (Елан. стан. суд. 1881 г., іюня 26). Далѣе, владѣлецъ обязанъ дать возможность прохода и проѣзда черезъ свои земли къ владѣніямъ другихъ, если инаго пути нѣтъ. Такъ напр. Кепинскій станичный судъ 4-го іюля 1882 г., постановилъ отдѣлить отъ поземельнаго мѣста казака А. И. 1½ саж. земли въ ширину и 15 саж. въ длину, чтобы былъ проѣздъ казаку З. О. въ его садъ для поливки и на гумно или (въ другомъ случаѣ) къ дому.

Что касается колодцевъ, то въ казацкихъ ст., кромѣ принадлежащихъ общинѣ, встрѣчаются и вырытые частными лицами. Пользоваться ими сосѣдямъ обыкновенно не воспрещается (такъ сообщали мнѣ въ нѣсколькихъ станицахъ), если вода нужна для питья: „другъ другу пособляютъ въ этомъ случаѣ потому, что часто сосѣдь, хотя и рядомъ роетъ, получаетъ соленую воду—почему и грѣшно тутъ не пособить“; „коли ладно сосѣди живутъ, то позволяютъ воду брать, не требуя ихъ участія въ очисткѣ колодца, а коли вражда вышла—сейчасъ запрещаютъ ходить къ себѣ за водой“. „Конечно, пользующійся отъ сосѣда водой, при поправкѣ колодца пособитъ ему изъ совѣсти. Но скотъ поить изъ такихъ колодцевъ не даютъ: его гоняютъ на общій водопой.

Въ чужихъ лѣсахъ, принадлежащихъ инымъ станицамъ—согласно сообщенію казаковъ ст. Кепинской—не воспрещается „охотничать“. Но ягоды собирать не дозволяется, ибо онѣ идутъ въ пользу станичниковъ (см. выше.). Что касается рыбной ловли въ чужихъ водахъ, то казаки сообщали мнѣ, что прежде она допускалась всюду: „народъ былъ проще и выгоды своей не понималъ“ нынѣ же обыкновенно въ текучихъ водахъ дозволяютъ ловить рыбу безпрепятственно, озерами же и прудами пользуется сама община (см. выше.).

По словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Что касается пользованія чужой движимой собственностью, то прежде, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, допускалось брать у кого-нибудь изъ станичниковъ лошадей, когда проѣзжалъ кто нибудь изъ начальства, если не было свободныхъ на станци. Нынѣ въ случаѣ пожара въ станицѣ всякій можетъ взять первую попавшуюся лошадь и скакать въ поле къ находящимся тамъ станичникамъ для оповѣщенія ихъ о бѣдѣ: „тутъ это дѣлается въ общую пользу“.

Устройство хозяйственных дѣлъ въ казачьихъ общинахъ.

Нерѣдко нѣсколько казаковъ „складываются“ и покупаютъ сообща бугая, которымъ пользуются и остальные станичники, вознаграждая хозяевъ бугая либо сѣнокосными пайками, либо льготами по „внутренней службѣ“, либо деньгами изъ „общественной суммы“.

Бугай.

Иногда бугая приобретаетъ одинъ казакъ (изъ зажиточныхъ казаковъ) и предоставляетъ его въ распоряженіе своихъ станичниковъ, за что при раздѣлѣ сѣнокосовъ онъ получаетъ лишній противъ остальныхъ пай. Нерѣдко бугая покупаютъ на общественныя деньги и въ теченіи зимы кормятъ также на общественный счетъ—сѣномъ, которое заготавливается станичниками для плодовыхъ жеребцовъ. Въ иныхъ мѣстахъ бугай—вольный: „у кого нибудь изъ хозяевъ есть бугай, имъ всё и пользуются даромъ; онъ и въ другіе табуны ходитъ—все это по простецки. Купили разъ нѣсколько хозяевъ гуртомъ (т. е. сообща) бугая, да не поладили между собой и опять продали (зап. въ Аннинск. ст.)“.

Плодовыхъ барановъ держатъ обыкновенно сами хозяева стадъ, полагая одного барана на извѣстное количество овецъ. Въ Малодѣльской ст. говорили: „есть у тебя 5 овецъ—давай барана, а то и въ стадо не пустить“.

Стада.

Въ каждомъ казачьемъ поселеніи обыкновенно бываетъ по нѣсколько стадъ одного и того же рода скота. Жители одной улицы или одного конца поселенія сгоняютъ свой скотъ въ одно стадо. Стада пасутся въ разныхъ мѣстахъ юрта. Коровы дойныя и рабочіе быки пасутся близъ поселенія; гулевой скотъ—на толокъ „подальше“; овечій „кайдалъ“ („атара“) —на другой толокъ; конноплодовый табуны (изъ станичныхъ матокъ и войсковыхъ жеребцовъ)—отдѣльно; строевой табуны (кони служилыхъ казаковъ) опять отдѣльно и т. д.

Вольно пасти скотъ по всей степи, въ предѣлахъ ст. юрта дозволяется только послѣ снятія хлѣба и сѣна. Круглый годъ оставлять скотину безъ присмотра не

позволяютъ: „какъ только заповѣдятъ луга—говорили казаки—хозяева обязываются пускать скотъ въ стада, чтобы не было потравы“.

Каждую весну, для присмотра за скотомъ, обыкновенно нанимаютъ пастуховъ. Пока пастухъ еще не прискакалъ, равно какъ и осенью, когда срокъ договора съ пастухомъ уже оконченъ, а „зимы еще нѣтъ“ казаки пасутъ скотъ по очереди сами.

Пастухи-

Иногда сосѣди соглашаются вовсе не нанимать пастуха, а пасти скотъ поочередно своей улицей. Каждый въ такихъ случаяхъ пасетъ стадо поденно, независимо отъ числа имѣющагося у него скота („имѣющій 2 скотины пасетъ одинъ день, имѣющій 30 скотинъ—также одинъ день“). Такъ караулятъ лошадей хуторяне; напр. въ Верхнекурмоярскомъ юртѣ поселковый атаманъ объявляетъ, „какая семья, въ какое время должна соблюдать карауль“. Хуторяне конаются, и кому достанется конецъ палки, съ хаты того и начинаютъ считать очередь. Отъ каждой семьи посылаютъ стеречь лошадей либо старика, либо старуху, оставляя болѣе молодыхъ членовъ семьи для домашнихъ работъ.

Пастуха (кайдальщика, атарщика, табунщика; овчара, овечьяго пастуха, коровьяго пастуха и т. п.) нанимаютъ обыкновенно съ марта, апрѣля или начала мая (смотря по погодѣ) вплоть до поздней осени (8—14 ноября). Въ пастухи нанимаются либо свои же станичники (изъ бѣдныхъ), либо „иногородніе“, либо калмыки. Условія при наймѣ пастуховъ бываютъ различныя. Иногда въ одной и той же станицѣ одинъ изъ пастуховъ получаетъ больше, другой меньше. Я встрѣчалъ въ различныхъ мѣстностяхъ слѣдующее. Пастухъ получаетъ плату либо съ каждой скотины особо, напр. съ коровы по 10 коп. и по 6 фунтовъ хлѣба, или по 15—20 коп. и по гарнцу хлѣба и т. п., либо онъ „нанимается оптомъ“, т. е. опредѣляетъ то количество скота, которое онъ беретъ устеречь, и выговариваетъ себѣ извѣстную плату (рубл. 30, 50 и болѣе) въ лѣто. Сумма эта

потомъ раскладывается „уравнительно“ на всѣхъ хозяевъ, скоть которыхъ пасется въ станицѣ. Въ тѣхъ станицахъ, гдѣ скота много, бываетъ и такъ: нанимаютъ пастуха себѣ всякій казакъ, обладающій большими стадами отдѣльно, а потомъ уже самъ отъ себя принимаетъ въ стада скотину своихъ сосѣдей, получая отъ нихъ плату въ свою пользу.

Въ хуторахъ весьма рѣдко пастухъ, кромѣ платы, получаетъ отъ хозяевъ скотины еще харчи поочереди, напр.: „съ каждыхъ пяти скотинъ—день кормить“; или же такъ: „со скотины обѣдъ и ночевка поочереди“; либо — „со скотины деньги, обѣдъ и ночевка, одежда и обувь“. Если такой чередъ въ одно лѣто не кончится, то продолжается на слѣдующій годъ.

Плату („паства“) пастуху платятъ частью при заключеніи договора (обыкновенно словеснаго, сколько извѣстно мнѣ), въ задатокъ „на первый случай“, „на обувь“ — рублей 10, 15, Остальное же отдають осенью.

Каждое утро часть хозяевъ, которые живутъ ближе „къ плацу“ (площади), выгоняютъ сюда свой скоть. Сюда приходитъ пастухъ и прогоняетъ скотину вдоль улицы, хлопая время отъ времени кнутомъ. Тогда и остальные хозяева, живущіе въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, услыхавъ, пригоняютъ свою скотину къ мимо проходящему стаду. — Вечеромъ пастухъ пригоняетъ стадо лишь къ поселенію, а по базамъ скотина расходится уже сама (зап. въ Кепинск. ст. и др.)

Пастухъ отвѣчаетъ за пропажу скотины. При наймѣ пастуха обуславливаются относительно того, какую цѣну будутъ взыскивать съ пастуха въ случаѣ пропажи, напр.: за корову—5 р., за быка—15 р., за овцу—1 р., за ягненка—50 к. и т. п. Цѣны эти въ разныхъ мѣстностяхъ не одинаковы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что пастухъ не отвѣчаетъ за пропавшую скотину, такъ какъ „трудно соблюсти—воровъ много“.

Пастухъ не рѣдко отъ себя нанимаетъ подпасковъ (руб. за 5—7—10—15 въ лѣто). Мнѣ неизвѣстно, чтобы

подпасокъ получалъ еще отъ станичниковъ вознагражде-
деніе.

Когда выгоняютъ скотину весной въ первый разъ въ степь, во многихъ мѣстностяхъ станичники приносятъ пастухамъ пироги, сало, яйца и пр. Когда попъ весной съ иконами выходитъ въ поле служить молебенъ, то къ нему пригоняютъ и стада, которыя онъ окропляетъ святой водой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ ст. Раздорской на Медвѣдицѣ, атарщики на (зимнихъ) святкахъ обходятъ дворы хозяевъ. Войдя въ хату, толпа атарщиковъ, по словамъ г. Вѣтрова, останавливается у дверей, а верховодъ съ торбой овса, висящею на веревкѣ черезъ плечо, бросаетъ горсть овса въ передній уголь къ образамъ, потомъ по сторонамъ по всей комнатѣ. Съ каждымъ взмахомъ руки онъ приговариваетъ одинъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

На коня,—
На кобылу,
На сивую гриву,
На волнистый хвостъ,
На стоу блиновъ,
На бутылку водки,
На мѣру пшеницы,
На бутатку мяса,
На рубль денегъ и пр.

Хозяинъ сажаетъ тогда атарщиковъ за столъ, угощаетъ ихъ водкой, кладетъ имъ въ суму „букатку“ мяса и пирогъ и наконецъ даетъ имъ еще по 15 коп. съ лошади (Д. О. В. 1880, № 61).

Конно плодовый табуны сторожатъ (сколько мнѣ извѣстно) казаки „приготовительнаго разряда“ за службу или же—табунщики за жалованье, которое имъ выдается изъ т. н. табуннаго капитала, составляемаго изъ вносовъ неспособныхъ къ полевой службѣ.

Строевой табуны стерегутъ вольно-наемные табунщики („атарщики“) за вознагражденіе, величина ко-
его зависитъ отъ уговора.

„Овечій табунъ“ („кайдалъ“) стережетъ наемный чабанъ, за извѣстную плату съ овцы.

„Свиной пастухъ“ нанимается (напр.) въ Кепинской ст. по 50 коп. (въ другихъ по 30 коп. и т. п.) отъ свиньи. За поросенка, родившагося лѣтомъ—20 коп., за поросенка, родившагося зимой—30 коп. Но въ стадо гоняють свиней не всѣ станичники, такъ какъ дозволяется свиней пускать и безъ особаго присмотра.

Телята ходять либо безъ пастуха близъ займищъ и кустарниковъ, либо стоняются въ особый „телячій табунъ“.

Станичники, имѣющіе по многу гусей соглашаются стеречь ихъ сообща. Для этого они посылають по очереди (поденно) своихъ малолѣтнихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, присматривать за согнанными въ одно мѣсто гусями.

Сторожъ бак-
чей.

Для наблюденія за бакчами станичники нанимають особаго сторожа—„пастуха“, полагая ему плату съ сажени по 3—5 коп. или съ загона (въ 3—4—5—10 саж.)—25—50 коп. и т. п. Кромѣ этого, „пастухъ“ имѣетъ право выбрать себѣ по лучшему арбузу (дынѣ) съ загона. На такіе арбузы онъ налагаетъ свою мѣту и оставляетъ ихъ на корню, пока они не созрѣють.

Лѣсные сто-
рожа.

Обязанности лѣсныхъ сторожей исполняются (на сколько мнѣ извѣстно) обыкновенно самими казаками „за внутреннюю службу“, или же въ лѣсные сторожа назначаютъ казаковъ, неспособныхъ къ службѣ, освобождая ихъ отъ платы въ табунный капиталъ. Такъ напр. въ ст. Малодѣльской сторожатъ лѣсъ 6 человекъ. Во время полевыхъ работъ они чередуются между собой, а осенью на подмогу имъ прибавляють изъ числа отбывающихъ внутреннюю службу еще нѣсколько человекъ.

Подобнымъ же способомъ караулятъ и луга отъ поправки (зап. въ Ярыженск. ст.), опредѣляють сторожа при церкви и при хлѣбномъ магазинѣ.

Для производства общественных работ (по-^{Общественныя} правки дорогъ, мостовъ, гатей, городьбы, чистки колодезь и пр.) станичники составляютъ изъ себя десятки съ десятниками во главѣ, или же исполняютъ ихъ улицами. По мѣрѣ необходимости атаманъ назначаетъ одинъ или два десятка для исполненія той или другой работы. „Есаулецъ“ („полицейскій“) соблюдаетъ, чтобы десятки работали по очереди и чтобы никому не было обидно. Атаманъ, въ случаѣ надобности въ какой либо работѣ, обращается къ есаульцу: „наряди-ка на такую-то работу столько-то десятковъ“. Есаулецъ сообщаетъ десятникамъ, а эти послѣдніе отводятъ свои десятки въ указанное мѣсто. Десятники обязаны слѣдить за исправностью работъ.

Въ Аннинской ст. всѣ общ. работы справляются казачками, составляющими изъ себя десятки, по очереди. Станица раздѣлена на 4 „квартала“, во всякомъ кварталѣ есть свой особый „квартальный“. Въ случаѣ необходимости работы, атаманъ сообщаетъ квартальному, а послѣдній оповѣщаетъ жителей своего квартала. Если работа не велика, то квартальный наряжаетъ человекъ 2-хъ, 3-хъ; большія работы исполняются улицами: „этотъ разъ идетъ одна улица, слѣдующій разъ— другая и т. д., тутъ все дѣлается по соглашенію и безъ помѣхи, потому что никого не обижать“...

Въ ст. Малодѣльской 24 гати. „Вотъ и вытрясаютъ (жребіемъ) десятокъ, которому какая гать достанется“. Иногда на одну гать посылаютъ 2—3 десятка, а на большія—по 7 десятковъ. „Какъ вытрясутъ, такъ этотъ десятокъ и обязанъ во все лѣто блюсти свою гать“. Распредѣляютъ десятки весной, когда пройдетъ полая вода. Десятки обязаны: „хвороегъ добыть, дровъ нарубить, привезти на мѣсто, положить, протоптать“... Раздѣляютъ весь этотъ трудъ десятки между собою уже по собственному усмотрѣнію и соглашенію.

Въ иныхъ мѣстностяхъ общественныя работы распредѣляются по хуторамъ: одинъ хуторъ исполняетъ одну

работы.

Гати.

работу, другой — другую; при этомъ однако жители станицы, нерѣдко стараются большую часть работъ свалить на хуторяны (зап. въ Верхнекурморск. ст.).

Весьма нерѣдко часть общественныхъ работъ производится живущими при станицахъ иногородними, которые также составляютъ для этой цѣли изъ себя десятки. Такъ напр. станичники соглашаются не брать съ иногороднихъ платы на паромѣ, заставляя ихъ за это исправлять одну изъ гатей и т. п.

Неявившагося на обществ. работы заставляютъ платить штрафъ (обыкновенно водкой) въ пользу членовъ его десятка.

Мосты.

Для поправки большихъ мостовъ покупаютъ материалъ на станичныя деньги, а для исполненія работы нанимаютъ плотниковъ либо заставляютъ „иногороднихъ“, живущихъ при станицахъ. Нерѣдко мосты сдаются общинами въ аренду, равно какъ и большія скотопронныя дороги.

Перевозъ.

Перевозъ и паромъ либо сдаютъ въ аренду, либо завѣдуютъ ими сами станичники. Въ послѣднемъ случаѣ назначаются въ перевозчики изъ числа казаковъ отбывающихъ „сидѣлочную повинность“.

Городьба.

Станичныя огорожи, напр. плетень вокругъ моггища (кладбища), или поддерживаютъ (какъ мнѣ довелось наблюдать въ нѣсколькихъ мѣстахъ) десятками же: „смѣряютъ, сколько всего саженой и по сколько саженой приходится на десятокъ; такъ каждый десятокъ и вѣдаетъ свою часть“.

Городьба вокругъ база, куда на зиму пригоняются жеребцы конноплодоваго табуна, въ однихъ станицахъ поддерживается десятками станичниковъ, въ другихъ поручается для поправки какому нибудь подрядчику. Въ послѣднемъ случаѣ назначаются торги. Сумма для уплаты подрядчику раскладывается „уравнительно“ между всеми станичниками. Такъ въ ст. Малодѣльской пришлось не болѣе 30 коп. на душу.

Сѣно для станичныхъ жеребцовъ косятъ и свозятъ сами станичники, либо десятками, либо хуторами: (при чемъ одинъ хуторъ заготавливаетъ сѣно, тогда какъ другіе хутора исполняютъ инныя работы). Нерѣдко сѣно это казаки косятъ всей станицей вмѣстѣ съ хуторами. Весь участокъ, отведенный подъ этотъ сѣнокошъ, раздѣляютъ на части по числу десятковъ и затѣмъ каждый десятокъ выкашиваетъ свою часть. Внутри отдѣльныхъ десятковъ казаки условливаются кому косить, кому складывать въ стога. Бываетъ и такъ: жители станицы косятъ сѣно, а хуторяне складываютъ его въ стога и т. п.

Заготовленіе сѣна для станичныхъ жеребцовъ.

Общественные магазины содержатся и поправляются такъ же общиной. Матеріалъ покупаетъ станичное правленіе, а работу исполняютъ станицы десятками или же поручаютъ подрядчику.

Магазины.

Общественныя мельницы, гдѣ онѣ существуютъ, нерѣдко сдаются въ аренду. Такъ въ ст. Аннинской, мельница отдана въ аренду, при чемъ общество обязалось само чинить плотину, а стѣны и крышу поправлять обязанъ арендаторъ. Арендаторъ здѣсь платитъ станицѣ ежегодно только 30 рубл. сер., такъ какъ „общество пожалѣло его“.

Мельницы.

Отопленіе церкви, станичнаго правленія, сторожки у хлѣбнаго магазина, а иногда и школы, лежитъ также на обязанности общины. Для этой цѣли въ однихъ станицахъ (напр. въ Аннинской) оставляютъ въ одномъ изъ станичныхъ озеръ камышъ, который употребляютъ на топливо; и который казаки косятъ сообща, десятками: „одна половина косить, другая—свозить на мѣсто“. Въ другихъ станицахъ (напр. въ Маринской), на станичномъ сборѣ, дѣлаютъ раскладку, по скольку плитъ „клизеку“ съ пая обязаны станичники представить въ правленіе. Затѣмъ „выростки“, по приказанію атамана, вьзятъ съ подводами по дворамъ и собираютъ клизекъ. Въ станицахъ, въ юртахъ коихъ много лѣсу, церкви, правленіе и пр. отапливаютъ дровами.

Отопленіе церкви, правленія и проч.

Ямская гоньба. Ямская гоньба содержится также общинами. Для этого общество на сходѣ нанимаетъ „почтаря“ (изъ казаковъ и изъ иногороднихъ), который беретъ содержать лошадей и повозки за известную плату, которую либо взимають обыкновенно съ казаковъ „подлежащихъ“ (съ выростковъ до присяги и съ казаковъ, отбывающихъ внутреннюю службу) „по раскладкѣ“, либо берутъ изъ „станичной суммы“ (получаемой отъ различныхъ доходныхъ статей общины). Нерѣдко хутора не нанимають особаго почтаря, а отбываютъ „почтовую повинность“ натурой: „понедѣльно тройка съ пая, или по лошади на недѣлю“ и т. п.

Въѣзжая квартира. Содержаніе въ ѣзжей квартиры для чиновниковъ также возлагается на общину, которая и нанимаетъ для этого помещеніе у кого нибудь изъ жителей поселенія (казаковъ или иногороднихъ).

Проходящихъ чрезъ общину арестантовъ полагается кормить поочереды всеѣмъ. Есаулецъ заботится о томъ, чтобы соблюдался чередъ (зап. въ Аннинск. ст.). Въ другихъ станицахъ продовольствіе арестантамъ покупается на общественную сумму“.

Починка и украшеніе церквей.

Починка церквей и украшеніе ихъ производится на средства, скопленные усердіемъ станичниковъ. Иногда храмы отдѣляются иждивеніемъ отдѣльныхъ богатыхъ казаковъ, „усердствующихъ къ храму Божию“ (напр. въ ст. Малодѣл.). Обыкновенно же для этой цѣли собирается со станичниковъ добровольныя приношенія — хлѣбъ, жито, полотно и пр. Собранное продается затѣмъ съ публичнаго торга. Въ однихъ станицахъ (напр. въ Маринской и др.) сборъ добровольныхъ пожертвованій на храмъ производится самимъ церковнымъ старостой. Онъ обходитъ двory станичниковъ съ книжкой, въ которую записываетъ, что собственно пожертвовано: „кто даетъ муку, кто денегъ“... Сборъ этотъ производится осенью, когда у всеѣхъ есть въ изобиліи и припасы и деньги. По мѣрѣ надобности подобные сборы повторяются до двухъ, до трехъ разъ въ годъ.

Жертвы на Божій храмъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ сами станичники приносятъ пожертвованія. Такъ въ ст. Митягинской въ воскресенье, около 20 октября, называемое „кормное воскресенье“ съѣзжается много прихожанъ съ жертвами на храмъ. „До начала литургіи—сообщаетъ очевидецъ—прихожанинъ приносилъ и сыпалъ въ оградѣ передъ входомъ въ западныя двери церкви по одной мѣркѣ пшеницы. По окончаніи же литургіи надъ сыпаннымъ хлѣбомъ духовенство отслужило благодарственный молебенъ. Это уже третье воскресенье хлѣбнаго сбора, котораго оказалось до 400 мѣръ пшеницы. Хлѣбъ продается, и деньги, получаемыя за него, употребляются на украшеніе храма“ (Д. О. В. 1874. № 87). Въ ст. Ярыженской внутри церковной ограды поставленъ столъ. Приходя въ воскресенье къ обѣднѣ, казаки приносятъ съ собой „жертву“—барана, гуся, курицу, а иные — даже корову или быка. Никто обыкновенно не знаетъ отъ кого приношеніе. По окончаніи литургіи выходитъ церковный староста и, увидавъ приношеніе, предлагаетъ прихожанамъ купить его и станичники „часто по усердію даютъ больше настоящей цѣны“. Деньги, полученныя отъ продажи принесеннаго, употребляются на украшеніе храма. Подобныя приношенія бываютъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ теченіи круглаго года.

Въ ст. Аннинской 14 августа 1883 года ставили на главы храма и колокольни новые кресты. Оба креста, заново позолоченные были передъ обѣдней выставлены при входѣ въ западныя двери церкви. Рядомъ съ крестами поставленъ былъ столъ. Проходя мимо, казаки и казачки прежде, чѣмъ войти въ церковь, клали на столъ свои приношенія: кто кусокъ холста, кто нитки, кто платокъ, рушникъ, восковую свѣчу, деньги (мѣдныя и серебряныя), курицу и т. п. По окончаніи обѣдни вышелъ изъ храма священникъ въ полномъ облаченіи и окропилъ кресты святой водой. Послѣ этого казаки начали обматывать кресты жертвеннымъ холстомъ, рушниками, ситцевыми платками и нитками. Когда наконецъ оба креста плотно были окутаны, къ нимъ привязали ве-

ревки и стали осторожно поднимать на верхъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ творили крестное знаменіе, говоря: „Господи благослови“... Когда кресты были подняты на крыши, то находившіеся тамъ рабочіе, сняли опять все навязанное на кресты и затѣмъ водрузили ихъ. Все пожертвованное станичниками въ этотъ день поступило въ пользу четырехъ рабочихъ, поправившихъ крышу и ставившихъ кресты. Обыкновенно—какъ пояснили мнѣ казаки—изъ пожертвованнаго въ подобныхъ случаяхъ рабочіе получаютъ только $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$; остальная же часть идетъ на храмъ. Но на этотъ разъ распорядились иначе; потому что повздорили съ попомъ.

Иногда, въ случаѣ крупной почины въ храмъ и при недостаточности добровольныхъ пожертвованій, казаки постановляютъ приговоръ на сходѣ—сдѣлать сборъ и т. д. съ каждаго станичника. Въ Аннинской ст. мнѣ сообщали, что деньги въ подобныхъ случаяхъ взимаютъ съ души мужскаго, равно какъ и женскаго пола, такъ какъ „церковь всякой душѣ нужна: въ ней крестился, въ ней и отпѣтъ“... Въ Евтеревской ст. общество сдавало часть станичной земли въ а р е н д у, чтобы на вырученные деньги отстроить церковь. Въ Аксайской ст. также станичный сборъ „предложилъ лучшую сотню травы не пускать въ дѣлежъ, а отдать съ торговъ желающимъ, и деньги обратить на церковь. Предложеніе это было принято очень сочувственно громаднымъ большинствомъ станичниковъ, но, къ сожалѣнію, явились и такіе, которымъ предложеніе это пришлось не по сердцу. Они возбудили споръ, длившійся болѣе двухъ часовъ. Въ рядахъ недовольныхъ преимущественно были мѣстные кулаки, скупающіе у бѣдняковъ травяные пай за бездѣнокъ. Имъ очень хотѣлось заполучить въ свои руки самую лучшую траву путемъ покупки паевъ у отдѣльныхъ казаковъ. Думали-гадали станичники и пришли къ заключенію поставить церковь на ряду со всѣми лицами, имѣющими право на пай, и рѣшить дѣло жребіемъ. Къ

счастію на долю церкви досталась прекрасная сотня павѣвъ, давшая около 500 руб. доходу“ (Д. О. В. 1881 г., № 76).

Мыть и убирать церковь станичную или хуторскую ^{Уборка церкви казачками.} (въ нѣкоторыхъ большихъ хуторахъ есть свои церкви) лежитъ на обязанности казачекъ — женщинъ и двѣушекъ. Церковь „банятъ“ подѣ большіе праздники: подѣ Свѣтлое Христово Воскресенье, къ Троицыну, къ Спасову дню или когда ожидаютъ Преосвященнаго и т. п. Подѣ Рождество же только посыпаютъ полѣ снѣгомъ и потомъ метутъ. Работа эта всегда исполняется лишь по усердію, по желанію. Священникъ только объявитъ за нѣсколько дней, что „нужно храмъ почистить — не найдутся ли желающія“. Потомъ онѣ уговаривается съ казачками о днѣ и часѣ, въ который имѣ удобнѣе исполнить работу. Въ назначенное время раздается звонъ церковнаго колокола и казачки начинаютъ собираться. Обыкновенно „бываетъ три звона“. Послѣ третьяго звона начинается работа, во время которой присутствуетъ дьяконъ и староста. Въ алтарѣ мыть полѣ допускаютъ только двѣушекъ, но онѣ не смѣютъ дотрогиваться до престола и жертвенника: за этимъ слѣдитъ дьяконъ (зап. въ ст. Еланской *).

*) Казаки вообще набожны. Поэтому и церкви ихъ хорошо справлены и богато украшены: нрѣдко можно встрѣтить иконы въ серебряныхъ окладахъ и жертвенники и аналои, украшенные пожертвованными „индіановыми“ и „персидскими“ шалами.

Старики, войдя въ храмъ, творятъ крестное знаменіе и кланяются на всѣ четыре стороны. Молодежь послѣдняго обычая, сколько мнѣ приходилось замѣчать, нынѣ не соблюдаетъ. Но почти всѣ приносятъ свѣчи „Богу въ жертву“. Чтобы не мѣшать службѣ ходьбой по церкви, они передаютъ ихъ одинъ другому, пока стоящіе ближе всѣхъ къ подсвѣчнику не затеняютъ ихъ передъ иконой. Порядокъ и тишина во время богослуженія замѣчательны. Вошедъ въ храмъ, всякій становится на свое мѣсто (при чемъ старшій по лѣтамъ и чину становятся всегда впереди всѣхъ); здороваться во время службы со знакомыми и разговаривать не въ обычай. Казачки, ведущія своихъ дѣтей къ при-

Плата священ-
никамъ за тре-
бы.

Священники, кромѣ достающихся на ихъ долю земля-
ныхъ паевъ и вознагражденія при крестинахъ, свадьбахъ
и похоронахъ, получаютъ еще доходы, напр. при о б щ е-
ственныхъ молебнахъ, бывающихъ обыкновенно
весной. Священникъ съ иконой обходитъ поля по просьбѣ
общины. Обходъ полей продолжается дня два или три.
За это община даетъ священнику травяной чай. Кромѣ
того, всякій хозяинъ, приглашающій священника на свой
участокъ, прибавляетъ особую плату либо плодами сво-
ихъ полей, либо деньгами (зап. въ ст. Малодѣл.). Въ
Аннинской ст. священникъ поладилъ съ казаками такъ:
съ 20 дворовъ 18 барановъ, съ 15 дворовъ 5 барановъ.
Подобные молебны бываютъ въ случаѣ засухи или при
появленіи саранчи.

По своему усердію казаки нерѣдко приносятъ священ-
нику барановъ и пр., „чтобы онъ на проскомидіи по-
миналъ ихъ родителей“. Священникъ беретъ принесен-
ное въ свою пользу, но за то каждую недѣлю покупаетъ

частію также соблюдаютъ порядокъ: они не толпятся кучей передъ
Царскими дверями, а подходятъ по очереди одна за другой съ н р а-
в о й с т о р о н ы амвона и, причастивъ ребенка, отходятъ назадъ съ
л ѣ в о й стороны (сообщаю все это лишь о т ѣ х ѣ м ѣстностяхъ, гдѣ
мнѣ самому это довелось видѣть).

Но священниковъ, вообще говоря, мало любятъ, „потому — даже
сребролюбивы они“. Желая характеризовать свой в з г л я д ѣ на
д у х о в е н с т в о, казаки въ Верхнекурморской ст. рассказывали
мнѣ слѣдующее: Шли разъ по берегу рѣчки два бѣса и видятъ:
стоитъ поперекъ рѣчки рыболовный снарядъ. Никогда до тѣхъ поръ
не видали бѣсы этого, а потому остановились и удивляются.—Одинъ
бѣсъ говорить: „это, говорить, должно быть изъ рѣчки иль вычи-
щаютъ“. Подняли онъ снарядъ изъ воды, глядитъ: тамъ ничего нѣтъ.
Поставили они опять на мѣсто въ воду и снарядъ опять надулся.
Вынули изъ воды—а снарядъ опять отошалъ. Думали, думали бѣсы:
чтобы это такое было. Наконецъ, одинъ изъ нихъ догадался: «да
это, говорить, п о п о в о п у з о — стоитъ надувшись, а ближе по-
глядить, такъ тебѣ совсѣмъ пустымъ оно покажется—вотъ и ваять,
ваять туда православные, а оно, знай себѣ, прибавка просить; и
такъ безъ конца“....

просфору и „вынувъ ее“, послѣ обѣдни отдаетъ казаку, принесшему жертву.

Кромѣ того, для поминовенія умершихъ родственниковъ казаки ставятъ въ церкви „канонъ по умершимъ“. Для этого они покупаютъ круглыя деревянные кубышки, такъ назыв. „каноницы“, различной величины, (смотри по степени благосостоянія и усердія казака). Ихъ наполняютъ медомъ (въ сотахъ), закрываютъ плотно крышной а сверху прикрѣпляютъ восковую свѣчу. Всѣ такія каноницы уставляются на особомъ столѣ въ церкви: при каждой кладется записочка съ именами покойниковъ. Священникъ въ „родительскую недѣлю“ служитъ у этого стола панихиду, а затѣмъ открываетъ каноницы и выгребаетъ изъ нихъ медъ въ свою пользу.

За панихиду казаки приносятъ священнику сваяку бубликовъ или деньги. Все это видѣно и слышано мною во многихъ станицахъ.

Въ просвирни выбирается общиной обыкновенно бѣдная вдова или старая дѣвушка. Въ случаѣ отказа выбранной на сборѣ идутъ къ другой. Просвирнѣ полагается либо денежное вознагражденіе отъ общины, при чемъ дрова она покупаетъ на свой счетъ, либо топливо полагается отъ станицы. Станичники приносятъ просвирнѣ муку, и она приготовляетъ изъ нея къ воскресенью просфоры, а остатокъ беретъ въ свою пользу. Просвирня въ Маріинской ст. сама обходитъ дворы жителей, собирая муку. Въ ст. Ярыженской ктиторъ изъ пожертвованнаго на церковь выдѣляетъ часть въ пользу просвирни. Въ ст. Малодѣльской каждую осень „довѣренные“ отъ общества объѣзжаютъ дворы для сбора: „одинъ даетъ пшеницы мѣру, другой ведерушко, а иной и цѣлый мѣшокъ—какъ кто поусердствуетъ“. Затѣмъ собранное продаютъ передъ стан. правленіемъ, а на вырученныя деньги покупаютъ „друпчатки-муки“ на просфоры. Когда мука вся израсходуется, то объѣзжаютъ еще разъ всѣ дворы станичниковъ. Прежде здѣсь просвирня жалованья отъ общества не получала, а сopro-

вождала она священника, когда онъ съ крестомъ приходъ обходилъ, при чемъ станичники ей по усердію давали: „кто муки, а кто стаканъ соли, воткнувъ туда грошъ; иной же дастъ семакъ, или пятакъ“ и т. п. *).

Общественная
помощь бѣд-
нымъ станич-
никамъ.

Отъ общественныхъ повинностей станичники освобождаютъ не рѣдко тѣхъ, которымъ тяжело справляться съ хозяйствомъ либо по болѣзни, либо вслѣдствіе временнаго растройства хозяйства отъ пожара, падежа скота и т. п. Освобождаютъ по усмотрѣнію общества на одинъ годъ и болѣе (менѣе). Погорѣвшему иногда даютъ и лѣсу на постройку хаты. Въ случаѣ крайней бѣдности иногда помогаютъ и изъ общественной суммы.

Казаку, не имѣющему средствъ справиться къ службѣ, также помогаетъ община. „Если у казака, наряженнаго на службу, не на что купить коня или аммуницію, то поселковый атаманъ прежде объявленія объ этомъ станичному правленію идетъ по достаточнымъ жителямъ своего поселка и предлагаетъ имъ пособить согражданину, кто чѣмъ можетъ. Охотники оказать пособіе всегда найдутся: одинъ даритъ какую нибудь нужную вещь—сѣдло, шашку, подсумокъ, уздечку и пр., другой даетъ что-нибудь деньгами“ (Тим. I, с. р. 176). Если же собранное не достаточно, то поселковый атаманъ объявляетъ станичному правленію, и оно справляетъ все, чего не достаетъ, на станичный счетъ съ тѣмъ, чтобы употребленные на это деньги были вычтены изъ жалованья казака и возвращены станицѣ (ibid).

Въ нѣкоторыхъ станицахъ (напр. въ Гняловской) остается часть рыбныхъ угодій для вспомошествованія бѣднымъ вдовамъ (подробнѣе сказано выше).

Неисправныхъ въ общественныхъ повинностяхъ сначала увѣщаваютъ; а въ случаѣ неуспѣха „грабятъ“, т. е. отбираютъ часть имущества и продаютъ съ торговъ (зап. въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ).

*) Все это, какъ и остальное, записано со словъ самихъ станичниковъ.

Иногда казачія общины арендуютъ землю. Станицы, а также и отдѣльные хутора, арендуютъ участки войсковой земли. Взявши землю въ аренду, община раздѣляетъ ее между отдѣльными козьями: „кто сколько десятинъ пожелаетъ взять, за столько и платитъ по раскладкѣ“. Деньги каждый казакъ отдаетъ атаману, а послѣдній передаетъ въ войско (зап. на хуторѣ Караичевѣ и въ Малодѣл. ст.).

Общественныя
аренды.

Весьма не рѣдко и сами общины часть своихъ довольствій отдаютъ въ аренду съ цѣлью образованія „общественной суммы“ „на станичныя надобности“ или для починки церквей (Евтеревск. ст.), или для оказанія помощи бѣднякамъ (Гишловск.) и т. п. Подобныя общественныя участки берутъ въ аренду либо свои же общинники, либо иногородніе.

Вѣдѣніе всѣхъ этихъ общественныхъ дѣлъ изстари находилось въ рукахъ всѣхъ станичниковъ. О старинномъ казачкомъ порядкѣ распоряженія станичными дѣлами я расскажу, придерживаясь главнымъ образомъ прекрасной статьи г. Тимощенкова, такъ какъ сообщенныя мнѣ въ разныхъ мѣстахъ Области отрывками рассказы стариковъ о быломъ, вполне сходны съ тѣмъ, что онъ сообщаетъ о ст. Каванской. „Все, говоритъ г. Тимощенковъ, зависѣло отъ воли всего общества. Но „безъ столба и заборъ не стоитъ, безъ перевясла и вѣникъ рассыпаεται“, говорили граждане и потому для уряда и распоряженія общественными дѣлами, они избирали изъ среды своей атамана и есаула. Атаманъ былъ главное лицо, есаулъ же его помощникъ. Живя дома въ своемъ городѣ, станица избирала атамана и есаула станичныхъ; отправляясь въ походъ противъ непріятеля, — походныхъ; для какой либо встрѣчи, напр. пословъ русскаго царя, зимовой станицы съ царскимъ жалованьемъ — встрѣч-

Старинный ка-
зачій кругъ
станичныя
власти.

ныхъ; для звѣринаго и рыбнаго промысла—вѣдѣнныхъ, и пр. Станичный атаманъ и есаулъ избирались на годовой терминъ, а всѣ прочіе до окончанія предпріятія. Принимая власть отъ общества (круга) для извѣстной цѣли, атаманъ дѣлался полновластнымъ, самымъ неограниченнымъ повелителемъ какъ избравшихъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые послѣ вступали въ избравшее ихъ общество. Во всей силѣ власть атамана высказывалась особенно во время походовъ противъ непріятеля. Тутъ жизнь и смерть каждаго подчиненнаго находилась въ рукахъ атамана. Вообще принципъ подчиненія власти былъ таковъ, что кругъ, избирая атамана, говорилъ ему: „куда ты глазомъ кинешь, туда мы кинемъ головы свои“. Впрочемъ атаманъ, хотя „напередѣ стоялъ, урядъ держалъ“, но былъ вполне отвѣтственъ передъ обществомъ временныхъ своихъ подчиненныхъ. За оплошность и нанесеніе вреда общественному дѣлу онъ могъ по окончаніи предпріятія быть подвергнутъ суду, какъ всякій другой гражданинъ“. (I. с. р. 140). Въ Чернышевской ст. старики говорили мнѣ, что русскіе офицеры, сталкиваясь съ казаками въ старину, дивились, глядя какъ послѣдніе наказывали за проступки розгами своихъ же собственныхъ атамановъ, бывшихъ своихъ начальниковъ, а во время дѣла подчинялись имъ безпрекословно. Вотъ какъ, по словамъ Евлампія Котельникова, происходилъ въ старину выборъ станичнаго атамана: „когда старый атаманъ отходилъ, то на общемъ сборѣ въ кругу, положивши свою насѣку, онъ спрашивалъ атамановъ молодцовъ, кому поручать они сдѣлать докладъ,—что означало предложить вопросъ на обсужденіе всего сбора. Право доклада принадлежало не каждому, и самъ атаманъ безъ согласія подписанныхъ стариковъ, которые въ извѣстномъ числѣ избирались въ качествѣ судей, не могъ сдѣлать доклада, почему сложилась поговорка: „атаманъ не воемъ и въ докладъ“. Назначенный докладчикъ предлагалъ сбору выбрать новаго атамана; провозглашенный принималъ изъ рукъ докладчика ата-

Выборъ станичнаго атамана въ старину.

манскую насѣку, и старшіе изъ казаковъ, въ знакъ поздравленія, прикрывали его своими шапками“ (Сав. „Трехсотлѣтіе В. Д.“ С. П. Б. 1870 г., с. 106). Въ знакъ своей власти, атаманы и есаулы имѣли насѣки. Атаманская насѣка была аршина въ 2 вышины съ верхнимъ концомъ, облитымъ оловомъ или свинцомъ. Насѣка же у есаула состояла изъ ровной палки аршинка въ 3 вышиной (Тим.). Изъ актовъ Тишанской, Верхнекурморской ст. и др. видно, что въ старину избирались ежегодно вмѣстѣ съ атаманомъ для веденія общественныхъ дѣлъ, суда, расправы и пр. почтенные казаки, которые назывались станичными стариками. Съ первой половины XVIII вѣка ихъ просто стали называть стариками подписными. Обязанность стариковъ или судей была участвовать съ атаманомъ въ управленіи, быть его совѣтниками и помощниками. Число ихъ было не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ; (съ 1835 г.— не болѣе 2-хъ), иногда же къ нимъ добавляли помощника. Есауль всегда былъ одинъ; на его обязанности лежало приводить въ исполненіе распоряженія станичнаго атамана (Д. О. В. 1873 г., № 47). Дѣла, превышающія власть атамана, рѣшались на собраніи общины, а дѣла, превышающія власть общины, отсылались въ Войско (ibid.).

Старика.

Всѣ общественныя дѣла станицы обсуждались въ кругу. Тутъ же творились судъ и расправа надъ виновными. Кругъ собирался всегда на площади между станичной избой, часовой или церковью. Мѣсто это называлось майданомъ (Тим.). Въ воскресенье или праздникъ атаманъ, вышедши изъ церкви, приглашалъ казаковъ на сборъ. Или же ранѣе онъ посылалъ есаула дѣлать „закличку“. Есауль съ насѣкой въ рукѣ, шелъ по станицѣ и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, снявъ шапку, протяжнымъ голосомъ кричалъ: „атаманы молодцы, сходитесь на майданъ, ради станичнаго дѣла, или же—войсковую грамоту слушать“ (Д. О. В. 1873 г., № 47). Когда кругу предстоило обсуждать очень важное и спѣшное дѣло, напр. о принятіи мѣръ противъ показа-

Кругъ.

вшагося ввиду станицы непріятели, о немедленномъ выступленіи въ походъ на помощь Войску, или какой нибудь станицѣ и т. п., то есауль сзывалъ въ него станичниковъ съ развѣвующею хоругвиею въ рукахъ (Тим.). Если же правители узнавали о приближеніи непріятели, а станичники находились на полевыхъ работахъ, то вѣстовой скакалъ съ хоругвиею въ поле и извѣщалъ этимъ работавшихъ объ опасности. Не говоря часто никому ни слова, онъ проносился только по полю и съ такою же быстротой, возвращался обратно въ городокъ. Граждане понимали, въ чемъ тутъ дѣло, и спѣшили принять мѣры къ своему спасенію (ibid).

Въ собранный кругъ выносились всегда изъ церкви или часовни хоругви и образа Спаса и Николы (Красновъ, „Рус. Рѣчь“ I. с.), и онъ считался мѣстомъ священнымъ, почему казаки и стояли въ немъ безъ шапокъ. Къ участию въ кругѣ не допускались казаки порочные или пенные, которыхъ община однако прощала, если имъ удавалось отличиться храбростію въ какомъ-либо трудномъ дѣлѣ (Соколовскій I. с. р. 213). Атаманъ дѣлалъ доклады, предлагалъ кругу для обсужденія дѣла, а есауль слѣдилъ за порядкомъ (Тим.). Передъ всякимъ докладомъ есауль, по знаку атамана, возглашалъ громкимъ и протяжнымъ голосомъ: „помолчи, честная станица, помолчи“! Когда все утихло, атаманъ, держа насѣку передъ собою, начиналъ докладъ каждый разъ воззваніемъ къ общинѣ „честная станица“ (Д. О. В. 1873, № 47). За нарушеніе приличія и оскорбленіе святоesti круга каждый изъ станичниковъ тутъ же наказывался есаульскимъ жезломъ или атаманею насѣкой (Тим.).

Есауль.

Съ теченіемъ времени этотъ порядокъ измѣнился. „Названіе есаула сократилось въ есаульца; поселковые приказные называются нынѣ хуторскими атаманами и только званіе станичнаго атамана сохранилось неизмѣнно“.

Нынѣшніе сборы (сходы) станичные и хуторскіе.

Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ и нынѣ собираются сборы или сходы въ станицахъ и хуторахъ. Они вѣдаютъ вопросы о раздѣлахъ и передѣлахъ юртовыхъ до-

вольствій, выбираютъ должностныхъ лицъ, постановляютъ приговоры объ исключеніи изъ общины вредныхъ обывателей и о приѣмъ новыхъ членовъ, дѣлаютъ постановленіе объ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ и т. п. На семейный бытъ нынѣшніе казакіе сходы мало оказываютъ (сколько мнѣ извѣстно) вліянія: „чужой домъ, темная крыша“. Но казакскимъ сходамъ предоставлено право высказывать свое мнѣніе о лицахъ, просившихъ льготы отъ полевой службы по семейному и имущественному положенію (Д. О. В. 1882 г., № 22). Собираются сборы и по предписанію высшей окружной администраціи. На станичныхъ сходахъ участвуютъ казаки хозяева самой станицы и всѣхъ прилежащихъ хуторовъ. Кроме того, бывають малые сборы одной только станицы или одного хутора для рѣшенія мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, напр. для распредѣленія общественныхъ работъ между общинниками, либо для найма пастуха и пр. Наконецъ въ свободное отъ работъ время, обыкновенно въ праздники, казаки собираются около станичной избы и толкуютъ о своихъ дѣлахъ общихъ и частныхъ. Такія собранія лишены всякаго officialнаго характера: „это просто семейный разговоръ“, но они способствуютъ сложенію такого или инаго общественнаго мнѣнія и въ этомъ смыслѣ имѣють значеніе, когда на очередь поставлены важные общественные вопросы, напр. объ „уравнительномъ“ раздѣлѣ земли.

Станичные сборы въ теплое время года собираются на площади передъ станичной избой, которая называется и повинѣ майданомъ. Зимой сборы бывають въ станичной избѣ. Для этого въ станицахъ устроены обширныя сборныя горницы, отъ „станичнаго правленія“ отдѣленныя обыкновенно сѣнями. Въ стѣнахъ такой сборни вырублены огромныя окна, рамы изъ которыхъ во время схода выставляются для освѣженія воздуха. О созывѣ станичнаго сбора дѣлаеть распоряженіе станичный атаманъ. Сборъ стараются созвать въ такое время, когда болѣе или менѣе всѣ свободны, поэтому обыкновенно бывають сборы по

Мѣсто и время собраній.

праздникамъ, и чаще осенью, чѣмъ весной, и вообще когда казаки свободнѣе отъ работъ. Атаманъ посылаетъ „есаульца“ или, что тоже, полицейскаго, дѣлать „закличку“. Въ станицѣ заклика бываетъ или наканунѣ сбора, причемъ есаулецъ ходитъ съ вечера по станицѣ и кричитъ: господа, честная станица, завтра будетъ станичный сборъ, не расходитесь и не разъяжайтесь (зап. въ Марининской ст.); или же закличка производится по утрамъ въ тотъ же день; есаулецъ ходитъ по станицѣ и кричитъ: господа, честное общество, пожалуйте на станичный сходъ. Въ хутора станичный атаманъ пишетъ „приказы“ (повѣстки) къ поселковымъ атаманамъ, въ которыхъ говорится о времени сбора и о предметахъ, назначенныхъ для обсуждения. Поселковый же атаманъ оповѣщаетъ каждый дворъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, напр. въ Тишанской, въ весьма экстренныхъ случаяхъ, во время полевыхъ работъ, по старинному обычаю и нынѣ по полямъ нарочный казакъ со станичнымъ знаменемъ, и всѣ казаки, завидѣвъ его, бросаютъ работы и спѣшатъ въ станицу. (Д. О. В. 1873 г., № 47).

На сборъ идетъ съ дома одинъ изъ взрослыхъ мужчинъ, обыкновенно самъ хозяинъ или же кто-нибудь изъ сыновей или братьевъ. Право голоса имѣетъ онъ одинъ. Остальные члены семьи могутъ присутствовать на сходѣ и слушать, но голоса подавать не имѣютъ права. Если хозяйничаетъ мать вдова, то на сборъ ходитъ обыкновенно старшій сынъ. Случается, что казакъ посылаетъ свою жену на сходъ, послушать, почему напр. наймутъ пастуха и пр. Являются на сборъ женщины и для того, чтобы поклониться обществу и попросить какую-нибудь милость. Предсѣдательствуетъ на станичномъ сходѣ станичный атаманъ. Часто онъ предварительно составляетъ списокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, и предлагаетъ ихъ обществу одинъ за другимъ. Выслушавъ атамана, казаки начинаютъ вдругъ говорить всѣ сразу; слышится страшный шумъ, въ которомъ разобрать ничего нельзя: „шумна казачья рѣчь, какъ вода, когда прерва-

Обсужденіе
дѣль.

лась плотина⁴. Говорятъ всѣ и старые, и молодые, безъ всякой очереди, всѣ заразъ. Наконецъ, когда атаману покажется, что предложенный вопросъ достаточно обсужденъ, онъ заставляетъ есаульца звонить въ колокольчикъ; тишина восстанавливается не скоро. Чаще сами казаки, увидавъ, что вопросы они обсудили, начинаютъ кричать: „будетъ. молчите, довольно ужъ...“ Рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ. Для рѣшенія вопросовъ болѣе важныхъ, указанныхъ въ 68 ст. „Положенія“ 1870 г., требуется согласіе не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ, имѣющихъ голосъ. Атаманъ предлагаетъ согласнымъ и несогласнымъ раздѣлиться на двѣ группы и потомъ уже считаетъ голоса. Когда рѣшеніе постановлено, казаки молвятъ: „ну, въ часъ добрый“—и переходятъ затѣмъ къ обсужденію слѣдующаго вопроса. Въ концѣ составляется общественный приговоръ, который подтверждается подписями собравшихся.

Рѣшеніе.

Во всѣхъ посѣщенныхъ мною станицахъ мнѣ пришлось слышать жалобы на то, что сходы собираются весьма медленно и трудно, ибо сами казаки идутъ на нихъ не охотно. Не рѣдко случается, говоритъ г. Ермоловъ, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не можетъ составиться станичнаго схода съ законнымъ количествомъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Вслѣдствіе подобныхъ причинъ, выходятъ нерѣдко пререканія между прѣзжающими на сборъ гражданами и станичными правителями; почему нѣкоторые станичныя правленія намѣренно или уменьшаютъ въ отчетахъ своихъ количество домохозяевъ или рѣшаютъ дѣла съ незаконнымъ количествомъ гражданъ и потомъ разными способами собираютъ законное число подписей. (Д. О. В. 1882 г., № 7). Такъ не рѣдко, по словамъ казаковъ, въ нѣкоторыхъ юртахъ по спискамъ право голоса имѣютъ 1500 человекъ, а на сборъ являются лишь 400 (зап. въ Черныш. ст.). Причиной неявки станичниковъ выставляется главнымъ образомъ дальность разстоянія и слишкомъ малый интересъ къ дѣлу. „Слово гнать на сборъ — говорить

Недостатки сходовъ.

другой наблюдатель казацкаго быта — имѣть у насъ настоящій свой смыслъ. Дѣйствительно, приходится выгонять людей на сходы, потому что всякій уклоняется отъ поѣздокъ на нихъ, довольно обременительныхъ. Ъхать въ станицу верстъ за 35 и болѣе не всякому охота, а станица то (станичное правленіе) наша въ самомъ юго-западномъ углу юрта. Встрѣчаешь станичника, ѣдущаго со станичнаго схода, и спрашиваешь: „а что, станичникъ, было на сходѣ?“ Станичникъ махнеть рукою, пошлетъ сходъ этотъ ко всѣмъ... и скажетъ: „не составилъ сходъ, положили на слѣдующее воскресенье—ишь какъ теперь стало: переключку сдѣлалъ атаманъ и говорить 1200 голосовъ, а 300 не достаетъ; и вотъ проѣздили два дня напрасно“... При этомъ станичникъ плюнетъ и поѣдетъ. И этакъ случается очень часто; рѣдко когда сходъ составитъ въ одинъ разъ“ (Каз. вѣстн. 1882 года, № 3). Это обстоятельство навело нѣкоторыхъ на мысль предложить такую мѣру: на станичный сборъ посылать съ хуторовъ по одному депутату отъ каждаго десяти дворовъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій сходъ былъ выбираемъ новый депутатъ. Последнія газетныя извѣстія сообщаютъ однако о недовольствѣ казаковъ и этой мѣрой. Такъ изъ Хоперскаго округа пишутъ, что „новый законъ о составѣ станичныхъ сходовъ и о порядкѣ разрѣшенія подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ—по станицамъ мѣстною окружною администраціею по прежнему встрѣчается не сочувственно. Какъ станичныя, такъ и хуторскія общества по прежнему рѣшительно отказываются приступить къ выбору своихъ представителей (одного съ 10 дворовъ). Какой оборотъ въ виду этого приметъ все дѣло, пока еще неизвѣстно, ибо лица, на обязанности которыхъ лежитъ не легкая задача ввести законъ въ силу съ 1-го іюля, направляютъ, повидимому, всѣ усилія къ тому чтобы преждевременными мѣрами не обострить положенія и не усилить этимъ недовѣріе казаковъ къ предполагаемой реформѣ“ (Рус. Вѣд. 1884 г. № 175).

Безпорядки.

Много жалуются казаки и на безпорядокъ во время

самихъ собраній. Атаманы и писаря жалуются, что на сходахъ ихъ мало слушаютъ и мѣшаютъ правильно вести обсужденіе дѣлъ. Простые казаки жалуются на то, что нынѣ мало стали почитать старшихъ. „Прежде, говорили они, старикамъ всегда давали право высказывать свое мнѣніе впередъ остальныхъ — ихъ всѣ съ почтеніемъ слушали. Нынѣ же у кого голосъ сильнѣй, тотъ и на сборѣ первый. Молодежь тѣснить совсѣмъ стариковъ такъ, что тѣ иной разъ посмотрятъ, посмотрятъ, да и отойдутъ къ сторонкѣ. Безобразія много тутъ творится“... Одинъ очевидецъ сообщаетъ слѣдующее. „Кто лично не присутствовалъ на сходахъ станицъ подобныхъ Луганской, тотъ и не представлялъ себѣ этой картины, подобной какой то бурной, гнусной, стихійной силѣ. Волостной сходъ— это ничтожное подобіе. Намъ приходилось бывать на волостныхъ и очень часто на станичныхъ сходахъ и когда сравнимъ, то разница ужасная. Волостные сходы представляютъ меньшую единицу и потому меньше на нихъ шума и бесполезнаго крика; отличительная же черта станичныхъ сходовъ—страшная давка, до невѣроятности безобразный крикъ и шумъ. Побывши на сходѣ, будешь цѣлую недѣлю чувствовать головную боль, а то, пожалуй,—сходъ отзовется и на бокахъ... А до чего станичники ораторствуютъ на сходѣ—это можно судить потому, что большинство изъ нихъ (ораторовъ) надолго остаются совершенно безгласными! Не разъ намъ приходилось бывать на сходахъ Луганской ст. Представьте себѣ болѣе 1000 народа, скученнаго до невозможности и кричащаго изо всѣхъ силъ. Если атаманъ сдѣлаетъ докладъ сходу о чемъ нибудь интересномъ для станичниковъ, то тутъ такой подымается шумъ и крикъ, что хоть затыкай уши и уходи! Кричатъ всѣ, а суть то предложеннаго вопроса или доклада понимаютъ только вблизи стоящіе ораторы—самые бойцы; и вотъ что эти ораторы кричатъ, тому остальные вторятъ, даже въ ущербъ дѣлу или своимъ интересамъ. Сходы въ теплое время года еще не такъ даютъ себя чувствовать; а вотъ зимой невыносимо:

туть уже страдают и ребра—тѣснота ужасная... 9-го января сего года былъ въ станицѣ сходъ, морозъ стоялъ сильный, а народъ послѣ обѣда, собравшись на сходъ почти до вечера протолкался на площади (въ правленіи невозможно было помѣститься). Вечеромъ, когда уже много разъѣхалось по домамъ, то и тогда не возможно было всѣмъ вмѣститься. Стекла оконъ своимъ звономъ возвѣщали, что народу биткомъ набито“. (Каз. вѣст. 1883 г., № 31).

Часто хитрые эксплуататоры умѣютъ склонить на свою сторону общество и потомъ всевозможными средствами съ ихъ же общественнаго согласія вытягиваютъ у нихъ послѣдніе соки (Д. О. В. 1882, № 7). Больше всѣхъ—сообщали мнѣ казаки въ разныхъ мѣстностяхъ—говорятъ на сборахъ „чиновники“ и офицеры, живущіе въ станицахъ, но къ словамъ ихъ относятся съ большой осторожностью, такъ какъ замѣтили, что они часто говорятъ не въ интересахъ общества. Приходилось мнѣ слышать жалобы и на то, что больше всего даютъ себѣ чувствовать на сборахъ крикуны, отъ которыхъ можно ожидать даже и оскорбленія. „Дѣйствительно, говоритъ г. Ермоловъ, въ силу своихъ традицій, казакъ хорошо понимаетъ свое право на сходъ и пользуется этимъ правомъ безъ ограниченія, даже сплошь и рядомъ въ ущербъ законности и порядка. Такъ въ некоторыхъ станицахъ случается изгнаніе гражданъ со схода, за то только, что они осмѣливаются проводить какую нибудь новую мысль, несогласную съ убѣжденіемъ большинства крикуновъ... Ивановъ напр. кричитъ изъ толпы: „Захарова долой со схода!“ Достаточно повторить это требованіе хотя одному изъ толпы, какъ сосѣдъ Захарова, Разухабовъ, подъ предлогомъ яко-бы исполненія желанія схода, беретъ Захарова за руку и указываетъ на дверь“ (Д. О. В. 1882, № 7)...

Впрочемъ и личность самого атамана, равно какъ и способность его руководить собраніемъ играетъ значительную роль на сборахъ.

Мнѣ указывали на атамана Воинова въ ст. Ермаковской, который будто бы такъ умѣетъ руководить сборомъ, что не смотря на присутствіе толпы человѣкъ въ 500 царить тишина и полный порядокъ. Всякій, желающій высказать свое мнѣніе, имѣетъ здѣсь полную возможность, потому что атаманъ, сдѣлавъ докладъ, предлагаетъ всякому желающему говорить поочередно. Тогда изъ толпы выдѣляются поочередно, одинъ за другимъ, станичники и, подойдя къ столу, оборачиваются къ толпѣ и высказываютъ свое мнѣніе *).

Особенно бурны бываютъ сборы для выбора должностныхъ лицъ и станичныхъ правителей. Атаманъ нынѣ выбирается на три года. По истеченіи этого срока приступаютъ къ новымъ выборамъ. Въ атаманы, по словамъ казаковъ, стараются выбрать грамотнаго, хотя избираются и изъ неграмотныхъ (напр. въ Евтеревской ст.), рачительнаго въ хозяйствѣ, при томъ человѣка „сильнаго“, имѣющаго въ станицѣ вѣсь. Нерѣдко выбираютъ и изъ офицеровъ, живущихъ въ станицѣ, такъ напр. въ Верхнекурморьянск. ст. атаманилъ есауль, въ Еланской ст.—маіоръ, въ Преображенской ст.—сотникъ и т. д.

Но сплошь и рядомъ въ атаманы попадаютъ лица не достойныя. Дѣло въ томъ, что желающихъ быть выбранными въ атаманы очень много и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ интригамъ, подкупамъ, составляя себѣ партію изъ бѣдныхъ казаковъ, которые потомъ на сборѣ тянутъ ихъ сторону. Обыкновенно еще за долго до выборовъ они стараются подкупить расположеніе избирателей ласковымъ обхожденіемъ, приглашеніемъ къ себѣ въ гости и т. п. Къ бѣднымъ они сами идутъ въ гости, показывая что желаютъ съ ними водить хлѣбъ-соль. Кромѣ этого желающій попасть въ атаманы подыскиваетъ надежнаго человѣка и вручаетъ ему деньги, а послѣдній уже заботится о при-

Выборъ должностныхъ лицъ: атамана и проч.

*) Самъ я не былъ въ этой станицѣ.

Интриги и
подкупы.

влеченіи посредствомъ угощенія возможно больше голосовъ. Интриги и подкупы ведутся нерѣдко довольно открыто. Такъ въ одной станицѣ передъ выборами составилось шесть партій, имѣвшихъ свои сборныя мѣста въ шести различныхъ кабакахъ. Засѣданія въ кабакахъ происходили подъ предсѣдательствомъ агентовъ тѣхъ казаковъ, которые желали быть выбранными въ атаманы. Эти агенты поручали своимъ подручнымъ стоять у дверей кабаковъ и зазывать всякаго идущаго мимо. Увидя проходящаго мимо казака, привратникъ проситъ войти въ кабакъ и выпить за здоровье такого-то. Угощеніе бываетъ обильное: не жалѣютъ ничего, всякій можетъ требовать что ему угодно: однимъ подаютъ водку, другимъ вино (да еще закупоренное). Для закуски пригоняютъ цѣлыхъ барановъ; тутъ же рѣжутъ ихъ и жарятъ (Д. О. В. 1873, № 47).

Вплоть до самыхъ выборовъ кабани, по словамъ казаковъ, „стонутъ“ отъ пѣнія и плясокъ. „Нашъ старый атаманъ—разсказываетъ одинъ изъ станичныхъ жителей—сначала не набиралъ партій, думая, что угодилъ обществу, такъ его и безъ всякой подмазки оставляютъ. Но вотъ въ одинъ вечеръ является въ станичное правленіе одинъ ходокъ по этимъ дѣламъ, почему-то называемый министромъ. Войдя въ присутствіе и отвѣсивъ поклонъ, онъ сначала помялся, оглядѣлся во всѣ стороны, боясь какъ бы его кто не подслушалъ, потомъ заговорилъ вкрадчивымъ голосомъ: позвольте, В—діе, сообщить вамъ кое что по секрету.

— А съ чѣмъ новенькимъ вы къ намъ пожаловали? спросилъ хозяинъ.

— Видите ли что. Вы вѣдь не можете остаться опять атаманомъ: NN и N не на шутку вѣдь взяли: они поятъ свои шайки весьма усердно въ кабакахъ; только и говорятъ, да что говорить—даже кричатъ: стараго атамана долой.

— Да какъ же намъ поступить, спрашиваетъ атаманъ?

— Чтобы поправить это дѣло не мѣшаетъ и вамъ набрать людей, чтобы они при случаѣ могли за васъ постоять и если вы поручите мнѣ это дѣло, то я чудесно его исполню.

— Какъ же вы сдѣлаете это?

— Я похожу по всѣмъ кабакамъ и вытащу оттуда нѣкоторыхъ и изъ нихъ образую свою партію. Только нужны деньги: на первый случай хотя красненькую, безъ этого нельзя!

Атаманъ со вздохомъ досталъ красненькую и отдалъ.

— В—дѣ! да напишите записку кабатчику, чтобы онъ при случаѣ ведерка два водки отпустилъ, да не мѣшало бы написать содержателю гостинницы: можетъ кому потребуется закусить.

Атаманъ сдѣлалъ и это (Д. О. В. 1873 г., № 47)...

Наступаетъ наконецъ время выборовъ. Старый атаманъ слагаетъ свое званіе. Мѣсто его на сходѣ заступаетъ кто-нибудь изъ почтенныхъ станичниковъ и ведетъ собраніе. „Партіи“, отстаивая каждая своего кандидата, спорятъ ожесточенно другъ съ другомъ, при чемъ иногда доходятъ до драки: „каждый доказываетъ превосходство своего кандидата пинками“.

И при самомъ производствѣ выборовъ не рѣдко бываютъ неправильности. Особенно часты они были вскорѣ по введеніи „Положенія“ 1870 г. Не привыкши къ употребленію шаровъ, часто одни и тѣ же избиратели подходили къ урнѣ „разовъ по пяти“ и клали шары на одного и того же кандидата, а иные шары сыпали въ урну цѣлыми горстями (Д. О. В. 1873 г., № 11). Когда же послѣ долгихъ хлопотъ и споровъ выберутъ „кандидатовъ“, то нерѣдко трудно бываетъ заставить станичниковъ баллотировать каждого изъ нихъ отдѣльно. „Мы его не хотимъ!“ кричатъ казаки противной партіи и не подходятъ къ урнѣ даже для того, чтобы положить черный шаръ, опасаясь, какъ бы не попасть въ просакъ (зап. въ Чернышевск. ст.). Когда же выберутъ наконецъ новаго атамана, то „пойдутъ поздравленія, обниманія,

угощенія — глядишь весь народъ уже и разошелся по кабакамъ и подписи на приговоръ собираются съ огромнымъ трудомъ“.

Въ знакъ атаманскаго достоинства выбранному вручается „насъка“ — посохъ или трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Новый станичный атаманъ старается подобрать себѣ весь составъ станичнаго правленія: помощника, казначея, писаря, а также поселковыхъ атамановъ. Относительно послѣднихъ, люди близко знакомые съ донскимъ краемъ утверждаютъ, что безошибочно можно судить о составѣ станичнаго правленія по дѣйствіямъ поселковаго атамана, ибо — онъ креатура атамана станичнаго. Исключенія рѣдки. Поэтому поселковые атаманы, какъ помощники станичнаго правленія являются весьма разнохарактерными дѣятелями поселковаго общества (Д. О. В. 1873 г., № 11).

Казаки весьма часто разочаровываются въ лицахъ ими самими же выбранныхъ. Это нисколько не удивительно, если вспомнить, что выборы происходят не рѣдко „подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ которыхъ весьма видную роль играетъ вино, обильно предлагавшееся избирателямъ“, какъ свидѣтельствуется объ этомъ мѣстная официальная газета (Д. О. В. 1873 г. № 50). И дѣйствительно въ немногихъ лишь изъ посѣщенныхъ мною станицъ и хуторовъ я слышалъ похвальные отзывы о правителяхъ. Въ большинствѣ же случаевъ казаки жаловались на ихъ взяточничество, пьянство, несправедливость, кумовство и пр. Въ оправданіе своей ошибки при выборахъ казаки обыкновенно приводили то обстоятельство, что ранѣе полученія должности данная личность „не выказывала наружу своего нрава“.

Говорятъ, что характеръ отношенія атамана къ своему дѣлу во многомъ зависитъ отъ того, получаетъ ли онъ отъ общества жалованье, а также и отъ размѣровъ этого послѣдняго. Во многихъ станицахъ атаманы и прочіе должностныя лица получаютъ весьма незначительное вознагражденіе, почему отъ нихъ и требовать нельзя радѣ-

Злоупотребленія должностныхъ лицъ.

нія къ общественнымъ интересамъ. Иногда жалованье опредѣляется обществомъ, но по нѣскольку лѣтъ не дается (Д. О. В. 1873 г., № 11). Чаще жалованье станичнымъ атаманамъ опредѣляется въ нѣсколько сотъ рублей въ годъ. Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ казаковъ такія рѣчи: „какое хочешь жалованье давай. а взятки и могоарычи все брать будутъ, потому такая ужъ на Дону повадка пошла; ничѣмъ ты ее не вытравишь — безъ могоарычей нѣтъ у донца и рѣчей“. Бываетъ, что атаманамъ и прочимъ должностнымъ лицамъ вмѣсто денежнаго вознагражденія общество даетъ нѣсколько сѣнокосныхъ паевъ или степныхъ озеръ въ исключительное пользованіе. Случается не рѣдко вознагражденіе казаками. Въ распоряженіе должностнаго лица общество отдаетъ 2-хъ, 3-хъ и болѣе казаковъ изъ числа отбывающихъ сидѣлочную повинность. Онъ имѣетъ право заставить ихъ работать на себя. Но чаще такіе казаки платятъ ему деньгами и освобождаются отъ несенія повинности натурой. Такимъ способомъ вознаграждаются напр. атаманы 5 хуторовъ при Тепинской ст. Случается, что общественныя должности исполняются безъ всякаго особаго вознагражденія „за внутреннюю службу“.

Судъ въ былое время также всецѣло находился въ рукахъ казацкихъ общинъ. Дѣла маловажныя, какъ-то ссоры и драки, вѣдали старики. „Случалось ли въ бесѣдахъ ссора, рассказываетъ Корниловичъ, старики тотчасъ мирили ее или заставляли обидчика поутру идти въ домъ къ обиженному, чтобы поклономъ въ ноги испросить прощеніе“. Вообще всѣ казаки, а особенно живущіе въ верховыхъ станицахъ, ставили себѣ въ обязан-

Казацкіе народные суды.

ность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. (1. с. р. 275).

Въ былое
время.

Если поссорившіеся не помирились добровольно по увѣщеванію стариковъ и сосѣдей, которые являлись только третейскими судьями, то дѣло шло на разбирательство въ станичномъ кругу, который вѣдалъ дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя *). Порядокъ судопроизводства въ старинномъ казацкомъ кругу, согласно описанію г. Тимошенкова, былъ слѣдующій. „Въ случаѣ какого-либо

Судъ станич-
наго круга.

иска, истецъ являлся въ кругъ и объявлялъ свою жалобу словесно. Кругъ требовалъ на лицо отвѣтчика, допрашивалъ его и постановлялъ свое рѣшеніе. Рѣшеніе это исполнялось въ ту же минуту. Если совершалось уголовное преступленіе, то въ кругъ являлось или лицо пострадавшее или выступали 2, 3 и болѣе постороннихъ обвинителей, объявляли о преступленіи; излагали веѣ его обстоятельства и дѣлали свое заключеніе. Кругъ призывалъ обвиняемаго и, сдѣлавъ ему допросъ, приговаривалъ къ наказанію. Когда о преступленіи, до объявленія его въ кругъ, узнавалъ атаманъ, то онъ производилъ о томъ словесный розыскъ и потомъ предлагалъ его на обсужденіе кругу, при чемъ сообщалъ свое мнѣніе о мѣрѣ наказанія преступнику. Кругъ разсматривалъ дѣло, повѣрялъ его спросомъ свидѣтелей и обвиняемаго и полагалъ свое рѣшеніе“. (1. с. р. 156). Дѣла, превышавшія

Судъ Войско-
ваго круга.

компетентность станичныхъ круговъ, рѣшались въ Войсковомъ кругу въ Черкасскѣ. Но прежде, чѣмъ перенести туда дѣло, казаки опять таки старались помирить враждующія стороны. Для этого атаманъ и старики нерѣдко сами кланялись въ ноги тяжущимся съ просьбой помириться и не ѣздить на судъ въ Черкасскъ (Рус. Стар. 1824 г., с. 275). Если же враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное Войско на судъ; „но часто

*) Впослѣдствіи кромѣ тѣхъ, за которыя преступникъ подлежалъ смертной казни.

на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводи́ли между собой разговоръ и забывали о своей враждѣ... Атаманъ и старики встрѣчали ихъ и поздравляли ихъ съ миромъ“ (ibid). „Въ маѣ, рассказываетъ Корниловичъ, главное Войско разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло казаковъ. Для сего атаманъ со всеми старшинами, составлявшими правительство, известное въ народѣ подъ именемъ „всевеликаго Войска Донскаго“, выходили за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бывающими въ семь мѣсяцѣ разливами Дона и тамъ, разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ просьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ тяжущихся къ соглашенію на общую правду, т. е. на рѣшеніе какого-нибудь старожилла, который, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежную межу“ (1. с.).

Постепенно это право казацкаго круга на производство суда было ограничено. Положеніемъ 1835 г. къ компетентности суда въ кругу были отнесены лишь слѣдующія дѣла: о неповиновеніи дѣтей родителямъ и оскорбленіи ихъ, о ссорахъ въ семействахъ и съ сосѣдями, о лѣности, пьянствѣ, буйствѣ, распутствѣ, кражѣ на сумму не свыше 20-ти р. сер., о потравѣ чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіи сада и т. п. (Тим.). Наказанія опредѣлены были слѣдующія: тѣлесныя, денежный штрафъ, арестъ и другія исправительныя. Болѣе важныя дѣла поступали на разбирательство или въ сыскное, или въ судное окружное начальство (ibid). Въ сыскныя же начальства могли переносить свои дѣла и недовольные рѣшеніемъ станицы (Сав. трехсл. с. 106). Однако такое ограниченіе „на практикѣ не принималось во вниманіе, и долгое время дѣло шло по прежнему порядку“. Причинами этого, по словамъ г. Тимощенко, было во 1-хъ то, „что станич-

«Положеніе»
1835 года.

ное правленіе считало важнымъ уголовнымъ преступленіемъ въ то время одно только убійство, о которомъ и доносило сыскному начальнику⁴, а во 2-хъ то, что „каждый изъ гражданъ считалъ болѣе для себя выгоднымъ судиться станичнымъ какъ бы семейнымъ судомъ, нежели имѣть дѣло въ сыскномъ и судномъ начальствѣ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ всякое дѣло тянулось всегда очень долго и стоило при этомъ дорого“⁴. (1. с.).

Станичный
судъ по Поло-
женію 1870 г.

Новое положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ, утвержденное въ Эмсѣ ^{13/23} мая 1870 г., совершенно отнимаетъ у станичнаго сбора старинное право суда. Съ этого времени на Дону появляется новое учрежденіе—„станичный судъ“, который устраивается въ каждой станицѣ по образцу крестьянскихъ волостныхъ судовъ. Станичному суду, говорится въ новомъ положеніи, подвѣдомственны какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица "податнаго сословія, отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Лица, пользующіеся особыми правами состояній, противъ коихъ совершены лицами, подвѣдомственными станичному суду, проступки, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдующимъ имъ удовлетворенія въ станичномъ судѣ или въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ (прим. 1 къ ст. 38). Станичный судъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между подвѣдомственными ему лицами, цѣною до 100 р. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ имущества, этимъ лицамъ причиненные, когда цѣна убытка или ущерба не превышаетъ 100 р. (ст. 35). Кромѣ этого, вѣдѣнію станичнаго суда принадлежатъ всѣ споры и тяжбы, безъ ограниченія цѣны иска, если тяжущіяся стороны предо-

ставятъ ихъ рѣшенію станичнаго суда (ст. 37). Станичный судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію подвѣдомственныхъ ему лицъ за маловажные проступки, когда оныя совершены въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла противъ лицъ подвѣдомственныхъ станичному же суду и безъ участія лицъ пользующихся особыми правами состоянія, а также когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Если въ совершеніи проступка участвуютъ обыватели принадлежащіе къ другой станицѣ, то виновныхъ приговариваетъ къ наказанію судъ той станицы, въ предѣлахъ коей проступокъ совершенъ (ст. 38): При разсмотрѣніи тяжелаго дѣла въ станичномъ судѣ, судьи должны стараться склонить стороны къ примиренію, если же стороны на мировую сдѣлку не пойдутъ, то судъ обязанъ рѣшать дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ станичномъ судѣ сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту (ст. 44).

Кромѣ этого установленнаго закономъ 1870 г. станичнаго суда въ казачьемъ быту существуютъ еще нѣсколько видовъ народныхъ судовъ, о которыхъ я упомяну въ немногихъ словахъ, прежде чѣмъ перейду къ описанію производства дѣлъ въ станичномъ судѣ.

Неофициальные народные суды.

Какъ переживаніе и отголосокъ старины сохранился по сей день и въ казачьемъ быту самосудъ. Обычай самосуда примѣняется у казаковъ преимущественно по отношенію къ ворами и конокрадамъ. Самосуды производятся или самими потерпѣвшими лицами, или членами ихъ общины. Расправы эти бывають необыкновенно суровы. Такъ, одно поселковое общество заподозрило своего же хуторянина и его жену въ кражѣ лошади и принудило позвать виновныхъ на допросъ. „День клонился къ вечеру; къ подозрѣваемому въ кражѣ, въ сопровожденіи трехъ казаковъ. отправился приказный (по-

Самосудъ.

селк. атам.). Въ темнотѣ сумерокъ онъ постучался въ окно, и когда получилъ отвѣтъ, что хозяинъ дома,—скомандовалъ казакамъ: „лѣзте“, и въ дверь посыпались удары. Дверь не устояла, запоръ былъ отбитъ, и въ домъ ворвалась стража. Хозяинъ приготовился уже спать и лежалъ на кровати. Стража, не сказавши ему ни слова, не объяснивши своего прихода, бросилась на лежавшаго хозяина и, взявши его за руки и за ноги, ударила объ землю, послѣ чего посыпались удары. Жена кинулась защищать мужа, но одинъ изъ казаковъ схватилъ ее за волосы и потащилъ на дворъ. Баба не вытерпѣла, схватила казака за бороду, и открылся рукопашный бой.... Наконецъ жертвы подозрѣнія были приведены на сходъ. Время подвигалось къ полуночи, и поселковый ареопагъ готовился къ слушанію и разбору дѣла. Но признанія не добились: раздраженные мужъ и жена отвѣчали дерзко. Это оскорбило атамана, и онъ велѣлъ связать ихъ и, продержавъ ихъ такъ съ полчаса, отпустилъ. Общество же равнодушно разошлось“ (Д. О. В. 1873 г., № 18). Въ другой станицѣ было убито два вора, причемъ, по словамъ корреспондента, „народная эта расправа до того аккуратно исполнена, что совершенно не открыто слѣдовъ къ подозрѣнію“. Одинъ изъ убитыхъ былъ нѣсколько дней живъ, съ пробитою острымъ орудіемъ головою. Но кто его ранилъ, при дознаніи не открыто“. Онъ на утро того дня, наканунѣ котораго въ ночь на него напали убійцы, найденъ былъ женою въ огородѣ, лежащимъ безъ чувствъ, съ мѣшкомъ садовыхъ яблокъ, почему и догадывались, что нападеніе на него сдѣлано хозяиномъ сада. Другой воръ былъ найденъ на берегу рѣчки, лежащимъ вверхъ лицомъ съ распростертыми руками и до того изувѣченный, что никто его не могъ признать: даже отецъ и жена его съ трудомъ узнали по одеждѣ. Голова была вся изуродована, руки поизрѣзаны, грудь разбита, а ребра все поизломаны. Объ убитыхъ никто не сожалѣеть, а напротивъ все радуются, причемъ многіе убѣждены, что и на остальныхъ воровъ

убійство это повліяеть страхомъ“. И дѣйствительно. прибавляеть корреспондентъ, одинъ казакъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заставить воровъ пригнать назадъ украденную лошадь. На хуторскомъ сходѣ онъ заявилъ, что если лошадь ему не пригонять обратно, то онъ убьетъ того вора, котораго подозрѣваетъ. И на другой день лошадь оказалась на выгонѣ около двора этого казака (Д. О. В. 1875 г. № 86). И мнѣ неоднократно доводилось слышать отъ самихъ казаковъ о безчеловѣчныхъ подчасъ случаяхъ самосуда надъ ворами и конокрадами. Такъ, въ одной станицѣ, всѣ знали одного иногородняго за конокрада, но уличить не могли, поѣтому, наконецъ, нѣсколько казаковъ подстерегли его въ степи и, снявъ сапоги, стали бить по пяткамъ палками изъ таволги, послѣ чего онъ былъ долго боленъ, и вынужденъ по сей день ходить на костыляхъ. Въ виду подобныхъ случаевъ, какъ совершенно справедливо замѣчается въ одной передовой статьѣ Д. Областныхъ Вѣдомостей, „ворамъ не судъ законный страшень, а самосудъ общества, ибо прежде, чѣмъ его доведуть до суда—озлобленные потерпѣвшіе вдоволь натѣшатся надъ его тѣломъ. Тутъ пускаются въ ходъ и кнуты, и кулаки, и здоровенныя палки; иной воръ, послѣ общественнаго возмездія, хирѣеть, хирѣеть, да такъ и въ могилу сойдетъ. Не разъ приходилось выслушивать скорбныя исповѣди завзятыхъ конокрадковъ, и не разъ они говорили такъ: „Сибирь!... Сибирь не страшна—вѣдь и тамъ люди живутъ; не страшна и тюрьма.... А вотъ прежде, чѣмъ я до васъ дошелъ, такъ точно натерпѣлся муки“. И тутъ пойдетъ перечень такихъ ужасовъ, что у свѣжаго человѣка волосъ дыбомъ встаетъ. И вѣдь что всего хуже: частнымъ путемъ всегда узнаешь многое, а официально раскроешь дѣло развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ отъ того то большинство воровъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать объ истязаніяхъ: другіе ограничиваются указаніемъ на побои вскользь“.

(Д. О. В. 1880 г., № 39).

Судъ общины

Судебныхъ сборовъ „официальныхъ“. конечно, нынѣ уже не бываетъ, но существуютъ ли еще подобные сборы неофициально, если не въ станицахъ, то въ хуторахъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Однако можно думать, что они или существуютъ еще кое гдѣ или же по крайней мѣрѣ казаки, по своимъ воззрѣніямъ, не находятъ ихъ лишними. Такъ напр. въ одной мѣстности, согласно сообщенію г. Никулина, случилось небольшое воровство. „Заподозрили двухъ казаковъ; такъ какъ они не сознавались, то все общество и рѣшило своимъ судомъ высѣчь ихъ для примѣра прочимъ. Нарѣзали палокъ, положили бѣдняковъ только не безъ борьбы. Совсѣмъ уже приступили было къ дѣлу, да нашелся одинъ благомыслящій казакъ, оттолкнулъ съ розгами людей и объяснилъ имъ, что за это они могутъ отвѣчать. Тѣмъ дѣло и кончилось“ (Д. О. В. 1874 г., № 39). На воскресныхъ и праздничныхъ собраніяхъ передъ станичнымъ правленіемъ, упомянутыхъ выше, собравшіеся часто оказываютъ добрую услугу поссорившимся станичникамъ, направляющимся въ судъ для разбирательства своего дѣла. Прежде чѣмъ эти послѣдніе дойдутъ до суда, имъ приходится пробираться сквозь собравшуюся толпу. Собравшіеся казаки, узнавъ въ чемъ дѣло, стараются помирить поссорившихся и нерѣдко достигаютъ этого.

Судъ поселковаго атамана и стариковъ.

Кромѣ того казаки, живущіе на хуторахъ, поссорившись между собою, прежде чѣмъ ѣхать въ станицу съ жалобой, часто прибѣгаютъ къ суду поселковаго атамана и стариковъ. Въ такихъ случаяхъ, сказывали мнѣ казаки нѣкоторыхъ мѣстностей, — сначала миритъ поселковый атаманъ, а въ случаѣ неуспѣха сзываетъ стариковъ (зап. въ Кепин. ст. и нѣсколькихъ другихъ). Такимъ способомъ рѣшаются, сколько мнѣ извѣстно, дѣла о потравѣ, о дракѣ, о ссорахъ между супругами и т. п. Горячо сердце казацкое, говаривали мнѣ станичники — быстро вспыхнетъ гнѣвъ, но быстро и проходить; „на насъ дивуются иногородніе — чудной, говорятъ,

народъ вы казаки: сегодня вы другъ другу бороды по-вырвете, фонарей подь глаза наставите, а завтра, глядишь, вы уже опять обнявшись идете"... Бываетъ и такъ, помирать двухъ подравшихся казаковъ, пойдуть они пить могоарычъ—выпьютъ лишнюю рюмку и снова подерутся. Сберутся къ нимъ ихъ судьи, закричатъ имъ: что же это вы, да вѣдь мы васъ сейчасъ мирили, и разведутъ ихъ въ стороны и не допустятъ другъ къ другу, пока они не протрезвятся (зап. въ Гниловск. ст.). Если поселковому атаману и старикамъ помирить поссорившихся не удастся, то дѣло переходитъ въ стан. судъ.

Точно такъ же и атаману станичному приходится иногда единолично разбирать споры между казаками. Часто послѣдніе подаютъ жалобы не въ судъ, а къ атаману. Онъ прочтетъ или выслушаетъ жалобу, разберетъ все дѣло и старается затѣмъ склонить тяжущихся къ миру: „все самъ и рѣшитъ по семейному“; или же посылаетъ къ поселковому атаману съ просьбой „помирить ихъ какъ нибудь“.—Во время праздника или ярмарки молодые казаки, подравшись другъ съ другомъ, нерѣдко приходятъ также къ атаману съ жалобой. Такъ какъ причиной подобныхъ дракъ весьма нерѣдко бываетъ ревность къ станичнику, съ которымъ жена была въ связи во время пребыванія казака на службѣ, то атаманъ, уговаривая соперниковъ помириться, утѣшаетъ обиженного такъ: „ну, что жъ дѣлать, вѣдь самъ знаешь, что по дѣломъ бить, самъ вѣдь съ его женой грѣшилъ... Ну, вотъ какъ на службу и самъ сходишь, тогда твой чередъ придетъ бить то“ (зап. въ Чернышевск. ст.).

Судъ станичнаго атамана.

Суды третейскіе (которые въ нѣкоторыхъ низовыхъ ст. казаки называли „медіаторскими“) въ томъ видѣ, какъ они установлены ст. 48 и 49 „Положенія“ 1870 г. примѣняются, повидимому, рѣдко. Впрочемъ свѣдѣнія о нихъ, находящіяся въ моемъ распоряженіи, крайне скудны. Казаки сообщали мнѣ только, что третейскій судъ примѣняется „по согласію сторонъ“ и что „рѣше-

Судъ третейскій.

нія записываются въ книгу“. При просмотрѣ станичныхъ архивовъ, я встрѣчалъ кое гдѣ, среди рѣшеній станичныхъ судовъ, протоколы, озаглавленные: „рѣшеніе третейскаго суда“, но отъ прочихъ ничѣмъ не отличавшіеся. Въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что собирался разъ третейскій судъ, но не состоялся, потому что „то одинъ судья не приходилъ, то другой, такъ и бросили дѣло“. Въ ст. Аксайской мнѣ говорили, что здѣсь бывають третейскіе суды, преимущественно для рѣшенія споровъ по торговымъ дѣламъ, „когда счета нужно разбирать“.

Суды «специ-
альные», «эк-
стренные».

Наконецъ суды „спеціальныя“ (сравни. Пахманъ. „Обычное право“ I, с. 387) и „экстренныя“ (сравни. Скоробогатый „Устр. крест. судовъ“. М. 1880 г., с. 24) бывають и среди казаковъ.

Такъ въ рыболовныхъ ватагахъ атаману принадлежить судъ надъ забродчиками; атаманъ „шакъ“, которыя ходять со знаменемъ на масляницѣ (подробности ниже), такъ же творить судъ и расправу, въ случаѣ буйства и безчинства одного изъ членовъ шайки; дружка на свадьбахъ также имѣеть право суда и расправы; всѣ обязаны его слушать: во многихъ мѣстахъ казаки заявляли, что когда „свадьба налажена“, то выбираютъ дружка и кладутъ завѣтъ, чтобы въ случаѣ ссоры или какого либо неудовольствія или же драки за все время свадебныхъ пиршествъ дѣло не доводить до суда, а поручать разбирательство дружкѣ, и во всемъ его слушаться. Во всѣхъ подобныхъ судахъ главную роль играетъ штрафъ водкой въ пользу потерпѣвшаго и его товарищей, хотя случается, что „строптиваго и непокорливаго и побьютъ немного“.

Станичный
судъ.

Для составленія суда станичнаго, согласно Положенію 1870 г., избирають ежегодно на станичномъ сходѣ отъ 4-хъ до 12-ти судей, причеиъ присутствіе суда должно состоять не менѣе, какъ изъ 3-хъ судей (ст. 31). Въ станичныя судьи вообще казаки идутъ весьма неохотно; поэтому во многихъ станицахъ на эту должность смотрять, какъ на одну изъ общественныхъ по-

винностей и отбываютъ ее по очереди всё, „чтобы никому обидно не было“. При этомъ богатые казаки стараются откупиться или представить свидѣтельство о бѣднѣ, которое однако сборомъ не всегда признается уважительнымъ, или же просто просятъ общество „помиловать ихъ“. Но въ другихъ станицахъ судей дѣйствительно выбираютъ на станичномъ сборѣ, причѣмъ въ однихъ мѣстахъ производится баллотировка посредствомъ шаровъ, а въ другихъ мѣстахъ судей выбираютъ „голосами“. Последнее происходитъ такъ: станичный атаманъ спрашиваетъ сборъ: „кого желаете въ судьбу?“ Въ отвѣтъ станица выкрикиваетъ разные имена, а атаманъ записываетъ ихъ. Когда наберется достаточное число, то онъ „вычитываетъ ихъ“. „Ну—скажетъ атаманъ, прочитавъ списокъ,—довольны ли?“—„Въ часъ добрый“, отвѣчаетъ станица, или же: „такого то замѣнить такимъ то“ (зал. въ Маріин. ст. и др.). Въ Гниловской ст. хотя и выбираютъ судей шарами, но при выборѣ ихъ „стараятся уравнить, чтобы всѣмъ пришлось отбыть судейскую должность: богатый ли, бѣдный ли—выборъ одинъ, а то тягостно будетъ, коли не всѣхъ выбирать“. Въ другихъ ст., напр. въ Евтеревской, казаки сообщали, что въ судьи стараются выбирать богатыхъ, „потому, что у бѣдныхъ дѣлается разстройство въ хозяйствѣ отъ судейской должности“; а такъ какъ богатые казаки больше по хуторамъ, то въ судьи и выбираютъ больше изъ хуторскихъ.

Число судей также не вездѣ одинаково: въ однихъ станицахъ ихъ только четверо (Евтер.), въ другихъ,—пятеро (Елан.), въ третьихъ—двѣнадцать и т. п. Сроки, въ теченіи коихъ судьи дѣйствительно исполняютъ свою судейскую должность, точно также разнообразятся. Въ нѣкоторыхъ ст. (тамъ гдѣ число судей ограничено до 4-хъ) они исполняютъ свою обязанность круглый годъ. Въ другихъ ст. установлены „смѣны“. Такъ въ станицѣ Старочеркасской, по словамъ казаковъ, установлены 3 смѣны судей черезъ каждые четыре мѣсяца; въ Ниж-

Число станич.
судей.

некурмоярской стан. 12 судей распределены „на три трети, по четыре судьи на каждую“ и т. п.

Вознагражденіе
судьямъ.

Что касается вознагражденія судьямъ, то въ нѣкоторыхъ станицахъ оно совсѣмъ не полагается, такъ какъ судейская должность отбывается за „внутреннюю службу“. Въ другихъ станицахъ вознагражденіе хотя и дается, но оно въ большинствѣ случаевъ крайне незначительно. Вознагражденіе это бываетъ либо денежное, либо „станичными травяными пайками“, либо „казаками“ (подробно сказано выше). Такъ въ ст. Еланской каждый судья получаетъ по 5 травяныхъ паевъ, а судья, исполняющій обязанность письмоводителя—6 паевъ; въ Чернышевской ст. по 50 р.; въ Устьмедвѣдицкой—по 1 травяному паю, который даетъ около 20 р. въ годъ; въ Кепинской ст.—по 25 р. въ годъ, а судья исправляющій должность письмоводителя,—30 р. въ годъ; въ Гниловской ст. каждому судья по 20 р. и 10 травяныхъ паевъ на всѣхъ двѣнадцать судей въ годъ. Въ ст. Евтеревской судьи отъ 1871 до 1876 г. жалованья не получали вовсе: о вознагражденіи судьямъ станица и слышать не хотѣла. Съ 1877 г. по 1880 г. общество постановило наконецъ, чтобы судьямъ позволено было брать съ каждой просьбы по 25 к. сер. Платилъ обыкновенно истецъ, но они требовали и съ отвѣтчика. Этимъ судьи были довольны; они имѣли даже возможность отъ себя нанимать писаря, въ которомъ они крайне нуждались, вслѣдствіе своей неграмотности. Но начальство запретило эти поборы. Нынѣ судьи въ Евтеревской ст. получаютъ по 25 р. въ годъ. Этого жалованья имъ мало, но общество, не смотря на ихъ просьбы, не желаетъ имъ прибавлять. Въ ст. Чернышевской казаки точно также выражали желаніе установить плату судьямъ съ каждой жалобы по 1 рублю, но „опасаются начальства“.

Станичный судъ собирается въ однихъ мѣстахъ каждое воскресенье, въ другихъ черезъ двѣ недѣли. Вообще говоря, засѣданія чаще зимой, ранней весной и осенью, чѣмъ лѣтомъ, когда всѣ заняты работой въ полѣ. Судьи

обыкновенно собираются по окончаніи литургіи и послѣ объѣда. Засѣдаютъ иногда до самого вечера, такъ какъ разбирается по нѣскольку дѣлъ къ ряду. Мѣсто собранія станичнаго суда обыкновенно въ станичной избѣ, гдѣ помѣщается и станичное правленіе. Изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною станицъ только въ Нижнекурморской станичный судъ собирается въ отдѣльномъ отъ станичнаго правленія зданіи, которое общество нанимаетъ у частнаго лица. Судъ засѣдаетъ обыкновенно въ отдѣльной „камерѣ“. Помѣщеніе это въ однихъ станицахъ крайне тѣсно и грязно, въ другихъ, напротивъ того, оно даже роскошно. Такъ напр. въ ст. Ярыженской засѣданіе ст. суда происходитъ въ просторной горницѣ, вдоль стѣнъ которой поставлены широкія лавки для слушателей. Сами стѣны украшены портретами членовъ царской фамиліи, большимъ портретомъ Ермака, покорителя Сибири, исполненнымъ масляными красками, нѣсколькими портретами прежнихъ наказныхъ атамановъ. Въ переднемъ углу поставлены цѣлымъ рядомъ образа, болшею частью въ серебряныхъ окладахъ; подъ этими образами стоитъ столъ, за которымъ сидятъ судьи. Такія же украшенія судейской комнаты я встрѣтилъ въ ст. Евтеревской, Аннинской и др. Болѣе скромный видъ имѣетъ „камера“ напр. въ Чернышевской ст.; особенно тѣсно и грязно помѣщеніе для суда (изъ всѣхъ мною видѣнныхъ) въ ст. Маріинской и Старочеркасской.

Судьи обыкновенно сидятъ за столомъ поставленнымъ въ переднемъ углу. Въ однихъ станицахъ столъ этотъ покрывается сукномъ краснымъ или чернымъ или зеленымъ; въ другихъ онъ остается ни чѣмъ не покрытымъ. Въ Евтеревской ст. судьи помѣщаются на особомъ возвышенномъ мѣстѣ, обнесенномъ деревянной рѣшеткой. Писарь обыкновенно сидитъ за однимъ столомъ съ судьями; и только въ немногихъ изъ посѣщенныхъ мною станицъ онъ сидитъ отдѣльно отъ судей. Засѣданія ст. суда посѣщаются въ однихъ мѣстностяхъ очень ревностно посторонними, въ другихъ же посѣти-

телей бываетъ крайне мало. Засѣдаютъ обыкновенно трое судей, часто четверо иногда и пятеро. Предсѣдателя не выбираютъ, но обыкновенно засѣданіемъ руководитъ старшій или наиболѣе опытный и смѣтливый изъ судей. Для веденія протоколовъ засѣданія въ большинствѣ ст. есть особый „судейскій писарь“, который исполняетъ должность по найму либо отъ станицы, либо отъ самихъ судей. Въ иныхъ ст. обязанность писаря исполняется кѣмъ-нибудь изъ судей.

Поводы къ начатію судебныхъ разбирательствъ.

Судебное разбирательство въ станичномъ судѣ можетъ быть начато по слѣдующимъ извѣстнымъ мнѣ поводамъ. Во 1-хъ по собственному объявленію; такъ напр., уличивши кого-нибудь въ воровствѣ, станичники иногда заставляютъ его идти самому въ судъ и объявить, что онъ воръ, угрожая въ противномъ случаѣ избить его; во 2-хъ, по сообщенію должностныхъ лицъ (атамана, помощника и др.); въ 3-хъ, по жалобѣ одностаничниковъ и сосѣдей обвиняемаго, такъ напр., вынудивъ у вора признаніе, однообщинники идутъ въ судъ съ жалобой на него; въ 4-хъ, по жалобамъ самихъ потерпѣвшихъ отъ правонарушенія; въ 5-хъ, обвиненіе возбуждается и самимъ судомъ, такъ напр. чернышевскій ст. судъ юля 9, 1873 г. опредѣлилъ Анну С. за пьянство и развратъ, въ примѣръ другимъ, подвергнуть аресту на 7 дней при станичномъ правленіи, „такъ какъ подобныя личности, кромѣ физическихъ поврежденій, могутъ принести еще матеріальный недостатокъ въ карманѣ, что оправдываютъ неоднократные примѣры“.

«Объявленіе».

Потерпѣвшій обиду или ущербъ приноситъ въ судъ жалобу, которую онъ излагаетъ или словесно, или въ письменномъ „объявленіи“. Письменные жалобы изготовляются грамотными и опытными въ этомъ дѣлѣ людьми за извѣстную плату или за могоарычъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ самъ очередной судья или писарь составляютъ письменную жалобу по просьбѣ истца. Въ подобномъ „объявленіи“ излагаются всѣ обстоятельства дѣла и заявляется въ концѣ желаніе истца, напр. денежное вознагра-

граждене за обиду, или возстановленіе своихъ правъ, или вознагражденіе за понесенный убытокъ и т. п. Иногда истецъ просить ст. судъ только „разсудить ихъ“, „поступить съ обидчикомъ по закону“, „поступить по совѣсти“ и т. п. Вотъ примѣры такихъ „объявленій“.

I.

Въ Евтеревскій ст. судъ.
Казачьей жены Софьи Рыковой

Объявленіе.

По рѣшенію сего суда, казачка здѣшной станицы Аксинья У. признана наслѣдницей на имущество умершей матери моей Агрипины У.; не воображая этого, я, какъ единственная дочь и наслѣдница на сказанное имущество, сдѣлала расходы: на похороны и на поминъ Агрипины У. 35 р. сер. Въ настоящее же время Аксинья У. заявила свои права на наслѣдство и судомъ она въ томъ признана, я же какъ ужъ являюсь теперь въ томъ лицомъ постороннимъ, то и не обязана принимать расходъ этотъ на свой счетъ, а потому покорнѣйше прошу ст. судъ присудить съ признанной наслѣдницы въ пользу мою вышеописанныя издержки 35 р. и оными меня удовлетворить на томъ основаніи, что она получаетъ наслѣдственное имущество.

Ноября 1 дня, 1878 г.

Просительница Софья Р., а по неграмотству ея подписалъ унтеръ-офицеръ Палѣевъ.

II.

Въ Пятиизбянскій ст. судъ

урядницы Д. П.

Объявленіе.

Не знаю, за что и по какому праву мѣщанинъ Е. зашелъ ко мнѣ на дворъ и хотѣлъ было побить окна, что я сомнѣваюсь было разбито окно въ этотъ же разъ, схватилъ меня за груди и толкалъ кулакомъ, обруги-

валъ всячески, чего я не заслуживаю. Въ свидѣтели выставляю казака И. Н., казачку Е. Л., почему прошу судъ вызвать отвѣтчика и свидѣтелей моихъ и приказать удовлетворить меня, какъ за побой, такъ и за оскорбленіе, 40 руб. сер. Къ сему объявленію подписуюсь урядница Д. П., а по неграмотству ея росписался урядникъ К. М.

III.

Въ Верхнекурмоярскій ст. судъ.

Казака К.

Объявленіе.

З сего февраля ѣхалъ я съ хутора съ казачками Н. и М. и въѣхали мы въ проулокъ, гдѣ догналъ насъ, неизвѣстно откуда взявшись, урядникъ Т. Когда мы въѣхали на улицу, Т. догналъ меня и сѣлъ со мной на сани. Проѣзжая немного его дворъ, не знаю съ какого поводу кинулся, ухватилъ меня за шапку и, схватя шапку, кинулся бѣжать къ себѣ домой, куда я и бросился за нимъ и ухватился за свою шапку и говорю ему: за что ты снялъ съ меня шапку; онъ мнѣ только и сказалъ: „а ты такой-то“. Ну, я вырвалъ у него свою шапку и пошелъ къ своей лошади. Онъ опять кинулся и ухватилъ меня еще крѣпче за шапку и зашумѣлъ своей женѣ, которая выскочила изъ дому. У меня былъ топоръ за поясомъ. Она выхватила у меня топоръ изъ за пояса по приказанію его; а я зашумѣлъ: караулъ. Они оба кинулись къ себѣ въ домъ, а шапку я вырвалъ и пошелъ къ своей лошади и засвидѣтельствовалъ вышеупомянутыми женщинами, которыя могутъ рассказать всю мою обиду. Покорнѣйше прошу оный судъ вызвать урядника Т. съ женою и допросить его, за что онъ меня такъ обижалъ и сдѣлалъ денной грабежъ: вырвалъ у меня топоръ и унесъ къ себѣ въ домъ; а мнѣ прошу приказать за мою обиду удовлетворить 25 р. сер. и еще прошу приказать возвратить мой топоръ заразъ же, ибо я живу за родителями—чего мнѣ приказано, то я

обязанъ исполнять, и прошу вызвать моихъ свидѣтелей казачекъ Н. и М. Къ сему объявленію казакъ К.

Весьма нерѣдко въ одномъ и томъ же объявленіи соединяются разнообразныя требованія, изъ коихъ одно относится къ уголовнымъ наказаніямъ, а другое ко взысканіямъ гражданскимъ.

Жалобы эти подаются въ станичное правленіе, гдѣ ихъ принимаетъ либо дежурный судья, либо писарь, дѣлая сверху отмѣтку, какого числа жалоба поступила. Иногда жалобы приносятся въ курень одного изъ судей, который либо принимаетъ жалобу, либо отсылаетъ въ станицу. Послѣднее обыкновенно дѣлается казаками, живущими въ одномъ съ судьей хуторѣ. Нерѣдко жалобы подаются станичному атаману, который обыкновенно передаетъ ихъ судьямъ.

Получивъ жалобу или объявленіе, судъ дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ тяжущихся и свидѣтелей. Вызовъ дѣлается посредствомъ повѣстокъ, которыя на хутора посылаются съ нарочнымъ изъ станичнаго правленія къ поселковому атаману, а онъ уже разноситъ ихъ къ вызываемымъ лицамъ. Въ другихъ мѣстахъ поселковый атаманъ на словахъ говоритъ, кому явиться.

Вызовъ тяжущихся и свидѣтелей.

Случается, что на судъ является, вмѣсто отвѣтчика, отецъ его или даже дядя, если онъ живетъ вмѣстѣ съ нимъ. При разборѣ дѣла, въ которомъ участвуютъ выростки, часто, вмѣсто послѣднихъ, на судѣ говорятъ ихъ родители. „Прежде, говорили казаки, часто являлись на судъ и сторонніе по довѣренности, но нынѣ они устраняются“ (провѣрить не могъ). Иногда жалуются всей семьей, особенно въ дѣлахъ о раздѣлахъ и наслѣдствѣ: „тутъ такая брань идетъ, такой шумъ, что и сказать невозможно; и жены приходятъ на судъ, а женщины между собой гораздо болѣе ругаются, чѣмъ казаки; иной разъ старшему то и слова вымолвить не дадутъ: либо сынъ, либо братъ, а то и жена всѣмъ дѣломъ управляетъ, кто посмѣлѣе да подрачливѣе“.

Неявка истца обыкновенно служитъ доказатель-

Неявка.

ствомъ, что онъ прекращаетъ свой искъ. Но иногда первая неявка истца влечетъ за собою откладывание дѣла до слѣдующаго засѣданія, а въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что „иной разъ посылають, посылають судьи объявленія то, а они, глядишь, давно ужъ помирились и ходять себѣ обнявшись другъ съ другомъ“... Неявка отвѣтчика, случающаяся сплошь и рядомъ, влечетъ за собою штрафъ для послѣдняго и отсрочку дѣла до слѣдующаго засѣданія. Но часто, даже въ случаѣ неявки отвѣтчика, явившіеся свидѣтели допрашиваются судьями и освобождаются отъ своихъ обязанностей. Но это, сколько мнѣ извѣстно, принято не вездѣ. Неявка свидѣтелей имѣетъ тѣ же послѣдствія, какъ и неявка отвѣтчика. Въ свидѣтели, вообще говоря, казаки идутъ неохотно, частью „по причинѣ дальняго разстоянія“, частью потому, что „черезъ это можно нажать себѣ врага“. Поэтому и неявка свидѣтелей, какъ и неявка отвѣтчика, встрѣчается весьма нерѣдко. Пользуясь слабостью станичной, хуторской полицейской власти, казаки часто и послѣ семи повѣстоковъ не являются на судъ. Штрафы хотя и налагаются, но взыскиваются туго. Если неявившійся живетъ въ той же станицѣ или не такъ далеко, то на судъ его приводятъ силой черезъ есаульца и помощника атамана. Иногда выведенные изъ терпѣнья судьи, послѣ многократныхъ повѣстоковъ, постановляютъ наконецъ заочное рѣшеніе, но пользы обыкновенно въ этомъ мало, ибо казаки хорошо знаютъ, что такого рода дѣйствіе судей служитъ однимъ изъ поводовъ къ кассациі ихъ рѣшенія въ сѣздѣ мировыхъ судей. Что касается вознагражденія свидѣтелей, то, насколько мнѣ извѣстно, оно имъ не полагается, но обыкновенно каждая изъ сторонъ угощаетъ своихъ свидѣтелей.

Отводъ.

Отводъ судей допускается. Онъ совершается по желанію одной изъ сторонъ. Поводы къ отводамъ судей мнѣ извѣстны слѣдующіе: родство, какъ кровное, такъ и свойство, такъ и кумовство, дружба, заявленіе одной изъ сторонъ, что такой-то судья находится съ нимъ во враж-

дѣ. Отведеннаго судью замѣщаетъ запасный. Объ отводѣ свидѣтелей у меня точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Судебныя разбирательства происходятъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Судьи садятся за столъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предварительно сотворивъ крестное знаменіе и сказавъ „благослови Господи“) и вызываютъ истца, отвѣтчика и свидѣтелей. Если всѣ на лицо, то писарь или одинъ изъ судей читаетъ жалобу, затѣмъ спрашиваетъ отвѣтчика, что онъ можетъ сказать по поводу обвиненія. Отвѣтчикъ, съ трудомъ дослушавши спокойно жалобу до конца, начинаетъ говорить съ живостью свое оправданіе и излагать обстоятельства дѣла по своему. Рѣчь его перебивается замѣтками, вскриками и возраженіями противника. Стороны вступаютъ въ пренія другъ съ другомъ. Ихъ перебиваютъ судьи, которые также говорятъ въ перемежку, не выжидая другъ друга. Наконецъ въ спорѣ принимаютъ участія всѣ собравшіеся зрители. Слѣдствіемъ всего этого получается страшный шумъ и кажущійся безпорядокъ. „Особенно съ бабами чистое горе судиться: крику столько, что въ ушахъ зазвенитъ“. Тутъ же представляются различныя судебныя доказательства, допрашиваютъ свидѣтелей и т. д. Все это происходитъ безъ всякаго особенно опредѣленнаго порядка.

Разбирательство.

Наконецъ судьи спрашиваютъ не желаютъ ли спорящіе помириться. Въ нѣкоторыхъ ст. судахъ это приглашеніе къ миру дѣлалось какъ то вскользь, какъ бы только ради соблюденія формальности. За то въ другихъ мѣстностяхъ судьи старались помирить во что бы то ни стало; они употребляли при этомъ все свое краснорѣчіе, горячились, вскакивали съ мѣста, употребляли въ ходъ ласкательныя и укорительныя слова и, въ случаѣ неуспѣха, съ досады плевали въ сторону, говоря: „тьфу, чтобъ тебя... ишь ты какой горделивый“ и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ судьи, выйдя изъ за стола и подойдя къ несговорчивому, ласкаютъ его, треплютъ по плечу, склоняя на миръ. Иной разъ

Склоненіе на миръ.

судьи, послѣ продолжительныхъ и неуспѣшныхъ стараній помирить стороны отсылаютъ ихъ изъ судейской комнаты, говоря: „ступайте туда, поговорите между собой на волѣ—можегъ и сойдетесь на чемъ“. Примиреніе допускается по всѣмъ дѣламъ. Особенно часто оно бываетъ въ дѣлахъ о дракѣ, объ оскорбленіи дѣйствіемъ, такъ какъ это случается обыкновенно въ пьяномъ видѣ, въ семейныхъ ссорахъ, спорахъ между супругами и т. п. Въ нѣкоторыхъ ст. сообщали, что большинство дѣлъ кончается миромъ. „Мы, говорили казаки, народъ не злобивый: гнѣвъ прошелъ мы и на миръ охотно идемъ и это хорошо, потому мы развязываемъ на землѣ и сами будемъ развязаны на небѣ—такъ по закону Божию“. Когда рѣшать кончить дѣло миромъ, то обидчикъ обыкновенно говорить: „ну, прости меня“, и кланяется ему въ ноги здѣсь же передъ судьями; потомъ и истецъ кланяется ему въ ноги же. Затѣмъ благодарятъ оба судей и по окончаніи засѣданія пьютъ вмѣстѣ съ послѣдними могоарычъ. Водка при этомъ обыкновенно общая („съ носа“) истца и отвѣтчика. Но иногда при заключеніи самой мировой сдѣлки договариваются (на словахъ) чье должно быть угощеніе. Покончивъ дѣло миромъ, ст. судъ заставляетъ либо истца дѣлать надпись на оборотной сторонѣ „объявленія“: „помирился де такой-то, съ такимъ-то, на томъ то“ или „съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ то-то“. Затѣмъ такое объявленіе поступаетъ на храненіе въ станичный архивъ. Или же писарь записываетъ въ книгу все дѣло, прибавляя въ концѣ: „кончено миромъ“, „добровольно помирились на томъ-то“, „помирились по христіанскому долгу“. Не рѣдко стороны заключаютъ между собой отдѣльную „мировую сказку“ или „мировую сдѣлку“, которая подписывается обѣими сторонами и судьями и поступаетъ на храненіе при станичномъ правленіи. Иногда мировая сказка составляется уже послѣ постановленія приговора судомъ. При этомъ условіе, на которомъ она заключается не рѣдко противорѣчитъ рѣшенію судей. Вотъ примѣръ мировыхъ сказокъ:

Мировая
сдѣлка.

1.

Мировая сказка.

1877 года, генваря 8-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Алексѣевской станицы вдова казачья жена А. Ч. и казакъ П. Г. написали сіе въ слѣдующемъ: по иску, вчтому первою изъ насъ въ Алексѣевскомъ станичномъ судѣ въ 11 день декабра прошлаго 1876 года съ Г. о взятой у меня самовольно съ чумна соломы одинъ возъ и изъ стога сѣна одинъ возъ — и хотя рѣшеніемъ Алексѣевского станичнаго суда присуждено въ удовлетвореніе меня 4 рубли; но мы, поговоривъ между собою по доброй совѣсти, я нынѣ приговоренные въ удовлетвореніе меня 4 руб. съ Г. получать не желаю и богѣ искать нигдѣ не буду. А также и я, Г., оставаясь недовольнымъ рѣшеніемъ Алексѣевского станичнаго суда за № 110-мъ по сему дѣлу, переносить дѣло на апелляцію оставляю навсегда, согласно миролюбивой между нами съ тещею А. Ч. сдѣлки; въ томъ и удостовѣряемъ сіе нашимъ подписомъ. Къ сей сказкѣ вдова казачья жена А. Ч., а за неграмотную съ рукоданія подписалъ казакъ Е. П.; казакъ П. Г. своеручно.

При написаніи сей сказки находились и во свидѣтельство подписались: судья Алексѣевскаго станичнаго суда урядникъ Д. С., а за неграмотнаго съ личной просьбы и за себя подписалъ урядникъ А. П.

2.

1881 года, ноября 28-го. Чернышевскій станичный судъ, хутора Трухина урядникъ И. А. и казачка В. Е., по предложенію станичнаго суда, заключили между собою мировую сдѣлку эту въ томъ, что Е. за оскорбленіе жены А. обязывается по первому требованію отработать ему что нибудь на одинъ руб., если-же того не выполнить, то должна уплатить неустойку два руб., и деньги эти станичный атаманъ долженъ выручить посредствомъ продажи чего либо изъ нераздѣльнаго съ мужемъ ея имущества.

3.

1871 года, декабра 6-го дня. Чернышевскій станичный судъ слушалъ мировую сдѣлку слѣдующаго содержанія. Мы, нижеподписавшіеся, Чернышевской станицы казакъ Е. А. Л. и казачья жена А. И. Л. въ томъ, что мы по раскольнической сектѣ сошлись и жили вмѣстѣ семь лѣтъ, потомъ изъ насъ А. И. оставила расколъ, поступила въ православную вѣру, а Е. Л. остался въ расколѣ. Затѣмъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, я А. бракомъ сочеталась съ православнымъ казакомъ Т. М. Л. въ православной церкви. Оставшюся у меня, принадлежащую Е. Л., корову я продала

за 10 руб. сер. Я, Л., получивъ означенные *десять* р. сер, остался доволенъ и больше претензіи никакой не имѣю за имущество какъ къ А., такъ и къ матери ея. Просимъ Чернышевскій станичный судъ принять и записать въ книгу и возратить оную изъ насъ казачьей женѣ А. Л. Постановлено: по записаніи сей мировой сдѣлки въ книгу, судъ признаетъ споръ Л. съ Л. и за имущество прекращеннымъ. Въ дѣла, касающіяся до христіанской религіи и раскола, не виѣшиваться, о чемъ имъ и объявить, съ возвращеніемъ сей мировой сдѣлки Л.

4.

Мировая сдѣлка.

1882 года, іюля 25-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Тепикинской станицы казакъ Г. П. и Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, Колтовской волости, крестьянинъ Я. А. Т. написали настоящую мировую сдѣлку въ нижеслѣдующемъ: по заведенному нашему дѣлу въ Тепикинскомъ ст. судѣ *о порчѣ овчинъ*, мы съ обоюднаго нашего согласія добровольно помирились, съ тѣмъ, чтобы по суду и безъ суда одинъ отъ другаго искать ничего не будемъ, въ чемъ и подписуемся; мировую же эту сдѣлку поручаемъ на всегдашнее храненіе Тепикинскому станичному суду, а также и рѣшеніе онаго суда, состоявшееся 20-го ноября 1881 года, № 20, опровергаемъ безъ послѣдствія, въ чемъ и подписуемся казакъ Г. П. и крестьянинъ Я. Т.

Засвидѣтельствовали станичные судьи казакъ А. Неушнинъ, С. Червоновъ, а за нихъ и за себя, съ приложеніемъ судейской печати, подписался урядникъ А. Боковъ.

5.

1878 года, января 23-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Области Войска Донскаго, Етеревской станицы казаки: Н. Ф. и П. А. написали сію мировую въ томъ, что по заведенному нами дѣлу въ Етеревскомъ станичномъ судѣ о искѣ А. съ Ф. имѣнія своего, Ф. отдаетъ ему пару быковъ, одну корову съ телкомъ, съ лѣтошнимъ, пять овецъ-матокъ и пять молодыхъ, а всѣхъ 10 и еще пять будущихъ предъидущую весною (?) ягнать, коня съ сѣдломъ, шинель сапоги, шапку, бапшыкъ.

Судебныя доказательства.

Если тяжущихся помирить не удастся, то судьи не рѣдко еще разъ переспрашиваютъ и истца, и отвѣтника, и свидѣтелей, а также тщательно обсуждаютъ всѣ прочія судебныя доказательства, прежде чѣмъ постановить окончательное рѣшеніе.

Что касается судебныхъ доказательствъ, то во первыхъ собственное признаніе имѣеть доказательную силу. Обыкновенно сами судьи приглашаютъ обвиняемаго сознаться. Искреннее и чистосердечное признаніе служить не рѣдко поводомъ къ смягченію наказанія. Часто обвиняемые пользуются этимъ, чтобы „обвести“ судей. Удастся это однако не всегда, ибо судьи обыкновенно „видятъ человѣка“, знаютъ его прежнюю жизнь, а потому не легко поддаются обману. Я помню, какъ въ Верхнекурморскомъ ст. судѣ одинъ мельникъ изъ иногородныхъ, обвинявшійся въ нанесеніи побоевъ казаку, съ видимымъ смиреніемъ раскаивался въ своей винѣ и указывалъ лишь на то, что въ пьяномъ видѣ онъ ничего не помнилъ, но не расположилъ этимъ судей, которые знали его вообще за человѣка дурнаго.

Признаніе.

Чтобы сами судьи прибѣгали къ насильственнымъ дѣйствіямъ, ради вынужденія признанія у обвиняемаго, я не слыхалъ; за то въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ сообщали, что сами станичники, заподозрѣвъ казака въ кражѣ и т. п., зазываютъ въ кабакъ или къ себѣ въ гости и тутъ начинаютъ его бить, пока онъ не признается. Тогда они сами идутъ въ судъ и объявляютъ, что слышали отъ него самого признаніе, или же заставляютъ его самого идти къ судьямъ съ признаніемъ.

Свидѣтельскія показанія играютъ на ст. судѣ весьма важную роль. Свидѣтелями бываютъ лица обоего пола, какъ посторонніе, такъ и родственники. Такъ напр. принимаютъ свидѣтельскія показанія отца за и противъ дѣтей (мнѣ извѣстны такіа случаи), братьевъ, супруговъ и, наоборотъ, дозволяется дѣтямъ свидѣтельствовать за и противъ родителей. Самъ я присутствовалъ при допросѣ одного сына въ дѣлѣ по обвиненію матери его въ нанесеніи сосѣдкѣ побоевъ (въ Верхнекурморской ст.). Точно также допускаются къ свидѣтельству и малыя дѣти. Такъ въ ст. Аннинской при мнѣ станич. судьи допытывали 7-лѣтнюю дочь

Свидѣтели.

отвѣтчицы. Вообще говоря, судьи, повидимому, не столько смотрятъ на степень близости свидѣтеля къ одной изъ сторонъ, сколько на способъ самой дачи показаній. Судьи во время разсказа свидѣтеля внимательно прислушиваются къ его рѣчи, къ интонаціи голоса и всматриваются въ выраженіе его лица, чтобы на основаніи всѣхъ этихъ наблюденій сдѣлать свое заключеніе о степени достовѣрности показанія. Огромное вліяніе въ этомъ дѣлѣ играетъ и самая личность свидѣтеля: лицамъ уважаемымъ и хорошаго поведенія судьи оказываютъ больше довѣрія. Что касается числа свидѣтелей, то я получалъ отъ казаковъ обыкновенно такой отвѣтъ: „если одинъ свидѣтель, то и того слушаютъ“. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнѣ говорили, что свидѣтелей нужно представить не менѣе двухъ. Свидѣтели обыкновенно находятся въ той же комнатѣ, гдѣ происходитъ разбирательство дѣла, принимая дѣятельное участіе въ процессѣ, но въ нѣкоторыхъ станицахъ (при мнѣ по крайней мѣрѣ) ихъ не впускали въ „камеру“ ранѣе допроса и вызывали каждаго отдѣльно. При дачѣ своихъ показаній, свидѣтели не ограничиваются объективнымъ изложеніемъ видѣннаго или слышаннаго; они присовокупляютъ и свои личныя замѣчанія и ярко высказываютъ свое собственное отношеніе къ дѣлу.

Улики, слѣды
и проч.

Въ качествѣ доказательствъ и уликъ играютъ и на ст. судѣ роль разныя орудія (ломъ, заступъ, гвоздь и пр.), посредствомъ которыхъ совершено правонарушеніе; вещи, принадлежащія обвиняемому и забытыя имъ на мѣстѣ; клочки вырванной бороды во время драки, часто пришиваемые въ качествѣ доказательствъ къ письменной жалобѣ; синяки, царапины, раны и т. п.

Воровъ въ обычаѣ отыскивать по оставленнымъ слѣдамъ. Обыкновенно смотрятъ, „куда слѣдъ ведетъ“ и по немъ узнаютъ, куда скрылся воръ или откуда онъ пришелъ. Такъ въ нѣкоторыхъ низовыхъ станицахъ въ случаѣ крупной покражи скота посылаютъ нѣсколько казаковъ верхомъ въ степь для отыскиванія слѣда. — Оставленный

воромъ слѣдъ сличаютъ со слѣдомъ подозрѣваемыхъ лицъ. Такъ въ Ярыженской ст. случилась покража барана. Немедленно же были посланы есаулецъ и помощникъ атамана, чтобы снять мѣрку со слѣдовъ, которые оставилъ воръ на снѣгу: „измѣряли веревочкой изъ конопля, какъ чеботари“. Потомъ у всѣхъ заподозрѣнныхъ мѣрили точно также подошвы, пока „мѣрка не пришлась аккуратно по сапогу одного станичника“, котораго и обвинили въ воровствѣ. При сличеніи слѣдовъ принимаютъ во вниманіе и то, что оставшійся слѣдъ иногда бываетъ больше подошвы сапога вора, напр. когда земля влажная отъ дождей, почему и „грязь раздается“.

Если казакъ заподозритъ другаго въ кражѣ сѣна, то просить судъ „сличить“ свое сѣно съ сѣномъ заподозрѣннаго въ кражѣ. Свое сѣно хозяинъ узнаетъ по особенностямъ входящихъ въ оное травъ и по цвѣту. „Сѣно на сѣно не приходится — говорили казаки — то есть сѣно аржанецъ, а то ядреное, а то чернобыли много или донника... все ужъ есть отличеніе какое нибудь; бываетъ и такъ — у одного хозяина сѣно подъ дождь попадетъ и почернѣетъ“. Подобныя же „слички“ дѣлаются также и при кражѣ хлѣба. Снопъ двухъ хозяевъ различаются, смотря по тому, „какъ скручено связло“, „гдѣ завязка“: „одинъ перевязываетъ снопы ближе къ головѣ, другой дальше; одинъ подтыкаетъ связло справа, другой слѣва“. Если хлѣбъ „въ зернѣ“ украденъ, то различаютъ, смотря по тому, у кого больше куколя, сорной травы и т. п. При кражѣ камыша также сличаютъ по способу связки. Подобно сказанному поступаютъ и въ случаѣ покражи птицъ. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ рассказывалъ одинъ казакъ слѣдующее: „Вотъ у меня пропали гуси. Когда прошла зима, они опять пришли ко мнѣ гнѣздо вить. Сосѣди отлично знали моихъ гусей: они такіе бѣлые были. Не долго дожидались мы: пришелъ казакъ съ хутора ко мнѣ и требуетъ своихъ гусей. Ну, сейчасъ и догадались мы, что это онъ уворовалъ то. Сосѣди заступились за меня. Такъ

Экспертиза.

онъ и ушелъ, ничего не получилъ. А я уже въ судъ жаловаться не пожелалъ“. Ружья осматриваютъ, чтобы заключить, какъ давно былъ изъ нихъ сдѣланъ выстрѣлъ.

Клейма.

Мѣты и тавры также принимаются въ качествѣ доказательства. Въ книгахъ станичныхъ судовъ часто встрѣчаются рѣшенія споровъ въ пользу доказывавшаго свое право на спорную вещь, основываясь на клеймѣ. Какъ доказательство принимаются и „скрытыя мѣты“. Такъ въ Евтеревской станицѣ былъ случай покражи плуга. Воръ утверждалъ, что купилъ плугъ на ярмаркѣ въ чужой ст. и отъ чужаго коваля. Тогда истецъ попросилъ судъ позвать коваля, жившаго въ Евтеревской станицѣ. Приведенный на засѣданіе коваль узналъ плугъ, который былъ изготовленъ имъ и въ доказательство принадлежности его истцу, показалъ секретную мѣту „подъ ухомъ“ у плуга, незамѣченную воровъ.

Жеребни.

„Жеребки“ („жеребочки“) служатъ доказательствомъ въ спорахъ съ овчинниками, въ случаѣ утраты послѣдними овчины. Въ подобныхъ дѣлахъ жеребки служатъ иногда единственнымъ доказательствомъ. Но такъ какъ овчинникъ можетъ привѣсить тотъ же жеребокъ къ овчинѣ болѣе плохаго сорта, то казаки дѣлаютъ на своихъ овчинахъ еще свои собственныя примѣты (см. выше).

Письменные документы.

Письменные документы также играютъ весьма важную роль въ качествѣ доказательствъ при ст. судѣ. Сюда относятся условія при усыновленіи, принятіи въ зятя, раздѣльные акты, духовныя завѣщанія, условія при мѣнѣ, куплѣ-продажѣ, наймѣ, векселя, росписки, мировыя сказки и проч. Обыкновенно всѣ эти акты свидѣтельствуются въ станичномъ правленіи и записываются въ книгу. Но сплошь и рядомъ этого не дѣлается. Въ нѣкоторыхъ ст. судахъ (не подъ вліяніемъ ли ст. писарей?) доказательную силу имѣютъ лишь тѣ письменные документы, которые засвидѣтельствованы указаннымъ способомъ. За то въ другихъ росписки и пр. документы принимаются, какъ доказательство, и не будучи

засвидѣтельствованы въ станичномъ правленіи. При этомъ, въ случаѣ спора о подлинности, сличаются почерки. Принимаются ли акты, имѣющіе вмѣсто подписи кресты или иные знаки мѣ въ точности неизвѣстно. Мнѣ приходилось видѣть акты, либо засвидѣствованные собственноручной подписью совершавшихъ ихъ, либо за неграмотностью ихъ скрѣпленные подписью сторонняго лица, „по рукоданной ихъ просьбѣ“. Вообще говоря, письменные акты нынѣ все болѣе входятъ въ употребленіе среди казаковъ: „народъ нынѣ сталъ плохой вѣрить, нельзя на слово, какъ прежде бывало“, говорили казаки.

Символическія дѣйствія, сопровождающія за-
ключеніе различныхъ сдѣлокъ и договоровъ (напр. брач-
наго договора, купли и продажи, найма и т. п.), а также
могарычи, приводятся въ видѣ доказательствъ на ст.
судѣ. Такъ въ одинъ ст. судѣ казакъ подалъ жалобу на
отказъ другаго выдать свою дочь за его сына, послѣ
того какъ они, „по христіанскому долгу зажгли свѣцу,
помолились Богу и за доброе слово выпили водки; по-
томъ свели жениха съ невѣстой, и они другъ друга по-
дарили; и собрали родство невѣсты и начали продолжать
гульбу; по окончаніи оной назначили день выдачи не-
вѣсты“ и т. п.

Символическія
дѣйствія.

Давность земская, повидимому, хорошо знакома
станичнымъ судамъ: я встрѣчалъ указанія на нее въ кни-
гахъ ст. судовъ самыхъ противоположныхъ мѣст-
ностей.

Давность.

О давности исковой у меня нѣтъ точныхъ свѣ-
дѣній. Въ Пятиизбянскомъ ст. судѣ одна племянница
искала съ дяди 15 рубл. на свою часть, доставшуюся
ей при семейномъ раздѣлѣ. Но такъ какъ со времени
раздѣла прошло уже 14 лѣтъ, то судѣ присудилъ ей
лишь 5 руб. сер.

Не нашедши достаточными предъявленные доказатель-
ства, ст. судьи производятъ осмотръ на мѣстѣ. Спор-
ный предметъ поручаютъ нерѣдко на сбереженіе одному

Осмотръ на
мѣстѣ.

изъ тяжущихся. Такъ напр., въ дѣлахъ о самовольномъ засѣвѣ чужаго загона, поручается одной изъ сторонъ снять хлѣбъ съ корня, „чтобы не пропалъ“, но не раскодовать до рѣшенія спора.

Обыскъ.

По предложенію обиженнаго или же по собственной инициативѣ ст. правителей, для отысканія украденной вещи, производится обыскъ по дворамъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки сообщали, что домовые обыски бываютъ чрезвычайно рѣдко, такъ какъ въ виду той медленности, съ которой они организуются, они теряютъ свое значеніе: „нужно сначала подать жалобу и просьбу объ обыскѣ; пока-то соберутся, а воръ-то, глядишь, ужъ узналъ да и припряталъ покраденое-то“. Но въ иныхъ станицахъ подобные обыски производятся чаще. Обыскъ производится обыкновенно есаульцемъ или помощникомъ ст. атамана или хutorскимъ атаманомъ со „стариками“. Въ хуторахъ нерѣдко обыскиваютъ всѣхъ поголовно, „чтобы никому обидно не было“. При этомъ людей завѣдомо честныхъ и уважаемыхъ просятъ извинить „за беспокойство“ и обыскиваютъ ихъ поверхностно „только для виду“. Иной разъ такіе лучшіе казаки сами настаиваютъ на производствѣ обыска и приглашаютъ атамана начать обыскъ съ нихъ. Но въ иныхъ мѣстностяхъ обыскиваютъ лишь заподозрѣнныхъ въ кражѣ. Случается, что казакъ соглашается подвергнуться обыску лишь подъ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ, если не найдутъ у него искомыя вещи, то заплатили бы ему деньгами „за безчестье“ (25—100 р. с.). Но подобныхъ „горделивыхъ“ людей уговариваютъ, пока не склонятъ впустить съ обыскомъ безъ всякаго залога (зап. въ Евтеревск. ст.).

Бездоказательное обвиненіе само по себѣ обыкновенно не влечетъ еще отказа въ искѣ. Судьи стараются уличить отвѣтчика „окольнымъ путемъ“: поймать его на словѣ, сбить его, подмѣтить противорѣчія въ его отвѣтахъ; „справляются, гдѣ былъ онъ“ во время совершенія правонарушенія, „перевертываютъ свои вопросы“ и т. п. и наконецъ рѣшаютъ, по личному „своему убѣжденію“, „по голосу совѣсти“, „глядя по человѣку“.

„Божба мало вѣрятъ судьи“, говорили мнѣ казаки. Обыкновеніе божиться столь распространено на Дону, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, что оно окончательно утратило свое значеніе въ глазахъ ст. судей; божбу „пропускаютъ мимо ушей“. Но казаки дѣлаютъ вообще различіе между клятвами малыми и „тяжкими“. „Ей Богу!“ считается равнозначущимъ простому „да“. Кромѣ этого, мнѣ доводилось слышать отъ казаковъ слѣдующія клятвы: „чтобъ я съ этого мѣста не всталъ“, „чтобъ изъ этого мѣста не вышелъ“, „дай же мнѣ Богъ съ мѣста не сойти“, „лопни утроба“, „чтобъ я лопнулъ“, „полопайся мои глаза“, „на себѣ креста не видать“, „чтобы мнѣ разговѣться Богъ не привелъ (если клянутся постомъ)“, „чтобы праздника святаго не дожидаться“, „чтобы кускомъ подавиться“ и т. п.; или же такъ: сказавъ, „какъ Богъ видитъ“, наклоняются и дѣлаютъ движеніе рукой, какъ будто поднимаютъ горсть земли и подносятъ ее ко рту, чтобы съѣсть. Всѣмъ подобнымъ клятвамъ мало вѣрятъ. Но есть, по словамъ казаковъ, страшная клятва — клятва своими дѣтьми. Произносящій клятву говорить примѣрно такъ: „вотъ у меня трое дѣтей — не дай же Богъ мнѣ ихъ съ вечера увидѣть“. Если человѣкъ ужъ началъ такимъ образомъ клясться, то и судьи вѣрятъ ему (зап. въ Евтеревской ст.).

Присяга въ формѣ церковной, т. е. посредствомъ цѣлованія креста и Евангелія на ст. судахъ, сколько мнѣ извѣстно, не употребляется. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки выражали желаніе, чтобы она была введена, потому что „такой присягѣ вѣрить можно“. Но среди донскихъ казаковъ извѣстна присяга посредствомъ цѣлованія дула заряженнаго ружья, снятія со стѣны иконы и тому под.

Чудесные способы доказательствъ.

Г. Матвѣевъ въ своей „Программѣ“ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: „своеобразностью доказательствъ отличаются станичныя суды Войска Донскаго: цѣловать дуло заряженнаго ружья“ и пр. („Слово“ 1879 г. іюль „Программа“ вопр. 25). Изъ смысла словъ г. Тимо-

ценкова можно также заключить, что только что упомянутые способы „чудесных“ доказательств употребительны въ станичномъ судѣ Казанской ст. (Тр. О. В. Д. ст. ком. Новочерк. 1874, с. 160). Но во всѣхъ станицахъ, посѣщенныхъ мною, казаки заявляли, что эти способы доказательства на судахъ станичныхъ не допускаются, а употребляются они на судахъ и разбирательствахъ не официальныхъ, напр. на судѣ стариковъ — сосѣдей и т. п.

Присяга на
ружницѣ.

„Присяга на ружницѣ“ употребительна во многихъ станицахъ. Если въ домѣ пропала вещь, то приводятъ всѣхъ къ присягѣ на ружьѣ. Для этого ружье заряжаютъ, кладутъ на столъ со взведеннымъ куркомъ, а рядомъ съ нимъ ставятъ икону. Всѣ подходятъ поочереди, клянутся, что вещь не ими украдена, и прикладываются къ образу и къ дулу ружья. Кто присягнетъ ложно, того ружье должно „поразить на смерть“.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ къ этой присягѣ относятся съ большою вѣрой, и воръ, приведенный къ ружью предпочитаетъ сознаться въ своей винѣ. Такъ напр. въ окрестностяхъ Луганской ст. рассказываютъ слѣдующій случай. У одной казачки пропало монисто; она привела всѣхъ къ присягѣ на ружницѣ, но никто не сознался, и воръ остался не обнаруженнымъ. Въ это время мимо проходила сосѣдская корова. Ружье вдругъ выпало и убило корову на поваль. Въ желудкѣ ея и нашли монисто. Корова проглотила его въ то время, когда хозяйка, оставивъ его на крыльцѣ, уходила за чѣмъ то въ курень. „Такъ проявилъ себя праведный судья—Богъ“. Здѣсь очень боятся этой присяги, а потому до нея дѣло доходить рѣдко. Въ случаѣ пропажи вещи казаки лишь заявляютъ, что завтра будутъ всѣхъ къ присягѣ приводить, и въ ночь украденная вещь подкидывается обратно (сообщ. Влад. Петр. Юшневскимъ). Но въ другихъ мѣстностяхъ присягѣ на ружьѣ нынѣ не вѣрятъ и даже смѣются надъ ней: „нынѣ народъ-то ужъ больно хитеръ сталъ, ничѣмъ ты его не испугаешь“. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ раз-

сказывали казаки, что цѣловать заряженное ружье со взведеннымъ куркомъ заставляютъ только подозрѣваемыхъ въ кражѣ иногороднихъ, которые еще въ новѣи съ мѣстнымъ бытомъ знакомы мало: „скажутъ русаку—вотъ, мошь, какой у насъ на Дону обрядъ есть,—приложись ка къ ружью-то, а онъ помнется, помнется, да и признается въ воровствѣ, а ружье то въ иной разъ и не заряжено“.

Точно такъ же употребительно снятіе со стѣны Снятие иконы. иконы и цѣлованіе ея, какъ средство доказать свою невинность. Вотъ что по этому поводу мнѣ рассказывалъ „полицейскій“ (эсаулецъ) въ ст. Евте-ревской, „Разъ обокрали казаки одного русскаго до чиста: у него всего то и было только 13 рубл. 50 коп. Онъ пришелъ ко мнѣ, жалуется и называетъ казаковъ, а тѣ отпираются. Призвалъ я ихъ всѣхъ и говорю сидѣльцу: „снимай-ка икону со стѣны“. Снялъ. „Окропи, говорю, водой“!... „Ну, говорю, Николай (русскому-то), прикладывайся къ иконѣ“. Тотъ началъ божиться и клясться, что говоритъ правду, и поцѣловалъ икону. „Ну, говорю одному казаку, теперь прикладывайся и ты“. А онъ прикладывается да и говоритъ: „Господи, прости меня грѣш-наго“. А я ему: „нѣтъ, говорю, клянись такъ, какъ Николай клялся“. Онъ сталъ мяться. А жена его — стояла сзади—и говоритъ: „нѣтъ ужъ мы лучше, Никитычъ, не будемъ божиться — деньги то вѣдь у насъ тутъ въ карманѣ“. А онъ ей: „гдѣ жъ они у насъ-то?! у насъ всего три съ полтиной, а остальное у Васиція“. Ну этакъ и вышло все наружу. Даже самъ мировой судья смѣялся, когда я ему докладывалъ объ этомъ“.

Въ спорахъ о границахъ, особенно въ былое время, рѣшали дѣло (какъ уже было помянуто) тѣмъ, что поручали кому нибудь изъ стариковъ съ иконой въ рукахъ пройти тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, должна была проходить старая межа: какъ онъ опредѣлялъ границу „тому и вѣрили“. Это называлась въ старину „общая правда“.

„Общая
правда“.

Иногда для обнаруженія преступленія прибѣгаютъ къ

разнымъ хитростямъ. Вотъ что напр. рассказывалъ мнѣ урядникъ Кательниковъ въ Верхнекурморской ст. Одинъ изъ выростковъ, отбывавшихъ почтовую повинность натурой (въ прежнее время) пожаловался смотрителю почтовой станціи, что у него пропало 30 рубл., которые онъ получилъ отъ матери на хозяйственные закупки. Старикъ сталъ уговаривать вора, который несомнѣнно долженъ былъ быть одинъ изъ выростковъ, находившихся на станціи, подкинуть деньги въ тихомолку обратно, въ противномъ случаѣ же грозилъ самъ дознаться и наказать вора. Въ теченіи дня деньги не были подкинуты. Когда всѣ собрались ужинать, старикъ сказалъ, что если утромъ деньги не будутъ найдены, то онъ примется серьезно разыскивать вора: „меня есть такое средство для того“; „а теперь вотъ что: становитесь въ кругъ“. Всѣ встали. Онъ прочелъ торжественно молитву и распустилъ ихъ спать, строго наказавъ, чтобы они утромъ безъ его вѣдома не умывались. На утро денегъ однако не подкинули. Старикъ повелъ каждаго выростка отдѣльно къ колодцу умываться; здѣсь онъ напередъ прочитывалъ какую-то молитву, а потомъ воду подавалъ выростку самъ. Потомъ взялъ новыя возжи. „Ну, говоритъ, время еще не прошло: сказывай, кто взялъ деньги“. Всѣ молчали. „Ну, коли такъ, сказалъ старикъ, хватайтесь за возжи и конайтесь: воръ долженъ выйдти послѣднимъ; тогда ужъ, прошу не гнѣваться—буду бить безъ милости“. Выростки схватились за возжи. Старикъ спросилъ: „всѣ ли взяли?“—Всѣ—„А воръ взялся?“—Взялся, отвѣтилъ одинъ выростокъ и былъ такимъ образомъ пойманъ.

Употребляли въ прежнее время еще слѣдующій способъ для отысканія вора. Нарѣзавъ изъ дерева маленькихъ палочекъ, пошептавъ надъ ними, раздавали ихъ всѣмъ заподозрѣннымъ въ воровствѣ, для того, чтобы они подержали ихъ нѣкоторое время во рту, увѣряя при этомъ, что у вора палочка должна вырости. Вѣря этому, воръ откусывалъ кусочекъ палочки и былъ такимъ образомъ

Уловки при
обнаруживаніи
виновнаго.

открываемъ. „Но теперь ужъ не тотъ народъ сталъ: его не легко этими фокусами обманешь“.

Если виновный не отыскивается, то служатъ молебны Ивану Воину и ставятъ свѣчу „на вынтурь“, „вверхъ ногами“ для того, „чтобы и преступника также перевернуло“ (зап. въ Гниловской, Евтеревской и др. ст.) или „чтобъ загорѣлась совѣсть у преступника“ (труды этногр. отд. Императ. Общ. люб. естествозн. М. 1874 г., кн. 3, вып. 1, стр. 80). „Если преступникъ совсѣмъ неизвѣстенъ, рассказываетъ г. Тимощенко, то въ наказаніе ему или на погибель его ставятъ обидящую свѣчу. Это обыкновенная свѣча, но только ставимая комлемъ вверхъ. Стараются не ругать и не проклинать укравнаго, но желаютъ ему добра и здравія, даже служатъ молебны за здоровье его. Въ такомъ случаѣ его непременно начнутъ мутить совѣсть“ (Тим. I. с.). „Нужно сказать, прибавляетъ другой наблюдатель казацкихъ нравовъ, что такой политикой иногда достигаютъ желанныхъ результатовъ. Бывали случаи, что служеніе молебновъ приводило воровъ къ раскаянію“ (Д. О. В. 1874 г., № 33). Если есть на примѣтѣ человѣкъ, котораго можно заподозрить въ совершенномъ воровствѣ, то „на его имя подають просфоры, служатъ панихиды, поминая его, какъ усопшаго. Также берутъ обрѣзокъ украденной вещи, приносятъ въ кузню и кладутъ въ мѣхъ; тотъ кто укралъ, станеть пухнуть (раздувать его станеть подобно мѣху) и, не проживъ года, непременно умереть. То же самое будетъ, если бросить часть того, что украдено, подъ жерновъ мельницы (Тим.).

Наконецъ для открытія виновника прибѣгаютъ къ ворожбѣ и гаданью. Во многихъ станицахъ существуютъ особые „угады“ и „угадчицы“ или „ворожей“ („ворожки“). Эти лица, по словамъ казаковъ, „командиры воровскихъ шаекъ; сами они воровать не ѣздить, а лишь укрываютъ воровъ и получаютъ отъ этого барыши“. Къ этимъ лицамъ и обращаются за помощью тѣ, у которыхъ украдено. Славится напр. одна

Сувѣрія.

Ворожба.

ворожея въ Нахичевани. Къ ней вьзять казаки изъ окрестныхъ станицъ. За два цѣлковыхъ эта ворожея глядитъ въ зеркало и затѣмъ указываетъ мѣсто, гдѣ можно найти украденную вещь. Въ другихъ станицахъ, по словамъ казаковъ, ворожба происходитъ посредствомъ нашептыванія заговоровъ надъ водой. *)

Со своей стороны и совершившіе преступленіе казаки прибѣгаютъ иногда къ суевѣрнымъ средствамъ, чтобы избѣгнуть кары. Для этой цѣли существуютъ особые заговоры, т. н. „молитвы отъ суда“, которые довольно распространены въ особенности между казаками, уже судившимися и побывавшими въ тюрьмѣ. **)

*) Иногда подобное посредничество между ворами и потерпѣвшими отъ нихъ убытокъ дѣлается болѣе открыто, не замаскированная коловствомъ. Такъ въ ст. Гниловской мнѣ рассказывали, что, въ случаѣ пропажи скота, казаки не рѣдко вьзять въ Ростовъ на Дону; тамъ извѣстенъ одинъ кабакъ, въ которомъ всегда можно добыть точныя свѣдѣнія о пропавшей скотинѣ. Приѣхавъ къ кабатчику, хозяинъ говоритъ: „вотъ угнана моя скотина, сколько будетъ стоять возвратить еѣ?“— „Да вотъ нынче наша партія ночевала, отвѣчаетъ ему кабатчикъ: постойка я разузнаю“. Съ этими словами онъ уходитъ изъ комнаты и, возвратившись черезъ нѣкоторое время, требуетъ уплаты извѣстной суммы за возвращеніе обратно скота; за быковъ обыкновенно требуется 15 р., за кони руб. 8. Получивъ деньги, кабатчикъ точно указываетъ мѣсто, гдѣ будетъ украденный скотъ, и казакъ всегда находитъ его тамъ.

**) Вотъ примѣры подобныхъ „молитвъ“:

1) „Иду я, рабъ Божій (имя рекъ), изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на встрѣчу мнѣ Мате Великая помощница: пособи и помилуй меня, раба Божьяго (имя рекъ), закрой и защити меня раба Божьяго, (имя рекъ), рукой, и пеленою, и ризою своею отъ суда и пересуда, и отъ раба Божьяго (имя къ кому идешь) уроденнаго, молитвеннаго и крещеннаго, меня, раба Божьяго, молитвеннаго и крещенаго и пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), по пути, по дорогѣ; на той дорогѣ стоитъ храмъ Господень, въ храмѣ стоитъ престолъ, на престолѣ стоитъ гробница, въ гробницѣ лежитъ мертвецъ смиренно и крѣпко, сердцемъ не трепещетъ, ногами не ворохнется, руками не подыметъ, губами не шевелитъ, языкомъ не говоритъ, такъ бы рабъ Божій (имя рекъ) сердцемъ не трепещуль, ногами не ворохнуль,

Возвращаюсь къ разбирательству въ ст. судѣ.

Оцѣнка доказательствъ, представляемыхъ сторонами, совершается не по какимъ либо заранее определеннымъ правиламъ, а, говоря словами станичныхъ судей, „соображаясь съ обстоятельствами дѣла“, „глядя по человѣку“, „по своей совѣсти“. У насъ, говорили казаки, другъ друга знаютъ отлично: иной и заплачетъ на судѣ, да ему не повѣрятъ, а пристыдятъ только—э, молъ, казаки слезамъ не вѣрятъ“... „Благонадежнымъ болѣе вѣры“. „Если напр.—говорить г. Тимощенковъ—истецъ или обвинитель, человѣкъ всѣмъ извѣстной честности, а отвѣтчикъ или обвиняемый, человѣкъ, уже замѣченный въ чемъ дурномъ, то его обвиняютъ, хотя положительныхъ доказательствъ его вины и не было“ (I. с. р. 160). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ ст. судахъ замѣчается стремление ко формализму при разбирательствѣ дѣла: неясность доказательствъ или недостаточность уликъ не рѣдко служатъ поводомъ къ оставленію дѣла безъ послѣдствій. Но этотъ формализмъ, повидимому, чуждъ народнымъ воззрѣніямъ и вносится онъ въ ст. суды мудрованіями писарей.

Выслушавъ всѣ заявленія сторонъ и свидѣтелей, наговорившись вдоволь и обсудивъ дѣло всесторонне, судьи совѣщаются между собою. Въ нѣкоторыхъ станицахъ судьи для этого выходятъ изъ судейской горницы или же, оставаясь сами, высылаютъ изъ нея тяжущихся. Но обыкновенно они совѣщаются въ присутствіи всѣхъ только шепотомъ. Послѣ этого обыкновенно рѣшеніе

руками не подымалъ, губами не шевелилъ, языкомъ не говорилъ всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Носи всегда на крестѣ и, какъ идти къ начальнику или въ судѣ, прочитай трижды и ничего не будетъ. (Д. О. В. 1873, № 3).

2) „Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородица и Дѣва, надѣющийся на Тя да не погибнетъ, но да избавится отъ бѣды и отъ настоящаго суда, Ты бо еси спасеніе роду христіанскому“. Три раза прочесть (зап. въ Чернышевской ст.).

3) „Хорошо помогаетъ: Отче нашъ прочесть на выворотъ, сзади на передъ“ (зап. въ Есауловской ст.).

Оцѣнка доказа-
тельствъ

Рѣшеніе.

записывается сначала въ книгу и прочитывается вслѣдъ за тѣмъ тяжущимся. По выслушаніи рѣшенія стороны расписываются въ книгѣ въ томъ, довольны ли они имъ или нѣтъ. Неграмотные просятъ расписаться за себя кого-нибудь изъ присутствующихъ грамотныхъ (нерѣдко одного изъ судей). Для этого они подходятъ къ грамотному и подаютъ ему правую руку. Грамотный принимаетъ руку и потомъ расписывается въ книгѣ (отсюда выраженіе: „росписался по рукоданной просьбѣ“). По томъ рѣшеніе сообщается станичному атаману для приведенія въ исполненіе. Протоколы засѣданій ст. суда записываются въ книгу весьма кратко; иногда они занимаютъ всего нѣсколько строкъ. Нерѣдко показанія свидѣтелей не записываются вовсе. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, особенно въ первые годы послѣ введенія ст. судовъ, приговоры рѣдко заносились въ книгу; они оставались либо вовсе не записанными, либо надписывались на оборотѣ письменныхъ жалобъ; потомъ эти послѣднія кое какъ сшивались всѣ вмѣстѣ и складывались въ станичный архивъ. Такъ напр. было въ ст. Евтеревской.

Исполненіе.

Судебныя издержки.

„Правая сторона“ нерѣдко спрашиваетъ „судебныя издержки“, понимая подъ этими словами, по утвержденію казаковъ, всѣ могарычи, плату писарю за „объявленіе“ и пр.; иногда просятъ заплатить и за потерянное время. Такъ, въ Еланскомъ ст. судѣ, іюня 26, 1881-г., требовалось „за отлученіе изъ дому по суду заплатить по 50 к. за сутки“.

Общій характеръ процесса въ стан. судахъ.

Общій характеръ процесса въ ст. судахъ, сколько мнѣ извѣстно, сходенъ съ процесомъ въ судахъ восточныхъ остальной Россіи. Начало примиренія примѣняется весьма широко; дозволяется мириться даже послѣ постановленія судьями рѣшенія. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ казаки утверждали, что въ дѣлахъ о кражѣ, если бъ даже стороны и помирились, судьи все же налагаютъ наказаніе. „Различія между однородными преступленіями, совершенными при различныхъ обстоятельствахъ времени, мѣста, какъ то: совершено ли

преступленіе днемъ или ночью, со взломомъ или безъ взлома, изъ подъ караула или съ открытаго поля и т. п. не дѣлается“ (Тим.). Дѣло рѣшаются, „глядя по человѣку“. „Грѣхъ пополамъ“ также примѣняется—въ дѣлахъ запутанныхъ при недостаткѣ доказательствъ или при неумышленномъ причиненіи вреда (напр., если одинъ по невѣдѣнію скосилъ на пайкѣ у другаго траву). Этотъ же способъ рѣшенія примѣняется и „въ случаѣ гибели скота во время ѣзды, пастьбы“ (Тим. р. 158). „Ошибку въ фальшь не ставятъ“. Нерѣдко случается, что дѣятельность суда выходитъ изъ рамокъ предъявленнаго иска. Такъ напр., одна казачка проситъ присудить ей вознагражденіе за убытки, понесенные ей при сватаніи своего сына (свадьба разошлась). Судъ постановляетъ удовлетворить ея просьбу, но, кромѣ того, опредѣляетъ наказать невѣсту общественными работами за насмѣшки надъ своимъ женихомъ, между тѣмъ, какъ на это никто не жаловался. Подобныя рѣшенія встрѣчаются нерѣдко. Если изъ разбирательства дѣла выяснится, что виновнымъ оказывается третье лицо, на судѣ не присутствующее и въ объявленіи истца не указанное, то судьи нерѣдко заочно рѣшаютъ его наказать. Къ нему является полицейскій для приведенія въ исполненіе рѣшенія, между тѣмъ какъ онъ ничего не знаетъ (на сколько это распространено—не знаю). Въ самомъ судовомъ разбирательствѣ замѣчается, какъ было помянуто уже, полнѣйшее отсутствіе формализма. Говорятъ всѣ, не соблюдая очереди, и судьи, и тяжущіеся, и свидѣтели, и постороннія лица. Община въ лицѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые собрались слушать разбирательство дѣла и открыто высказываютъ свое одобреніе или порицаніе, оказываетъ до нѣкоторой степени свое воздѣйствіе на самихъ судей. Сами судьи также вступаютъ въ споры съ тяжущимися, со свидѣтелями и другъ съ другомъ и, высказывая свои сомнѣнія и несогласія съ мнѣніемъ остальныхъ, пускаютъ въ ходъ шутки, подтруниванья и брань. Все это дѣлается открыто и прямо. Вообще формальная сторона въ ст.

судахъ отодвигается на задній планъ: часто судьи не подписываются подъ своими рѣшеніями или подписываются не всѣ; номера рѣшеній спутаны, иногда не выставлены вовсе, книги рѣшеній часто не берегутся и т. п.

Вліяніе мировыхъ судей.

Не знаю, какъ въ другихъ станицахъ, но въ ст. Казанской, по утвержденію г. Тимощенкова, въ первое время послѣ введенія ст. судовъ Положеніемъ 1870 г. дѣло шло довольно хорошо: граждане нисколько не замѣчали разницы между прежнимъ судомъ и этимъ новымъ, но потомъ, когда въ станицѣ была открыта камера мирового судьи, положеніе дѣла измѣнилось. Многіе старинные обычаи и правила при этомъ не только перестали быть закономъ, но даже подверглись преслѣдованію, и ст. судъ былъ парализованъ, потерялъ всякую силу и значеніе. Не имѣя (въ Положеніи) на все точнаго указанія, судъ изъ боязни отвѣтственности за превышеніе власти сталъ принимать къ своему разбору только гражданскіе споры и тяжбы. Изъ преступленій же онъ считаетъ маловажными и подлежащими его разбирательству только развѣ либѣ проступки противъ дисциплины или трезвости (непослушаніе и пьянство). Воровство же напр. онъ не принимаетъ къ разбору, хотя бы оно было учинено на одну только копейку“ (I. с. р. 157). Лично мнѣ также неоднократно приходилось встрѣчать въ станичныхъ архивахъ подобные отказы въ искѣ по мнимой неподсудности дѣла ст. суду.

Недостатки станичнаго суда.

Вообще говоря, нынѣ ст. суды на прострaнствѣ всей Области Войска Донскаго крайне непопулярны: всюду слышатся жалобы на нихъ, и они потеряли окончательно довѣріе къ себѣ населенія *). Причины этого прежде всего кроются въ слабости станичной и хуторской власти, влекущей за собой медленность въ производствѣ дѣла. Привлечь отвѣтчика на судъ сопряжено

*) Нижеслѣдующія свѣдѣнія сообщаю со словъ казаковъ; лично провѣрить ихъ не имѣлъ времени.

нерѣдко съ большими усиліями. Случается, что судьи посылають къ отвѣтчику до 8 — 9 повѣстокъ, остающихся безъ желаннаго результата. Это происходитъ отъ того что во многихъ мѣстахъ повѣстки на хутора посылаются не съ разсылными, а когда представится случай („съ оказіей“). Напр. повѣстку поручають свезти проѣзжающему мимо выростку изъ одного съ отвѣтчикомъ хутора. Мальчикъ либо забудетъ отдать ее во время, либо затеряетъ дорогой — и начинается проволочка. Бываетъ и такъ: повѣстку получаетъ хуторской атаманъ и относитъ ее къ вызываемому въ судъ лицу, но послѣдняго нѣтъ дома, и повѣстка оставляется тамъ на произволъ судьбы: ее либо затеряетъ жена вызываемаго, либо разорвутъ дѣти, либо уничтожитъ самъ вызываемый, пользуясь случаемъ отговориться, что онъ ее не получалъ. Иногда получившій повѣстку прямо отказывается ѣхать въ назначенный день, отговариваясь недосугомъ: „въ другой разъ съѣзжу, а теперь некогда, пускай штрафуютъ, коли хотять“. Наконецъ, изъ станицы предписывается поселковому атаману привести вызываемаго на судъ силой. Но этотъ послѣдній „замагорычить“ атамана, и тотъ распишется въ полученіи повѣстки нѣсколько позже и привезетъ виновнаго въ станицу тогда, когда уже всѣ судьи разошлись. Чтобы привести на судъ отвѣтчика, живущаго въ самой станицѣ и неявляющагося, не смотря на неоднократныя повѣстки, посылають къ нему „полицейскаго“. Но отвѣтчикъ либо запрчется гдѣ-нибудь на базу у сосѣда, либо „замагорычить“ полицейскаго, и послѣдній, возвратясь въ станичное правленіе, объявляетъ, что не нашелъ его. Штрафы же за неявку взимаются станичными властями весьма неохотно, такъ какъ большинство штрафующихъ приходится имъ либо родственниками, либо кумовьями, либо пріятелями. То же самое повторяется и при приведеніи въ исполненіе приговора ст. суда: атаману то совѣстно беспокоить близкаго ему человѣка, то трудно заставить обвиненнаго подчиниться рѣшенію, если

послѣдній человекъ сильный. Поэтому рѣшенія станичнаго суда подолгу остаются безъ исполненія.

Увеличиваетъ плохое веденіе дѣлъ въ ст. судахъ и чрезвычайно плохой составъ самихъ судей (Д. О. В. 1881 г., № 64). Какъ уже было выше указано, казаки исполняютъ обязанности судьи весьма неохотно и небрежно. Казаки зажиточные и домовитые, вслѣдствіе незначительнаго жалованья, стараются устранить себя отъ этой должности, и въ судьи попадаютъ весьма нерѣдко пьяницы и плохіе станичники. Въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ рассказывали, что на сборахъ выберутъ въ судьи сначала хорошаго казака, но онъ проситъ у станицы прибавки жалованья, такъ какъ иначе ему не выгодно отрываться отъ хозяйства. Но въ это время его перебиваетъ другой казакъ изъ плохихъ, заявляя что онъ желаетъ послужить обществу даромъ или за малое вознагражденіе. Его и выбираютъ. Однако такой судья вознаграждаетъ себя тѣмъ, что безъ зазрѣнія совѣсти беретъ взятки. Бываетъ и такъ: когда выбранный въ судьи хорошій казакъ проситъ прибавки жалованья, общество отвѣчаетъ ему: „а, такъ ты не хочешь служить, какъ мы велѣмъ; ну такъ ступай себѣ, а мы другаго поищемъ“, и назначаютъ въ судьи того, кто согласенъ служить за предлагаемое вознагражденіе. Въ нѣкоторыхъ станицахъ казаки признавались, что они рады бы прибавить судьямъ жалованье, но боятся, что въ этомъ случаѣ „въ судьи полѣзетъ человекъ, который иначе бы никогда не попалъ туда“. Этимъ казаки намекали на офицеровъ и чиновниковъ. Такъ въ одной ст. казаки указывали на одного есаула, говоря: „прежде ловилъ себѣ рыбу, никому не мѣшалъ, а нынѣ дали судьямъ хорошее жалованье, и онъ попалъ въ судьи, потому что угостилъ избирателей; теперь мудритъ, все по своему хотеть сдѣлать, все на законъ какой то указываетъ, а намъ отъ этого стѣснительно“.

Рѣшительно во всѣхъ мною посѣщенныхъ станицахъ казаки утверждали въ одинъ голосъ, что безъ могоары-

чей на судъ ничего нельзя сдѣлать. „Когда приносишь судѣ прошеніе слѣдуетъ его угостить; чтобы разсудилъ дѣло—опять угостить; по окончаніи дѣла — опять угостить“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сказывали, что судьи прямо заявляютъ при приѣмѣ прошенія, что они безъ водки судить не будутъ. Въ иныхъ мѣстахъ судьи не принимаютъ письменныхъ жалобъ, если онѣ написаны не ихъ писарями. Кромѣ угощенія водкой, судьямъ иногда дѣлаютъ подарки: приносятъ поросятъ, сало, сахаръ и проч. Иногда судьи получаютъ отъ обѣихъ сторонъ по взяткѣ и склоняются въ пользу давшаго больше. Вслѣдствіе этого и случается, что давшій судьямъ взятку и, не смотря на это, все-таки проигравшій дѣло заявляетъ объ этомъ публично на судѣ и громко бранить судей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вошло въ обычай кончать дѣло въ шинкѣ. Сообщенное мною подтверждается и мѣстными наблюдателями народнаго быта. Такъ напр. г. А. Юренинъ рассказываетъ слѣдующее. „Изъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ я убѣдился, что общая организація ст. судовъ совершенно не соотвѣтствуетъ указаніямъ Положенія объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ. Такъ въ одной изъ станицъ станичные судьи, по жалобамъ частныхъ лицъ, подверглись преслѣдованію за злоупотребленія по должности, которыя заключались въ томъ, что одинъ изъ судей, исполнявшій свои обязанности въ числѣ трехъ товарищей, опредѣленныхъ станичнымъ сходомъ, пользуясь неграмотностью и неопытностью послѣднихъ и дабы не упустить благоприятнаго времени для обезпеченія своего состоянія, изобрѣлъ своеобразную систему рѣшенія дѣлъ; а именно: принимая непосредственно отъ истцовъ жалобы, подлежащія или неподлежащія разсмотрѣнію ст. суда, прежде разсмотрѣнія ихъ, объѣзжалъ по поселкамъ или посѣщалъ въ самой станицѣ всякаго прикосновеннаго къ дѣлу обывателя и входилъ съ нимъ въ соглашеніе относительно количества вознагражденія себѣ за направленіе и исходъ дѣла; а потомъ подговоренный у него для этой же цѣли

тайный письмоводитель, служившій ему тѣмъ, что училъ его обдѣлывать подобныя дѣлишки, писалъ ему вчернѣ рѣшеніе суда и разумѣется въ пользу той стороны, которая превазошла другую своей щедростью. Переписанное рукой судьи рѣшеніе прочитывалось другимъ судьямъ — товарищамъ, которые, по крайней неопытности, всегда соглашались съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ подобныхъ рѣшеніяхъ, и тѣмъ рѣшеніе дѣла оканчивалось. Все это было такъ ловко обдѣлываемо, что судья ни по какой жалобѣ, хотя ихъ было много, не былъ признанъ виновнымъ. Но наконецъ онъ запутался. Однажды въ питейномъ заведеніи онъ вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ выронилъ изъ кармана черное рѣшеніе своего тайнаго письмоводителя, которое и попало въ грѣхъ въ руки одной изъ тяжущихся сторонъ, да еще той, противъ которой оно было составлено. Въ другой станицѣ поселковымъ атаманомъ было донесено начальству, что станичные судьи, пьянствуя на счетъ тяжущихся сторонъ, производятъ судъ и рѣшаютъ дѣла въ питейныхъ заведеніяхъ... Послѣдствіемъ всего этого—что на станичныхъ судахъ никогда не практикуется надлежащій разборъ дѣла и собственно потому, что станичные судьи не обладаютъ надлежащей грамотностью, а слѣдовательно и знаніемъ установленныхъ правилъ на этотъ предметъ, поэтому-то мировымъ създамъ приходится рѣшенія ст. судовъ, представленныя на кассацію, не признавать въ формѣ судебныхъ рѣшеній“ (Д. О. В. 1878 г., № 27).

Судейскій пи-
сарь.

Вредное вліяніе на суды оказываютъ и „судейскіе писаря“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вліяніе писаря столь велико, что онъ собственно и ведетъ засѣданіе, а судьи являются послушными исполнителями его предписаній. Писаря эти, повидавшіе кое-что на своемъ вѣку, побывавшіе въ камерахъ мировыхъ судей и въ окружныхъ судахъ, дѣлаются проводниками чуждыхъ народному быту началъ, полагая нерѣдко въ основаніе своихъ рѣшеній различныя статьи X т. св. з. Подобно писарямъ поступаютъ и судьи изъ болѣе грамотныхъ и „бывалыхъ“:

они очень любятъ блеснуть своими познаніями въ X т. Въ одной станицѣ мнѣ указывали на старика казака, который въ своей средѣ слыветъ за грамотѣя. Часто на сходахъ, точно такъ какъ и на судахъ, онъ возвышаетъ свой голосъ, говоря: „ну чего вы дерете глотку?! а глядѣли вы въ десятый томъ... законъ вѣдь!“ И все смолкаетъ передъ этимъ возгласомъ, и часто дѣлается такъ, какъ хочетъ онъ. Самъ же онъ признавался въ откровенный часъ, что X т. и въ глаза не видалъ. Иногда подобное нарушеніе народныхъ обычаевъ дѣлается по невѣднію. Такъ напр. одинъ станичный судья мнѣ сообщалъ, что самъ станичный атаманъ (изъ офицеровъ) на его вопросъ, чѣмъ руководствоваться при рѣшеніи запутанныхъ дѣлъ, указалъ ему на X т., которыми онъ и пользовался какъ умѣлъ.

Что касается до адвокатовъ („авлакаты“ *), то они хотя, по словамъ казаковъ, не допускаются на ст. суды, но оказываютъ свое вліяніе тѣмъ, что научаютъ судей при неправильныхъ рѣшеніяхъ обставлять дѣло такъ, чтобы не было „ни сучка, ни задоринки“.

Всѣ эти постороннія вліянія приводятъ къ тому, что въ ст. судахъ находятъ мѣсто несвойственныя народному быту начала и проявляется, вопреки народнымъ воззрѣніямъ, стремленіе къ формализму и казуистикѣ. Такъ напр. часто оставляютъ жалобу безъ послѣдствія потому, что не указано мѣстожителство

Вторженіе на-
чалъ, чуждыхъ
народнымъ воз-
зрѣніямъ.

*) „Въ послѣднее время, сообщаютъ изъ ст. Кременской, появилась у насъ еще одна отрасль промышленности—адвокатство. У насъ считается до 6 адвокатовъ, въ томъ числѣ одна женщина. Благодаря адвокатамъ, въ 1873 г. къ мировымъ судьямъ вызывалось 1,764 человѣка. Въ настоящее время станичники наши уже стали остерегаться адвокатовъ: при свиданіи съ ними, они ограничиваются только поклонами и сниманіемъ шапокъ; но рукожатія въ особенности не грамотными людьми уже не дѣлается, чтобы адвокатъ не могъ при случаѣ представить росписку на деньги съ такимъ доказательствомъ, что онъ, молъ, (такой-то) давалъ руку (такому-то), а руку давалъ-декаль просилъ у него по неграмотству росписаться въ занятыхъ яко бы деньгахъ“. (Д. О. В. 1874 г. № 48).

истцовъ и отвѣтчиковъ, причемъ это дѣлается, по словамъ Д. О. Вѣдомостей, изъ желанія судей щегольнуть знаніемъ законовъ и придерживать общихъ судебныхъ формъ, тогда какъ всѣ жители станицы и хуторовъ могутъ быть вытребованы во всякое время чрезъ станичное правленіе (Д. О. В. 1875 г., № 98). При жалобахъ лицъ, недовольныхъ рѣшеніемъ ст. суда, строго обращаютъ вниманіе на форму жалобы: если она написана не на имя мирового съѣзда, а въ станичный же судъ или безъ поименованія бумаги, то это служитъ достаточной причиной для оставленія жалобы безъ послѣдствій, тогда какъ можно легко исправить ошибку. Этотъ случай въ § 50 Положенія не разъясненъ, народъ же неграмотенъ и о формѣ понятія не имѣетъ, а писакъ ученому платить рубль для него стѣснительно. (ibid)

Народъ недоумѣваетъ, наталкиваясь на всѣ эти порядки, чуждые и непонятные для него, въ недоумѣніи оставивается и передъ сильнымъ для него словомъ — „законъ велитъ“ и рѣшаетъ наконецъ все это приписать продѣлкамъ судей и писарей, что и приводитъ его къ такому заключенію относительно станич. суда: „нашъ станичный судъ — трава, вотъ и все; ничего омы не стоитъ; иной разъ по неволѣ пойдешь на мировую, коли видишь, что судьи неправую сторону держатъ — посмотришь, посмотришь да и плюнешь, самому вѣдь некогда время то терять“. „Шемякинскій судъ нашъ — нѣтъ ему больше прозванія“...

Отношеніе
стан. судовъ
къ иногород-
нимъ.

Особенною несправедливостью, по общимъ отзывамъ, отличаются ст. суды по отношенію къ крестьянамъ и къ иногороднимъ. Въ дѣлахъ крестьянина съ казакомъ рѣдко первому удается добиться справедливаго рѣшенія судей. Причина этого кроется въ томъ антагонизмѣ между крестьянами и казаками, о которомъ было упомянуто выше.

Иногда ст. суды разбираютъ жалобы, превышающія ихъ компетентность (Д. О. В. 1881, № 4): напр. по дѣламъ о порубкѣ, которыя изъяты изъ вѣдѣнія ихъ по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго

Совѣта 22 февраля 1877 г. о мѣрахъ сбереженія ст. лѣсовъ; или дѣла о неисполненіи повинностей и общественныхъ работъ, которыя подвѣдомственны станичному атаману и пр.

Случается, что и ст. судьи превышаютъ свою власть, принимая на себя функціи полицейско-административныя. Обнаруживается это, по словамъ г. Юренина, „преимущественно тѣмъ, что они отправляютъ изъ питейныхъ заведеній подъ арестъ разныхъ лицъ, въ чемъ либо не сошедшихся съ мнѣніемъ судей или уклонившихся отъ угощенія“ (Д. О. В. 1878, № 27).

Объ отношеніи ст. атамановъ къ ст. суду и о степени вліянія ихъ на судей у меня точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ видѣ иллюстраціи ко всему сказанному о ст. судѣ Засѣданія. привожу точное воспроизведеніе нѣсколькихъ изъ тѣхъ засѣданій, на которыхъ мнѣ довелось присутствовать.

Засѣданіе Маринскаго станичнаго суда въ іюлѣ 1883 г. . Въ Маринскомъ ст. судѣ.

Для засѣданія отвѣдена очень тѣсная и неопрятная комната рядомъ съ канцеляріей стан. атамана. Четверо судей сидятъ въ рядъ около небольшого грязнаго стола. Въ сторонѣ за другимъ столомъ помѣщается писарь, который во все время засѣданія пишетъ разныя бумаги и въ разбирательство дѣла не вмешивается.

1 судья (читаетъ жалобу, въ которой видно, что казачка N жалуется на своего дядю NN, отнимающаго у ней садъ, принадлежавшій покойной матери ея— на томъ основаніи, что послѣдняя (мать) вышла вторично замужъ. Истица проситъ «войти въ разбирательство дѣла и удовлетворить»). Такъ онъ добровольно не даетъ?

Казакъ Тюринъ (мужъ истицы, въ теченіе всего разбирательства говорящій за жену, которая стоитъ подлѣ него). Никакъ не желаетъ дать...

1 суд. Да какъ дѣло то было: я что то не разумѣю?..

2 суд. Кто завѣщатель былъ?

Тюринъ. Да вотъ видите, господа судьи: дѣло совсѣмъ просто. Сначала садъ получили братъ и сестра т. е. теща то моя.. Теща умерла, такъ ея часть моей женѣ и дти должна...

1 суд. Нужно было бы это дѣло къ мировому... по закону...

Тюр. У насъ вѣдь законъ то одинъ...

3 суд. Хорошо, если помиритесь, а если нѣтъ—тогда что?

Тюр. Ну, тогда къ мировому: вѣдь это не долго.

1 суд. (указывая на жалобу). Ничего у васъ тутъ не сказано: сколько деревь, какой садъ, какія деревья... вѣдь въ саду можетъ быть и два дерева и три дерева...

2 суд. Можетъ и тридцать деревь.

Тюр. Бабы должны знать, а я не былъ и не видалъ.

2 суд. Какъ, даже не былъ!..

Тюр. Да былъ я... да плохо помню.

1 суд. (послѣ нѣкотораго молчанія). Да... садъ то собственно ей принадлежить? (указываетъ на истцу).

Тюр. Ей. Она вѣдь наслѣдница... А онъ говоритъ: какъ теща замужь пошла—лѣтъ десять тому—то она потеряла право.

2 суд. (послѣ всеобщаго молчанія). Да дѣло то, кажется, намъ не подсудно.

3 суд. То-то и есть: какъ правильно то будетъ?! (4-й судья смотритъ на него и молча явняетъ головой).

Тюр. Да ужъ сдѣлайте одолженіе... Мы... (Въ это время въ двери показывается молодой рослый казакъ въ голубомъ мундирѣ Атаманскаго полка).

1 суд. (прерывая Тюрину и обращаясь къ вошедшему). На васъ жалоба. Вы въ шинкѣ дрались вчера...

Казакъ въ голубомъ мундирѣ. Что жъ; я не отказываюсь... Только что...

1 суд. Ну вотъ обождите: придетъ онъ и свидѣтели, тогда... Садитесь вонъ тамъ. (Молчаніе. Судья шепчутся между собой. Проходить чрезъ горницу ст. атаманъ).

Атаманъ. Ну что же: скоро начнете?

Суд. 1 и 3. Да разбираемся... Свидѣтелей нѣтъ.

Атаманъ. А! ну придуть—погодите... (Уходитъ. Судья вполголоса разбравтъ по складамъ «объявленіе» казака З на казака Х «въ томъ, что онъ нанесъ ему побой вчера въ шинкѣ». Входитъ З).

1 суд. (къ вошедшему). Свидѣтелей надо твоихъ.

Казакъ З. Можетъ и такъ сознается?

Казакъ Х (въ голубомъ мундирѣ). Не билъ я его, а только...

1 суд. (къ З.). Видишь, не сознается онъ...

Каз. Х. Съ братомъ его, Григоріемъ, я точно дѣло имѣлъ—въ томъ не отрекаюсь, а съ нимъ не имѣлъ.

Каз. З (къ Х.). А кто же билъ то?

Каз. Х. Не могу знать: ужъ это не мое дѣло.

Каз. З. Какъ же: вѣдь ты меня билъ!

Каз. Х. Я потому билъ, что ты вступался...

Каз. З. Ну вотъ свидѣтелей то допросить.

1 суд. Значить, вы его били?

Каз. Х. Быть можетъ я и виноватъ... только...

2 суд. (къ каз. Х.) Ну, говори: бралъ ты его за грудки?

Каз. Х. Да говорю же я... Я сорвалъ шинель съ него, съ Григо-

рія то, и шапку сорвалъ. Потомъ его такъ и нашли: сидитъ на шинели. А вотъ онъ (указывая на истца) вступился, сталъ на меня кидаться...

Каз. З. Не кидался я...

Каз. Х. Нѣтъ, кидался. Я видѣлъ, какъ ты противъ меня другихъ звалъ...

Каз. З. Ты видѣлъ?!

Каз. Х. Да, самъ видѣлъ.

Каз. З. Кого же я звалъ?

Каз. Х. Я самъ видѣлъ...

Каз. З. (со злобой). Ахъ ты... чтобъ тебѣ...

Судьи Постойте, постоитъ... погодите! (входятъ свидѣтели).

1 суд. (къ одному изъ свидѣтелей). Что вы знаете по этому дѣлу? (указываетъ на истца и отвѣтчика).

1 свидѣт. Вотъ онъ (указываетъ на отвѣтчика) больно билъ его (указываетъ на истца). Въ правое ухо билъ...

Каз. З. Вотъ видите...

1 суд. (къ отвѣтчику мягкимъ тономъ). Если вы въ самомъ дѣлѣ обидѣли—принесите извиненіе.

Каз. Х. Никакъ не могу, господа судьи.

2 суд. (къ обоимъ). Погодите-ка вмѣстѣ...

1 суд. (къ 2-му свидѣтелю). А ты что видѣлъ?

2 свидѣт. Вхожу я въ кабакъ—тамъ драка. А больше не помню: самъ хмѣлень былъ...

3 суд. Свидѣтелей нѣтъ еще... а надо спросить бы (судьи глядятъ письменную жалобу, въ которой обозначены имена свидѣтелей).

1 суд. Да, не всѣ (къ тяжущимся). Дождитесь: свидѣтели не всѣ еще.

2 суд. (шепчетъ на ухо 1-му, потомъ громко). Полицейскаго! (входитъ полицейскій).

1 суд. Сходи ка, братъ, за свидѣтелями: чего они не идутъ...

Полицейск. Заразъ. Я ихъ приведу.

Каз. Х. (не громко). А если я оскорбилъ, такъ я съ его братомъ ссорился, а онъ вступился... (Входятъ старикъ и женщина. Тюринъ, стоявшій все время въ сторонѣ, приближается къ столу).

Тюр. (къ судьямъ). Ну, теперь разсудите.

1 суд. (къ вошедшему старику). Вотъ на тебя Тюринъ съ женой жалуется: садъ ты у нихъ отбираешь.

Отвѣтчикъ. Я садъ не бралъ, а бралъ мой отецъ, а я до него не касался.

1 суд. То есть... Твой отецъ ужъ померъ?!

Отвѣт. Померъ. А когда помиралъ, онъ сказалъ... былъ боленъ и сказалъ: не давай имъ садъ...

1 суд. Это не резонъ. Если онъ тебя не ввелъ во владѣніе... вѣдь она наслѣдница.

Отвѣт. (съ легкой усмѣшкой). Да она пришла бы да и отобрала... что жъ она?..

Тюр. Отецъ его при смерти не былъ въ умѣ.

1 суд. (къ отвѣт.). Не грѣхъ ли тебѣ?! Ты имъ не чужой вѣдь... Если бы онъ завѣщалъ—отецъ-то твой—такъ вѣдь известно было бы.

Отвѣт. Это не мое ужъ дѣло: знаю, что онъ мнѣ говорилъ... А вѣдь теперь ужъ сколько времени прошло... законъ вѣдь тоже...

1 суд. Здѣсь законъ-закономъ, да самому-то совѣстно должно быть.

2 суд. Вѣдь ты не по праву садомъ-то завладѣлъ.

Отвѣт. Вѣдь говорю же я вамъ: родительское слово...

3 суд. Если бы завѣщаніе было, да ты бы представилъ духовное-то завѣщаніе, а то...

Отвѣт. Словесно было завѣщано... У меня вотъ у самого теперь завѣщаніе есть: написалъ самъ на бумагѣ, а въ правленіе не носилъ.

1 суд. (съ участіемъ). Такъ вотъ что, братъ: ты засвидѣтельствуй лучше—вотъ совѣтъ мой тебѣ; представь въ правленіе.

3 суд. Ты чего-же его не представилъ то?

Отвѣт. Да вотъ представляю.

1 суд. Засвидѣтельствуй: отъ грѣха дальше, а то, не ровенъ часъ, помершь, такъ споры пойдутъ, кости тревожить станутъ.

Отвѣт. Да я засвидѣтельствую.

1 суд. (къ женѣ Тюрна). Сколько лѣтъ, какъ дѣдъ-то померъ?

Истица (робко). Пятнадцать лѣтъ...

2 суд. (тихо первому). Охо!

1 суд. Ну, какъ же ты до сихъ поръ не жаловалась на него?

Истица. Да онъ меня не обижалъ.

Тюр. Онъ не обижалъ, пока жили съ нимъ въ мирѣ, а теперь поспорились—вотъ онъ и отбираетъ.

1 суд. А ягоды вмѣстѣ собирали?

Истица. Онъ не воспрещалъ.

1 суд. (къ отвѣт.). Ты простосердечно объясни намъ: вѣдь она прамая наслѣдница? Можно ли это опровергать: какъ ты полагаешь?..

Отвѣт. А я не наслѣдникъ, если родитель оставилъ?! Вы судьи—посудите сами.

1 суд. (нѣсколько нервнѣе голосомъ). Завѣщанное не имѣетъ силу, если нѣтъ завѣщанія... а твой отецъ не оставилъ завѣщанія: значитъ онъ и объ ней (указывая на истицу) думалъ.

Отвѣт. Да чего-жъ она столько годовъ-то думала?

1 суд. Ну тамъ рассказывай еще!... А она все же наслѣдница. Если нѣтъ данныхъ, то нельзя никакъ къ себѣ приобрѣсти.

Отвѣт. А срокъ-то?!...

1 суд. (запинаясь). Гм... такъ что жъ, что давно?... У меня вотъ братъ мой тоже огородилъ плетнемъ изъ сада половину, я вернулся со службы да и говорю: ты что же дѣлаешь-то...

Каз. X. (приблизившись къ столу). Господа судьи, мы христіански простились.

Каз. З. Миръ заключить хотимъ...

Суд. 2. Ну, что жь, въ часъ добрый...

Суд. 3. Надумали?...

Суд. 2. Только росписаться надо...

1 суд. Погодите. Дайте дѣло-то разобрать... (продолжая къ отвѣт.). Да мы вѣдь въ этомъ дѣлѣ сторона. Намъ легче у тебя оставить, чѣмъ отбирать, да самому то тебѣ должно стыдно быть.

Отвѣт. Да я вѣдь все почти своимъ трудомъ приобрѣлъ. У нихъ все пропало: кружовникъ померзъ, яблоня не родила... Все я поправилъ...

1 суд. Да нужно какъ нибудь покончить! (Наклоняется къ остальнымъ судьямъ, всё шепчутся. Отвѣтчикъ, не желая слушать разговоръ, отходитъ въ сторону и завязываетъ разговоръ съ Тюринымъ сначала вполголоса, потомъ все громче и громче; въ ихъ споръ вступаютъ и женщины).

1 суд. (съ досадою къ отвѣт.). Да ну перестань, довольно говорилъ-то!..

Сторонній (къ отвѣт.). Ты подожди: чего зубы то забиваешь — когда будутъ спрашивать, тогда говори...

1 суд. (къ истцу). По смерти дѣда у кого садъ то былъ?

Истица. У дяди былъ.

1 суд. Что жь за причина, что ты дядѣ садъ то отдала?

Истица. Да вѣдь я тамъ не жила: наша хата съ другаго конца.

2 суд. Почему же ты надумала судиться?

Ист. Обижать сталъ насъ дядя-то.

1 суд. Вамъ-бы помириться: вѣдь злоба конечно что бываетъ, да и простить другъ друга надо.

Тюр. Да раздѣлить—вотъ и все...

Отвѣт. (передразнивая). Раздѣлить! вишь ты какъ скоро порѣшилъ... (Начинается шумъ и брань).

2 суд. Не кричите... погодите... полно вамъ!...

1 суд. (къ отвѣт.). Ну, попользовались садомъ и будетъ. Теперь имъ отдай: пускай теперь они попользуются..

Жена отвѣтчика. Мы такъ не ладилися.

1 суд. (дѣлая нетерпѣливое движеніе). Извѣстно: владѣніе переходитъ къ родственникамъ... Вы, положи руку на сердце, скажите — такъ ли это...

2 суд. Да помиритесь и уступите, какъ родственники...

3 суд. Извѣстно—по родственному.

Отвѣт. А срокъ-то?! Сколько годовъ-то прошло!...

Сторонній. Да кто бы ни отбиралъ—все равно есть наследникъ.

Отвѣт. По закону, говорятъ... Вы судьи, а я не знаю. Надо бы ей, кажется, раньше заявить.

1 суд. Да что ей заявить-то?! Она его считала своимъ...

2 суд. Э-эхь!... (Судьи начинают шепотом совѣщаться, пожимают плечами, качают головой).

1 суд. (къ тяжущимся). Ваше дѣло отлагается. Мы справимся со статьями. Скоро вы повѣстки получите... (Обѣ стороны кланяются и уходятъ).

2 суд. (во слѣдъ). А можетъ быть надумаете: мировую сказку напишите!...

1 суд. (къ кав. Х.). А вы мириться хотите?

Кав. Х. Такъ точно. (Къ истцу). Прости меня З. (кланяется въ ноги).

Кав. З. Ну и меня прости (кланяется въ ноги).

1 суд. Ну, ну въ часъ добрый!

2 суд. По долгу христіанскому...

3 суд. По закону Божьему... (Судьи встаютъ и выходятъ изъ-за стола).

Въ Верхнекур-
муромскомъ ст.
судѣ.

Засѣданіе Верхнекурмуромскаго станичнаго суда въ Іюлѣ 1883 г.

Тѣсная судейская комната. Въ углу подъ иконой покрытый темнымъ сукномъ столъ, за которымъ сидятъ трое судей. На стѣнѣ портретъ Государя Александра Александровича. Въ дверяхъ толпятся зрители.

Судьи (общими силами съ трудомъ разбираютъ письменную жалобу о побояхъ). Около... въ питейномъ завед... ударомъ палк... рана выше лѣваго... глаза... въ безпамятствѣ... лежащему... чувствуетъ боль, круженіе въ головѣ... Вдобавокъ: рубаху... нѣтъ: порвалъ рубаху и сертукъ... Свидѣтели... семь рублей пятьдесятъ копѣекъ...

1 суд. Ну, господа свидѣтели, дѣйствительно видѣли вы? Вы, конечно, станете предъ портретомъ вотъ Государя Императора вѣрно сказывать...

Отвѣтчикъ. Позвольте, господинъ судья...

1 суд. Подождите. Не ваше теперь дѣло.

1 свидѣт. Истину—правду скажу... мнѣ что жъ... Вотъ было какъ: пришли мы въ кабакъ, выпили съ Н. (истецъ) водки...

1 суд. Вы, видно, полагаете..

1 свидѣт. Да позвольте: надо по порядку... Мы выпили по стакану водки... Ну выпили водки. Тутъ подошелъ NN. (отвѣтчикъ). Подошелъ, значитъ, этакъ (дѣлаетъ жестъ руками)...

1 суд. Вы скажите: били вы его или нѣтъ?~

1 свидѣт. Нѣтъ. Я вышелъ, а когда подошелъ къ двери, то NN. ударилъ N...

1 суд. За что?

1 свидѣт. Не могу знать.

1 суд. (помолчавъ). Вы ничего не добавите?

1 свидѣт. Кровь, какъ изъ рѣзаннаго барана полила...

1 суд. Ну, отлично. (Къ другому). А вы что можете сказать?

2 свидѣт. Я прибѣжалъ: крикъ услышалъ... Ну прибѣжалъ. Гляжу: кровь сильно течетъ...

1 суд. Кто же ударилъ?

2 свидѣт. Не могу знать. Сдѣлался шумъ: кричать NN., NN., а мимо меня NN-то и пробѣжалъ вонъ изъ кабака. (1 суд. записываетъ къ книгу; общее молчаніе).

1 суд. (къ свидѣт. 1). Ну, а какъ рубашку рвалъ, видѣли?

1 свидѣт. Нѣтъ, не видѣлъ. (1 суд. пашетъ. Опять молчаніе).

Отвѣт. Я хочу сдѣлать встрѣчный искъ.

1 суд. Вамъ объявлено было чрезъ полицію, тогда и подавать надлежало. А теперь при допросѣ свидѣтелей я не могу...

Отвѣт. Когда же? Мнѣ сказали сегодня, а вы должны за два дня...

1 суд. Да за вами посылали полицейскаго, чтобъ сюда привести...

Отвѣт. Я не видалъ... Въ рабочее время развѣ мы дома: вамъ вѣдь извѣстно...

1 суд. Давича ходили къ вамъ...

Отвѣт. Да я понимаю самъ: не ребенокъ, чай...

1 суд. Такъ чего жъ вы домогаетесь?!

3 суд. Въ четвертый разъ дѣло назначено изъ-за васъ.

Отвѣт. (къ истцу). Здѣсь вашъ родственникъ, судить будетъ: прошу удалить.

1 суд. И будетъ удаленъ. (Одинъ изъ судей встаетъ и отходитъ въ сторону).

Отвѣт. И какихъ свидѣтелей поставили!..

1 суд. (къ отвѣт. съ досадою). Да намъ все равно, что вы говорите. Мѣшаете только дѣлу.

2 суд. Ты ужъ уклонился отъ этого дѣла.

Отвѣт. Да я не уклонился...

1 суд. Знаемъ мы васъ... Не въ первый разъ познакомились. Что вы тутъ еще... Вы такіе поступки дѣлали, что и говорить-то здѣсь не годится. (Продолжаетъ писать; тяжущіеся и свидѣтели разговариваютъ вполголоса).

1 суд. (къ 2 свидѣт.). Ты грамотный?

Свидѣт. 2. Никакъ нѣтъ.

1 суд. Ну попроси кого-нибудь росписаться. (Изъ зрителей выдѣляется пожилой казакъ, свидѣтель подаетъ ему руку, онъ ее принимаетъ и росписывается затѣмъ въ книгѣ). Вотъ опять нѣтъ человѣка, не явился еще свидѣтель—что тутъ дѣлать намъ судьямъ!.. штрафъ не взимается—отписывай себѣ сколько хочешь, а на насъ идетъ неудовольствіе... (молчаніе).

2 суд. (глядя въ жалобу). Да, одного свидѣтеля нѣтъ...

1 суд. (съ досадою). На слѣдующій разъ опять оставлять надо! (Входитъ казакъ съ женой, быстро приближается къ столу и выдаетъ бумагу. 1 суд., смутившись, поспѣшно беретъ ее и читаетъ про себя).

Казакъ (къ 1 суд.). Я ужъ найду на тебя судья... обидчикъ!

Казачка. Обидчикъ и есть... Господа честные, посудите вы сами... избилъ онъ меня...

1 суд. (стараясь быть спокойнымъ). Жалобу принять не могу.

Казакъ (удивленно). Это какъ же ты не можешь-то?!

1 суд. Такъ и не могу. Самъ я судья и на меня же, судью, жалоба... Не могу же самъ себя судить.

Казачка. Да... да какъ же?

1 суд. Ну, какъ знаете...

Казачка. (къ зрителямъ). Господа честные, да что-жъ это?! Избилъ онъ меня, треклятый... сняки по всѣму тѣлу. (Поднимаетъ платье и показывает большой снякъ на бедрѣ); сами видите... палкой билъ, за то, что свинья наша черезъ тынъ къ нему перелѣзла (среди зрителей говоръ).

Казакъ (1 судья). Ужъ я тебѣ!.. ужъ не уйдешь ты отъ суда праведнаго... Ахъ ты... а самъ судья... Да что ты намъ за начальство такое!..

Казачка. Найдемъ правду, дойдемъ тебя!.. (судья растерявшись молчатъ).

2 суд. Будетъ вамъ шумѣть...

1 суд. Ну, довольно; наговорились... да и не мѣсто здѣсь. (Полицейскій толкаетъ казака и казачку къ дверямъ. Среди зрителей шумъ усиливается; 2 суд., наклонившись къ 1 суд., шепчетъ что-то на ухо).

2 суд. (громко). Ну что же теперь?

1 суд. (все еще смущенный). Ну, и по другимъ дѣламъ ни свидѣтелей ни отвѣтчиковъ нѣтъ. Дѣлатъ нечего: подождемъ... долгъ велить—приняли обязанность, такъ надо исполнить до конца... Эхъ!.. (встаетъ изъ-за стола и удаляется изъ комнаты; за нимъ слѣдуютъ 2 и 3 судьи).

Засѣданіе Евтеревскаго ст. суда въ августѣ 1883 года.

Въ Евтерев-
скомъ станц.
судѣ.

Разбирательство происходитъ въ просторной комнатѣ. На стѣнѣ портретъ Государя Николая Павловича. Въ углу подъ образами возвышенное мѣсто, обнесено рѣшеткой. На немъ столъ покрытый чернымъ сукномъ. Входятъ медленно четверо судей, а за ними писарь. Всѣ пятеро занимаютъ мѣста вокругъ стола на возвышеніи. Комната наполняется казаками, казачками и иногородними. Впередъ толпы становятся два «полицейскихъ» въ голубыхъ мундирахъ. Сначала всеобщее молчаніе.

Писарь (шепчетъ судьямъ). Вызывайте истца, отвѣтника и свидѣтелей.

1 суд. (Вызываетъ каждого по имени. Вызванные, сказавъ: «здѣсь», выдѣляются изъ толпы и становятся въ рядъ) всѣ здѣсь? (писарь опять шепчетъ). Надо вывести свидѣтелей (полицейскіе суетятся, свидѣтели выходятъ).

Писарь (къ отвѣтницѣ). На васъ жалоба. (Читаетъ, съ трудомъ разбирая неграмотно написанное «объявленіе», въ которомъ казакъ N обвиняетъ солдатку

(нигородню) NN въ томъ, что она ушла отъ него, не заплативъ за квартиру денегъ, и кромѣ того унесла съ собой нѣсколько изъ его вещей. Прочитавъ объявленіе, писарь обращается къ жетцу). А на васъ встрѣчный искъ поданъ солдаткою NN въ томъ, что вы самовольно взяли у ней ведро, савокъ, а также корецъ, стоимостью...

Солдатка (перебивая). Я жила у него бесплатно, господа судьи. Я ухаживала за нимъ, когда онъ хворалъ, пѣлыхъ четыре недѣли, а теперь онъ говоритъ, что я украла... безсовѣстный.

Казакъ. Я не болѣлъ...

Писарь. Погодите, (продолжаетъ читать жалобу солдатки, изъ которой выясняется, что она требуетъ съ казана N всего 11 р. 30 к.).

1 суд. (къ казану). Ну, ты гдѣ свое ведро нашелъ?

Казакъ. Да у ней, батюшка (показываетъ на солдатку). Какъ мы пришли къ ней, оно тамъ и стоитъ, мы...

1 суд. Ну хорошо. А савокъ гдѣ ты взялъ?

Казакъ. У ней же. Вотъ при полиціи... я взялъ съ собой полицейскаго, прихожу къ ней, говорю: открой сундукъ. Она туда, она сюда: вы, молъ, такіе-сякіе...

Солдатка. Да я никакъ не...

1 суд. Молчи, молчи... (къ казану) ну?

Казакъ. Ну, согласилась наконецъ отпереть сундукъ, разбираетъ, разбираетъ тряпки-то, а савокъ-то тамъ и есть.

1 суд. Ну хорошо. Пстой. (Къ отвѣтчицѣ) Ну а какъ ты говоришь, что за нимъ ходила и жила у него даромъ?

Солдатка. Такъ, такъ, господинъ судья: вотъ я сосѣди подтвердятъ.

Казакъ. Никогда я болѣнь-то не былъ...

Солдатка (къ казану). Какъ же это ты болѣнь-то не былъ?! А кто тебѣ постель-то стлалъ, а кто за тобой все прибиралъ, а кто... да сирosite свидѣтелей то, господа судья (плачется).

1 суд. Ну, молчи теперь... молчи, я тебѣ говорю. (Молчаніе. Писарь шепчетъ 1-му судѣ).

1 суд. Ефимъ Бѣликовъ!

Еф. Бѣл. (изъ сосѣдней комнаты). Здѣсь!

1 суд. Вы что намъ можете подтвердить объ этомъ дѣлѣ?

Еф. Бѣл. Я былъ тогда полицейскимъ, съ нимъ ходилъ (указ. на N) и при мнѣ былъ обыскъ. (Молчаніе; писарь шепчетъ 1-му судѣ).

1 суд. И ведро и савокъ нашли?

Еф. Бѣл. Точно такъ: все нашли.

Солдатка. Какъ нашли?! Да ты не былъ, когда N ведро-то бралъ!..

Казакъ. Какъ онъ не былъ?

Еф. Бѣл. Да когда я не былъ—зачѣмъ мнѣ говорить?! (Начинается перебранка и крики. Писарь шепчетъ 1-му судѣ).

1 суд. Ну погодите, погодите... разберемся по немногу (къ Еф. Бѣл.) присядьте. (Еф. Бѣл. садится на лавку).

Писарь (грриво). Свидѣтельница Дарья Б.! (входитъ старуха).

Дарья Б. Здѣсь я, батюшка.

1 суд. Была ты, когда NN обыскивали?

Дарья Б. Была, батюшка судья.

1 суд. (указывая на Еф. Бѣл.). А этотъ былъ тамъ?

Дарья Б. (всматривается). Нѣтъ; не видала... Не было его.

Солдатка. Ну вотъ, говорила я, что не было: всѣ сосѣди подтвердятъ...

1 суд. Да помолчите... какая право...

2 суд. (къ Дарьѣ Б.). Какъ же было то дѣло?

Дарья Б. Да вотъ они (указывая на N) пришли и начали искать ведро, а она, NN-то, и говоритъ: ну смотри — найдешь, такъ такъ, а не найдешь, такъ будетъ тебѣ оплеуха въ щеку—хоть такой уговоръ? А онъ взялъ лѣстницу и полѣзъ на чердакъ; тамъ и отыскалъ ведро-то. А я—внука я на рукахъ держала—поставила я ребенка-то на полъ, сама ухватила за лѣстницу: даже высоко было—онъ могъ упасть... Вотъ и все. А потомъ я ушла и не знаю ничего. (Въ толпѣ говоръ: „самоуправство, нѣшто такъ можно“)...

1 суд. (заиниаясь). Да, да... такъ, такъ...

Солдатка. Ну вотъ я и говорю, что не было полицейскаго.

1 суд. (къ Еф. Бѣл.). Полицейскій, значить ты не былъ?

Еф. Бѣл. (въ смущеньи и разводя руками). Да, значить, что не былъ...

Солдатка. Ну на что же ты брехалъ-то?.. Это не грѣхъ тебѣ, старичекъ, передъ смертью-то?!

Еф. Бѣл. Да я что жь... я такъ и говорилъ...

Солдатка. Такъ говорилъ! Да вѣдь судьи-то видятъ, какъ ты говорилъ... (Въ толпѣ усиливается шумъ).

1 суд. (возвышая голосъ). Да помолчите вы, ради Бога!.. Свидѣтель X! (Входитъ старикъ).

Свидѣтель X. Здѣсь я.

1 суд. Что вы можете до этого дѣла касательно объяснить намъ.

Свидѣтель X. Мы ничего не знаемъ... Слышали, что у ней ведро пропало, да и только. (Молчаніе).

3 суд. (застѣнчиво). Значить только и знаете, что пропало, а больше ничего?

Свид. X. Только и знаемъ. (Молчаніе. Писарь шепчетъ судьямъ).

1 суд. Ну хорошо. А какъ она въ квартирѣ у него жила: даромъ или нѣтъ?

Свид. X. Обо всемъ этомъ мы не знаемъ ничего.

2 суд. (къ прежнимъ свидѣтелямъ). А вы?

Еф. Бѣл. и Дарья Б. (виѣтъ). И мы не знаемъ... чего не знаемъ, того и говорить не хотимъ...

Солдатка. Какъ же вы не знаете? Да они отрѣкаются, что жъ это!..
Дарья В. Да я слышала, что такъ...

Еф. Бѣл. Да. Да кто жъ ихъ знаетъ: не при насъ рѣдился, — можетъ и брехала баба... (Молчаніе. Судьи глядятъ другъ на друга. Писарь шепчетъ 1 судѣ).

1 суд. Гм... Ну что: не желаете ли помириться?

Солдатка. Нехай мнѣ отдасть ведро я савокъ: при бѣдности моей они нужны...

3 суд. Да какъ же это... надо дознять!

Казакъ. Да вотъ я принесъ другой мой савокъ, вмѣстѣ ихъ покупаль: глядите сами—одинаковые они...

1 суд. Ну подай савки сюда. (Къ зрителямъ). Ну, господа, что вы думаете: одинаковые или нѣтъ? (Толпа придвигается къ судьямъ. Нѣсколько человѣкъ наклоняются и пристально разглядываютъ савки, примѣриваютъ ихъ другъ къ другу, вертятъ въ рукахъ).

Одинъ изъ толпы. Нѣтъ, не одинаковы.

Другой. Одинаковы... гляди...

Третій (передразнивая). Одинаковы!... На ярмаркѣ всѣ они одинаковые.

Четвертый. Ихъ на ярмаркѣ кто распознаетъ!...

Третій. Да у мастера ихъ двѣсти одинаковыхъ. Все это пустое...

2 суд. Нѣтъ, братцы!.. Глядите-ка, какъ рѣзаны-то они (указываетъ на внутреннюю сторону савковъ). Глядите, глядите (водитъ пальцемъ). Я не знаю чего тутъ не понимать: видно что *одна* рука рѣзала.

Одинъ изъ толпы (вглядываясь). Да... издѣлье подходящее (наладываетъ савки другъ на друга) да, одно и есть...

Солдатка. Помилуйте, господа честные! Да Господь посылаетъ, что и человѣкъ на другаго человѣка похожъ выходить, а не то что савки... да на ярмаркѣ... Господи! (толпа продолжаетъ разглядывать савки; говоръ становится шумнѣе).

4 суд. (нагибаясь къ истцу). Ты бы помирился... Послушай, право...

Казакъ (съ усмѣшкой). Конечно!... Покорно благодарю: потерялъ, да еще терять!...

2 суд. (къ толпѣ). Ну тише, помолчите... довольно. (Толпа при стараніяхъ полицейскихъ наконецъ отодвигается къ дверямъ. Молчаніе. Писарь шепчетъ 1 судѣ).

1 суд. (къ тянущимся). Ну... вотъ видите-ка на часъ отсюда. (Тянущиеся и свидѣтели удаляются въ сосѣдную комнату, за ними уходитъ большинство зрителей. Судьи перешептываются. Писарь усленно жестикулируетъ, что-то объясняетъ имъ. Въ сосѣдней комнатѣ шумъ и брань).

1 суд. Ну, позвать ихъ... Полицейскій, зови ихъ. (Всѣ съ шумомъ возвращаются въ горницу). Молчите!... слушайте!... (Писарь читаетъ рѣшеніе, по которому солдатка приеждается къ штрафу въ 3 руб. По окончаніи чтенія наступаетъ молчаніе).

Писарь (въ поглогоса къ судьямъ). Спросите: довольны ли.

1 суд. Ну, довольны ли вы?... Вы, Ѳедоръ Никитычъ, довольны?

Казакъ (смирненно). Доволенъ. Я отъ роду на судилищъ не бывалъ... что мнѣ?!... Довольно и этого...

Писарь. Ну, попросите подписать кого-нибудь за васъ. (Казакъ обращается къ одному изъ зрителей, протягиваетъ ему правую руку, которую тотъ принимаетъ и, подошедъ затѣмъ къ столу, начинаетъ старательно выводить буквы).

1 суд. (къ солдаткѣ). Ну, а вы довольны?

Солдатка. Это чего такое? Я что-то не поняла... (Въ толпѣ ропотъ и шумъ).

1 суд. Да вотъ мы присудили съ тебя 3 руб. уплатить вотъ имъ.

Солдатка. Это за что же?!...

1 суд. Да за квартиру, да за судебныя издержки.

Солдатка. Ой ли!... Нѣтъ, я не довольна. Это что же такое?! Я ходила за больнымъ, я стряпала, я...

2 суд. Ну молчи: слышали мы это.

Солдатка. Да что-же это, Господи! Онъ же меня обидѣлъ, а вы его оправдали... Мое дѣло одинокое, сиротское; вся я здѣсь чужая... (плачетъ) за меня некому заступиться... а вы своего станичника оправдали, потому онъ свой...

1 суд. Молчите!

2 суд. Сказано тебѣ!...

Голоса изъ толпы. Нечего молчать... Правда видно заколола въ глаза-то... Правду она говорить... Видно нашему брату съ казакомъ ужъ и тягаться не приходится—правды не дадутъ... (шумъ и движеніе въ толпѣ усиливается).

Полицейскіе (толкая зрителей въ двери). Чего вы шумите? Убравйтесь... идите вонъ.

Голоса въ толпѣ. Нечего пихаться... Чай такіе же мы люди... Всѣ нынѣ царю-то служимъ—не вы одни... да отстань ты, не то по мордѣ съвѣзжу... ляходѣи...

1 суд. (къ солдаткѣ). Ну что же?

Солдатка. Дайте мнѣ копію...

1 суд. Приходи-ка денька черезъ три.

2 суд. Да хоть завтра...

1 суд. Нѣтъ, завтра дѣла много.

Солдатка. А савокъ, ведро?...

1 суд. Это ему (указывая на казака).

Казакъ (забирая вещи и кланаясь судьямъ). Ну, не дай Господь, чтобы пропадали, не дай Богъ добрыхъ господъ беспокоить... Простите, господа судьи. (удаляется).

Солдатка (плачетъ). Вотъ и праведный судъ... срамота одна... Господь-то вѣдь все видитъ... Вся я одна здѣсь...

2 суд. Ну, переставь ревѣть-то.

1 суд. Замоли... ступай себѣ...

3 суд. Конечно теперь... (Толпа удаляется со страшным шумомъ; чрезъ окно доносится брань на судъ и на «самоуравство». Судьи остаются на своихъ мѣстахъ, храня глубокое молчаніе).

Засѣданіе Аннинскаго станичнаго суда въ августѣ 1883 г. Въ Аннинск. стан. судѣ.

Засѣданіе происходитъ въ низенькой и грязной комнатѣ. На стѣнахъ портреты членовъ Царской Фамиліи, Ермака, атамана Черткова и др. Въ переднемъ углу за столомъ четверо судей. Въ дверяхъ толпа народа. Разбирается дѣло по жалобѣ казака N на казачку NN въ томъ, что она, поднявъ упавшія съ воза N штаны, утаила находившіяся въ карманѣ ихъ деньги 18 р. 50 коп.

1 суд. (прочитавъ жалобу истца, обращается къ отвѣтчицѣ). Ну вотъ видите, какая на васъ жалоба. Что вы можете противъ этого сказать?

Отвѣтчица. Ничего я не скажу. Я вотъ привела дѣвочку свою: она штаны-то подняла и принесла ко мнѣ.

2 суд. Да ты намъ расскажи въ порядкѣ, какъ дѣло-то было?

Отвѣт. Сейчасъ... Вотъ сижу я у себя въ хатѣ; приходитъ моя дѣвочка вотъ (указываетъ на дѣвочку), несетъ штаны. Я ей: гдѣ ты ихъ, говорю, взяла? А она мнѣ: да около база, говоритъ, валялись. А потомъ мнѣ и говоритъ: въ карманѣ, говоритъ, былъ кисетъ, да его взяла другая дѣвочка и унесла. А я говорю: дай-ка, говорю, мнѣ—мы ихъ въ воскресенье вынесемъ къ церкви... Вотъ и все.

1 суд. Такъ, такъ. Ну а не знали-ли вы, что тамъ въ карманѣ было?

Отвѣт. Не знала, господинъ судья, а только я расчесочку въ карманѣ нашла—это правда.

2 суд. А кисета не видала?

Отвѣт. Не видала я, господинъ судья. Она мнѣ сказала (указ. на дочь), что какой-то кисетъ, а я еще на это говорю: ну, какой тамъ, говорю, кисетъ.

Истецъ. Брешеть баба! Это она нарочно такъ...

2 суд. Погоди, погоди: вѣдь разсудить надо же по порядку.

1 суд. (къ отвѣтчицѣ). Ну, такъ... Что дальше-то, расскажите намъ?

Отвѣт. Ну вотъ, проходитъ мимо N (истецъ), я ему и говорю: N, не ты ли штаны-то обронилъ? А онъ мнѣ: я, говоритъ, обронилъ. Ну я...

2 суд. Постой! Да какъ же ты узнала, что онъ обронилъ?

Отвѣт. Да некому кромѣ его: онъ проѣзжалъ.

Ист. Много тамъ народа и безъ меня проѣзжало.

2 суд. Такъ... Ну-ка, дѣвочка, поди-ка сюда (дѣвочка лѣтъ 7-ми

приближается къ столу). Что было въ карманѣ, въ штанахъ, когда ты ихъ привнесла къ матери?

Дѣвочка. Расчесочка. .

1 суд. А больше ничего не было?

Дѣвочка. Ничего.

2 суд. (съ судьями вполголоса). Если Н ѣхалъ, и съ воза свалились онѣ, то должно имъ ближе къ середкѣ дороги быть (къ дѣвочкѣ громко). Что близко или далеко отъ плетня штаны-то валялись? ну?

Дѣв. Близко...

2 суд. Гм... Ну ты видѣла другую-то дѣвочку?

Дѣв. Видѣла.

1 суд. Что же она дѣлала?

Дѣв. Она вынула деньги и побѣж...

2 суд. Какъ! ты видѣла деньги?

Отвѣт. Да она видѣла, какъ дѣвочка взяла кисетъ, а въ кисетѣ деньги...

2 суд. (съ досадой). Да замолчи!.. (Къ дѣвочкѣ). Ну? что ты видѣла?

Дѣв. (тихо). Взяла кисетъ, а въ кисетѣ деньги... (2 судья дѣлаютъ недовольное движеніе).

1 суд. Чья же это дѣвочка?

Дѣв. Я не знаю.

1 суд. (къ 2-му судья). Все это можетъ быть... А у него нѣтъ свидѣтелей.

2 суд. (начаетъ головой; послѣ молчанія къ дѣвочкѣ). Да ты вѣдь знаешь, чья эта дѣвочка (дѣвочка молчать; въ томихъ сдержанный говоръ).

Отвѣт. Да не знаетъ она, господинъ судья.

Ист. Не было никакой дѣвочки. Я десять днѣй искалъ, время потерялъ—пора-то вѣдь рабочая—все даромъ. Одна брехня.

Сторонний (выдвигаясь изъ толпы). Господа судьи, явно вѣдь, что деньги взяты ими.

2 суд. Вотъ въ томъ-то и дѣло! Какъ бы не пришлось ихъ въ штанамъ-то приполтинить.

1 суд. Пойдите. Коли нѣтъ доказательствъ, что-же тутъ. (Къ истцу). Что вы можете добавить? Можетъ быть вами не все выяснено?

2 суд. Да что тутъ еще?! Мы видимъ, какъ дѣло есть.

1 суд. Позвольте, позвольте... вѣдь у насъ доказательствъ нѣтъ никакихъ и свидѣтелей нѣтъ. Кто вынулъ деньги — мы не знаемъ... Да наконецъ были-ли деньги тамъ, мы тоже не знаемъ (озирается на всѣхъ съ легкой улыбкой).

Ист. Да для чего же я брехать-то буду? Вѣдь я десять днѣй потерялъ исканья: неужели-жъ это даромъ?!

2 суд. Обыкновенно, что нѣтъ свидѣтелей—да оно и такъ выказалось дѣло-то.

1 суд. Да позвольте же...

2 суд. (горячо). Я одно знаю: кабы мнѣ дочь сказала, что изъ штановъ были взяты деньги, такъ я и не прикоснулся-бы къ штанамъ, а тутъ еще и того, кто потерялъ, знаютъ.

1 суд. Ну ужъ какъ бы тутъ ни было, а нѣтъ доказательствъ. Такъ по закону...

Голосъ изъ толпы. Этакъ, братъ, можно, что хонь поворотить!

2 суд. Чудно! дѣвочка не знаетъ ту, что кисеть взяла...

Отвѣт. Да какой въ ней умъ-то: вѣдь она маленькая.

Мужъ ответчицы (выдвигаясь изъ толпы). Да что-жъ намъ, корысть какая, что ли? Очень нужно! Что вы тутъ!..

2 суд. Послушай: нельзя вѣдь стороннимъ вмѣшиваться, когда разбирается дѣло.

1 суд. Да, ужъ помолчите, пожалуйста.

Мужъ отвѣт. Дитя-то вѣдь мое; я не сторонній... Что-жъ это: Н не остерегся, а мы виноваты?!

2 суд. Въ томъ-то и дѣло: вамъ самимъ-то съ женой осторожиѣ себя держать должно-бы. Къ чему жена твоя взяла штаны, коли знала, что деньги изъ нихъ взяты? Отчего она не погналась за той дѣвочкой?

1 суд. Все такъ. Да какъ же безъ доказательствъ то...

2 суд. (дѣлаетъ нетерпливое движеніе). Гм... да... (къ ястцу). Ну, а когда NN тебѣ отдавала штаны...

Ист. Она подозвала меня да и говорить: твой это?..

2 суд. Постой. Когда она тебѣ отдавала, сказывала она, что деньги взяла какая то дѣвочка?

Ист. Нѣтъ, не сказывала, а когда я спохватился, тогда сказала.

2 суд. (пожимаетъ плечами и, насильливо улыбаясь, глядитъ на 1 судью). Ну?! (1 суд. нагибается и всѣ четверо шепчутся, оживленно жестикулируя. 2 судья нѣсколько разъ отрицательно киваетъ головой говоря: „нѣтъ... не могу... нѣтъ“). Но наконецъ онъ недовольнымъ тономъ довольно громко говорить). Ну, кончимъ что ли...

1 суд. (къ тянущимся). Ну... мы желаемъ васъ помирить... Богъ знаетъ это дѣло.

2 суд. (къ отвѣт.). Ну, скажи по правдѣ: вѣдь вотъ Богъ-то (указываетъ на образъ).

Отвѣт. Да вотъ ей Богу же! (крестится).

1 суд. Здѣсь клясться нельзя и болбу мы принять не можемъ, а вы можете прожежь себя... помиритесь.

Ист. Да конечно... Богъ разсудитъ—только я...

Отвѣт. Да что я воровка что ли?

Мужъ отвѣт. Нужно намъ грѣшить то?!

1 суд. Оставьте это: развѣ такъ мирятся... (тянущіеся продолжаютъ пререманія; говоръ въ толпѣ).

2 суд. (возвышая голосъ). Ну... ну... Оставьте, оставьте... замолчите!... (Молчаніе. Судья въ нерѣшимости переглядываются)

1 суд. (къ истцу). Ну... ги... ну, что... штаны ваши пеньковья?

Ист. Пеньковья.

1 суд. Да... такъ... (къ дѣвочкѣ). А ты ихъ какъ увидала, такъ сейчасъ и подняла.

Дѣв. Да.

1 суд. (къ остальнымъ судьямъ). Да... Какъ же бы это... А вѣдь законъ... (2 судья съ досадою отворачивается, потомъ быстро встаетъ и удаляется изъ горницы. За нимъ уходятъ остальные судьи. Немного спустя они возвращаются. 1 суд. записываетъ въ книгу. Тяжущіеся слова начинаютъ пререканія: сначала вполголоса, затѣмъ все громче; къ нимъ присоединяются посторонніе).

2 суд. (глядѣвшій все время съ недовольнымъ видомъ въ окно, поворачиваясь). Стой!.. Говорю вамъ: довольно. Коля рѣшеніе пишется—аминъ дѣло. (Вѣсь смолваютъ).

1 суд. (читаетъ). По недоказательности оставить жалобу казака *Н* безъ послѣдствій (2 судья опять угрожо глядитъ въ окно и барабанитъ пальцами по столу. Въ толпѣ говоръ и смѣхъ).

Наказанія.

Въ былое время, когда судъ находился всецѣло въ рукахъ казацкихъ общинъ, станичный кругъ чинилъ и **р а с п р а в у**. Постановленное рѣшеніе тотчасъ же приводилось въ исполненіе. Обыкновенное наказаніе въ былое время, налагавшееся за самыя тяжелыя преступленія, было — „въ кулъ, да въ воду“. Преданія объ этомъ наказаніи сохранились среди казаковъ до нашихъ дней. Впослѣдствіи, когда сложилось „всевеликое войско“, казни совершались лишь въ главномъ Войскѣ. Такъ *А. Ригельманъ* сообщаетъ слѣдующее: „за оскорбленіе обществу, возмущеніе, злодѣйское убійство и междуусобное воровство виновникъ, есть ли тому хоть два свидѣтеля за-свидѣтельствуютъ, общимъ приговоромъ, безъ изыятія, наказывался по состоянію вины, а болѣе смертію. Преступниковъ, подлежащихъ смерти, топили, а тѣмъ, которыхъ преступленія не столь важны были, насыпали песку въ платъе и съ тѣмъ ихъ на нѣсколько времени въ воду сажали; въ новѣйшія же времена злодѣямъ и головы рубили, также и вѣшали, на поставленномъ стой-

Въ былое время.

Смертная казнь.

мя нарочно для того посреди города на площади, великомъ якорѣ за шею, а по иной винѣ и за ноги; вмѣсто смерти подѣ тѣмъ якоремъ плетью бивали и за безчестнаго уже считали. Однако же оныя наказанія только въ главномъ войскѣ бывали (I. с. р. 10)⁴. Казнь чрезъ отсѣченіе головы, по словамъ г. Краснова, была впервые введена при Булавинѣ (Рус. Рѣчь 1881 г.). Виновные наказывались такъ же лишеніемъ правъ гражданства, которое выражалось въ такой формѣ: и на томъ ослушникѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ“ (Соколовскій I. с. р. 213). За менѣ тяжкія преступленія полагались другія наказанія, продержавшіяся у казаковъ отчасти до самаго новаго Положенія. Били плетью, розгами и палками на полныхъ станичныхъ и хуторскихъ сборахъ за огурство, воровство, несоблюденіе постовъ (Савел. Трехсл. с. 107), предубодѣніе и пр. Такъ, въ Казанской ст. въ 1800 г., 15 января, крестьянинъ П. С. „за скверныя похвалки и за предубодѣніе наказанъ при ст. избѣ палками“. Казакъ, за кражу у казачки махотки сметаны и корчаги кислаго молока, „былъ сѣченъ на сборѣ розгами“. Другой казакъ за неоднократную покражу овецъ изъ ватаги бить плетью на полномъ ст. сборѣ, о чемъ было занесено въ штрафную станичную книгу, и обязывался вознаграждать хозяина овецъ (Тим. I. с. р. 159). Часто въ наказаніе посылали безъ очереди на службу на 1—3 переѣны. Этому наказанію подвергались казаки обыкновенно за воровство, пьянство, развратъ, непослушаніе и въ особенности за нерадѣніе къ хозяйству. „Ничего не стоило, говоритъ г. Тимошенко, какому нибудь поселку приговорить своего согражданина къ безсрочной службѣ: поселокъ увѣдомлялъ только стан. правленіе о неблагонадежности извѣстнаго лица; ст. правленіе доносило куда слѣдовало, и обвиняемый командировался немедленно“ (I. с.). По рассказамъ казаковъ, въ то время особенно боялись приговора: „на двѣ переѣны въ Грузію“. Въ Грузіи служба была необыкновен-

Лишеніе права гражданства.

Тѣлесныя наказанія.

Безочередная служба.

но трудная и опасная, такъ что отправлявшійся туда рѣдко возвращался домой; не даромъ и въ пѣснѣ казацкой поется:

Ты, шельма злодѣюшка, Грузинская сторона,
Безъ вѣтру и безъ вихрю засушила молодца,
Присушила черныя кудерцы на буйной головѣ,
Вынула кровь-румянецъ съ мово бѣлаго лица,
Заставила добраго молодца пѣшимъ ходить,
Заставила руки въ пазухѣ носить (Сав. 31).

Общественныя
работы.

За мелкое воровство и за развратъ (Тим.) заставляли исполнять общественныя работы. За болѣе или менѣе крупныя проступки, по усмотрѣнiю суда, сажали въ тягилевку (тюрьму), въ подполье (мѣсто подъ поломъ ст. правленiя, куда, приподнимая доску въ полу, сажали виновнаго на 1—2 дня) (Тим.). Въ Казанской

Лишенiе сво-
боды.

ст. былъ слѣдующiй случай. Свекоръ имѣлъ любовную связь со своей снохой. Жена его и сынъ (мужъ снохи) явились на общинный судъ съ жалобой. Судъ, разобравъ дѣло, приказалъ виновному тутъ же мириться съ женой и сыномъ и не дѣлать грѣха, а въ противномъ случаѣ грозилъ ссылкой на долгiй срокъ безъ очереди на службу. Преступникъ на колѣняхъ просилъ прощенiя у жены и сына и былъ ими прощенъ. Послѣ этого судъ приговорилъ посадить прелюбодѣя и кровосмѣсителя въ подполье на два дня (1. с.). Другой случай: „казака унесъ изъ церкви, съ намѣренiемъ воровства, теплую шапку, обложенную поплиновымъ позументомъ, и за это былъ арестованъ при ст. тюремѣ на три дня“ (ibid). Заключеннымъ нерѣдко забивали ноги въ колодки (Ригельм.). Въ 1800 г., въ Казанской ст. „казака явился во время сбора въ ст. избу пьяный, вышелъ изъ благопристойности, кричалъ и сталъ ругать стариковъ разными скверными словами, а какъ онъ былъ замѣченъ и прежде, то его и не выпустили изъ избы, а посадили въ колодку и черезъ день наказали плетью“ (Тим.). Въ Нижнекурмоярской ст. мнѣ сообщали, что преступниковъ здѣсь прежде сажали въ колодки весьма нерѣдко, при чемъ

послѣднія были или „большія“ или „малыя“. Первые состояли изъ большаго бревна, въ которое засовывали ноги нѣсколькимъ человѣкамъ сразу, такъ что имъ приходилось сидѣть въ рядѣ; или же привѣшивали короткое бревно къ ногамъ преступника и водили его по улицѣ въ сопровожденіи полицейскаго казака. Въ Пятиизбянскомъ ст. правленіи мнѣ показывали желѣзныя колодки, которыя прежде надѣвались на руки и на ноги заключенному. Провинившихся наказывали и штрафомъ въ пользу станицы. Почти всякое изъ наказаній сопровождалось еще могоарычемъ судьямъ, т. е. угощеніемъ виномъ всего общества. „Виновный, большей частью, самъ покупалъ обществу водку и все, что требовали; если же онъ не дѣлалъ этого добровольно, то общество само брало за его счетъ. Для этого оно снимало съ виновнаго платье и брало другое какое имущество и закладывало кабатчику, или продавало тутъ же съ аукціона желающимъ изъ присутствующихъ. Это называлось ободратъ виноватаго“ (Тим.). Угощеніе водкой общины или истцовъ и судей примѣнялось въ качествѣ самостоятельнаго вида наказанія, какъ штрафъ на поемъ (Савел. „Трехсл.“ с. 107), особенно за неисполненіе общественныхъ работъ. „Если кто не являлся безъ уважительной причины на общественную работу—говоритъ г. Тимощенко—то, та часть гражданъ, въ сообществѣ которой онъ долженъ былъ работать и которая въ такомъ случаѣ обрабатывала его часть, является къ нему и обдираетъ его на рубль, на два и болѣе, смотря по величинѣ работы, на которую виновный не явился“ (I. с.). Этотъ обычай штрафа водкой, въ случаѣ неучастія въ общественныхъ работахъ, не исчезъ и понынѣ: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ верховыхъ станицъ и хуторовъ, мнѣ сообщали о немъ. Штрафъ водкой налагается на виновнаго сплошь и рядомъ при разбирательствахъ не официальныхъ напр. на судѣ ватажнаго атамана, дружки и пр. Присуждалось

«Напой».

«Обдираніе».

Церковное покаяніе.

Посрамленіе

Такъ при просмотрѣ Верхнекурмоярскаго ст. архива я наткнулся на слѣдующій случай: 11 марта 1856 г. одна казачка за строптивость нрава была наказана тѣмъ, что ей велѣно сидѣть цѣлую недѣлю при ст. избѣ и ходить за это время каждый день въ церковь для раскаянія. Весьма распространено было прежде и у казаковъ по срамленіе виновнаго посредствомъ вожденія его по улицамъ станицы или хутора. Такъ наказывали обыкновенно воровъ, пойманныхъ съ поличнымъ и прелюбодѣевъ. „Ворамъ связывали руки и навязывали все украденное ими на шею, а прелюбодѣевъ связывали рука съ рукою, и въ обоихъ случаяхъ, вода по улицамъ били въ ведра, заслонки, кадушки и пр. Обыкновенно тутъ же какъ воровъ, такъ и уличенныхъ въ прелюбодѣяннн били иногда до увѣчья“ (Тим.). Такъ въ Казанской ст. водили двухъ казачегъ, совершившихъ покражу; водили съ украденными вещами (1 четверигъ пшеничной муки, 2 дубленыя шкуры, 5 паръ подошвъ, два окорока свиныхъ, подзатыльникъ съ кички и два платка) по станицѣ и свѣли на сборѣ розгами. Въ этой же станицѣ мужика, нарядивъ въ украденную женскую юбку, водили съ барабаннымъ боемъ; казака, укравшаго два хомута, корыто, чересло, буравцы, долота и пр. наказали тѣмъ, что присудили: выпить съ него два ведра водки, взвалить ему на голову украденное имущество, а потомъ, положивъ все въ корыто и привязавъ къ нему веревку, заставить его таскать по всему поселку; водили его до тѣхъ поръ пока онъ не упалъ безъ чувствъ на землю (1. с.). Въ Гниловской ст. мнѣ сообщали, что въ старину и здѣсь водили воровъ по улицѣ, причемъ одинъ изъ станичниковъ шелъ впередъ и ударялъ въ казанъ. Въ ст. Маринской также водили прежде воровъ съ навѣшенными на шеѣ украденными вещами, причемъ за ними бѣжали мальчижи и „стыдили“ ихъ. Послѣ обхода по станицѣ вора привязывали на показъ къ одной изъ трехъ каменныхъ бабъ, поставленныхъ передъ станичною избой. Въ окрестностяхъ

ст. Нижнекурморской, срамили воровъ сплошь до введенія новаго Положенія. Разъ поймали казака, укравшаго воловью шкуру; прорѣзавъ въ шкурѣ дыру и проткнувъ въ нее голову вора, водили его по улицамъ и переулкамъ. Время было жаркое и воръ изнемогалъ отъ утомленія, а станичники безъ устали били его палками. „Этимъ—говорили казаки—прежде и весь судъ кончался: публикуютъ его, какъ вора или какъ любодѣя, чтобы всякій зналъ—вотъ и все“. Въ Верхнекурморской ст., при вожденіи вора по улицамъ, за нимъ бѣгали толпой ребята и бабы, „называя его воромъ и всячески стыдя“, били въ казаны и ведра и плевали ему въ лицо.

За прелюбодѣянiе „срамили“ подобными же способами. Такъ въ Казанской ст. за побѣгъ жены изъ дома мужа съ любовникомъ, ст. правленіе приговорило „связать виновныхъ (казачку и мужика) рука съ рукой и водить по станицѣ съ барабаннымъ боемъ“ (Тим.). Въ Пятиизбянской ст. въ прежнее время, поймавъ казака съ чужой женой, снимали съ него порты, а женщинѣ поднимали вверху юбки и, связавъ обоихъ снятыми съ казака портами, водили по станицѣ, навѣшивая, кромѣ того, на шею ихъ ведра, въ которыя и ударяли во время шествія. Сопровождавшіе также несли ведра и ударяли въ нихъ. Во многихъ верховыхъ станицахъ уличенную въ прелюбодѣянiи казачку водили съ хомутомъ на шеѣ. Въ Евтеревской ст. мнѣ рассказывали, что еще не такъ давно здѣсь среди зимы срамили казака и казачку за прелюбодѣянiе, при чемъ съ казака сняли порты. Сначала ихъ подводили къ ст. избѣ, потомъ къ хатѣ станичнаго атамана (въ другихъ мѣстахъ подводили виновныхъ и къ жилищамъ офицеровъ): „покажутъ и поведутъ дальше“.

Нынѣ подобныя „посрамленія“ строго запрещаются. Но казаки во многихъ мѣстностяхъ чистосердечно признавались, что если бы они не боялись отвѣтственности, то стали бы и нынѣ употреблять этотъ способъ наказанія провинившихся.

Но обычай „объявлять“ виновныхъ въ прелюбодѣянїи посредствомъ обмазыванія хаты дегтемъ и грязью, посредствомъ выбиванія стеколъ въ окнахъ или отрѣзыванія хвостовъ у воловъ, коровъ и коней или вытрясыванія на улицу пуха изъ перины и т. п., сохранился и по сей день въ полной силѣ. Все это дѣлають и вообще изъ желанія мести, „чтобы причинить врагу своему неприятность“. Еще въ 1881 году въ ст. Малодѣльской, вымазали у двухъ почтенныхъ жителей совершенно новыя ворота дегтемъ (Д. О. В. 1881, № 8); а изъ ст. Старочеркасской сообщали еще въ 1882 г. слѣдующее: „молодой человекъ гулялъ на одной вечеринкѣ вмѣстѣ съ дѣвушкой, за которой онъ ухаживалъ; ушли они вмѣстѣ, а на другой день въ ливадѣ, чрезъ которую они проходили, нашли на деревѣ изорванную юбку дѣвушки“; „местъ ли это или грубая насмѣшка“ осталось неизвѣстнымъ (Д. О. В. 1882, № 12).

Желая опозорить дѣвушку, казаки обрѣзываютъ ей косу. Такъ одна дѣвица просватана была родителями противъ ея собственнаго желанія. Она заплакала и согласилась подчиниться воли родительской. Но прежній ея любовникъ, разсердившись, задумалъ обезчестить ее и тѣмъ отомстить ей. Въ то время, когда женихъ и невѣста введены были въ церковь и уже начался обрядъ вѣнчанія, казакъ осторожно пробрался къ невѣстѣ и мгновенно острымъ ножомъ отрѣзалъ у ней косу. Сваха хотя и ударила всею силою руки на отмашь, но было уже поздно. Поѣзжане за волосы выволокли этого казака изъ церкви и тутъ съ общаго совѣта, „съ своего суда“ избили его до полусмерти. Тѣмъ дѣло и кончилось (Д. О. В. 1875, № 88). По словамъ казаковъ, еще весной 1883 года въ окрестностяхъ Пятиизбянской ст. былъ подобный же случай отрѣзанія косы казакомъ у дѣвушки изъ мести. Сорвать на улицѣ съ головы женщины платокъ такъ же обозначаетъ изобличеніе въ прелюбодѣянїи.

Должникъ, не уплатившій долга добровольно, давалъ

этимъ самымъ въ прежнее время право заимодавцу ободрать его, т. е. снять съ него шапку, платье или самовольно взять какое либо другое имущество. Особенно рѣзко выказывался этотъ опозоривающій обычай при роспускѣ возвратившихся съ полевой службы казаковъ (Тим.). Во время моего пребыванія въ Старочеркасской ст. ко мнѣ приходилъ одинъ старикъ-казакъ спросить совѣта: можетъ ли онъ у своего должника отобрать барана и затѣмъ продать его постороннему: „пускай вѣдается тогда съ нимъ, какъ знаетъ, а мнѣ бы только свои деньги выручить“.

Шапку нынѣ отбираютъ не рѣдко кабатчики за неуплаченную косушку водки, но подобное дѣйствіе подаетъ поводъ къ ссорѣ и дракѣ (зап. въ Евтеревской ст. и др.).

„Положеніе“ 1870 года совершенно отмѣнило тѣлесное наказаніе и положило такимъ образомъ главное отличіе между станичнымъ и волостными судами. *). Станичный судъ властенъ приговаривать виновныхъ лишь къ общественнымъ работамъ до шести дней или денежному взысканію до трехъ рублей, или аресту до семи дней. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого суда (ст. 39). Опредѣля тотъ или другой видъ наказанія, судьи, по собственнымъ ихъ словамъ, стараются назначить такое, которое было бы „почувствительнѣе“. По этому напр., если они видятъ, что виновный—человѣкъ богатый и три рубля ему не трудно выплатить, то они приговариваютъ его къ аресту. При опредѣленіи денежнаго взысканія также сообразуются со степенью благосостоянія обвиненнаго и стараются бѣднаго не обременять чрезъ мѣру. Иногда присужденные къ аресту или къ работамъ просятъ судъ отсрочить наказаніе до окончанія

Наказанія по
положенію
1870 года.

*) Другія отличія: 1) кассацион. инстанція для ст. судовъ—сѣздъ мировыхъ судей (ст. 50) 2) сдѣлки и обязательства, записываемыя въ книгу при ст. правленія могутъ достигать суммы 500 руб. сер. (ст. 28).

рабочей поры. Въ однихъ ст. судахъ эти просьбы, если они справедливы, уважаются и наказаніе отсрочивается, но въ другихъ мѣстностяхъ, такія просьбы вовсе не принимаются. Тогда обвиненные стараются выиграть время чрезъ обжалованіе рѣшенія ст. суда.

Арестъ отсиживаютъ въ ст. избѣ. Для этого во многихъ изъ посѣщенныхъ мною станицъ устроены отдѣльныя помѣщенія, которыя зимою отапливаются. Въ такихъ арестантскихъ поставлены широкія нары. Въ нѣкоторыхъ станицахъ есть особыя отдѣленія арестантской для женщинъ и особыя для мужчинъ. Но въ большинствѣ изъ посѣщенныхъ мною мѣстностей этого раздѣленія нѣтъ, „такъ какъ рѣдко случается что наказываютъ арестомъ въ одно время мужчину и женщину“. Въ иныхъ мѣстностяхъ для арестантовъ нѣтъ особаго помѣщенія: они остаются въ сборной горницѣ, подъ надзоромъ сидѣльцевъ. Питаются арестованные казаки обыкновенно (насколько мнѣ извѣстно) на свой счетъ. Въ однихъ станицахъ родственники приносятъ имъ пищу (напр. въ Верхнекур.); въ другихъ же (напр. въ Чернышевск. ст.) арестанты сами ходятъ обѣдать къ себѣ на домъ въ сопровожденіи полицейскаго, „чтобы всѣ знали“. Но иногда арестованнаго кормятъ на счетъ истца: „я тебя самъ кормить буду, говоритъ истецъ, только сиди“. Разъ отвѣтчикъ хотѣлъ было заявить свое недовольство рѣшеніемъ суда, который присудилъ его къ аресту, но, подумавъ, онъ спросилъ истца: „а кормовыя заплатишь?“ — Заплачу. — „Ну, я доволенъ“. (зап. въ Гниловск. ст.).

Взглядъ казакъ на современную систему наказаній.

Казаки (покрайней мѣрѣ тѣ, съ которыми мнѣ доводилось бесѣдовать), повидимому, не довольны постановленіями „Положенія“ 1870 г. касательно наказаній. Покрайней мѣрѣ, мнѣ доводилось слышать въ станицахъ, другъ другу самыхъ противоположныхъ, горькія жалобы на то, что существующія наказанія не достигаютъ цѣли. Привожу буквально нижеслѣдующіе отзывы казакъ, слышанные мною въ разныхъ мѣстностяхъ, „Сла-

ду нынѣ съ народомъ не стало—говорили мнѣ не разъ казаки,—воли много дали... всякую боязнь потеряли, потому наказаніе малое по нынѣшнему положенію—лихой человекъ только подсмѣивается“. „Рано у насъ уничтожили сѣченіе; надо бы дозволить сѣчь хоть бы по опредѣленію сбора. Особенно молодымъ людямъ было бы это полезно, а арестъ не помогаетъ: онъ посидитъ, а потомъ выдетъ какъ ни въ чемъ не бывало, да еще смѣется“ (зап. въ Верхнекум.)... „Розга честнѣе ареста: арестъ что?—его посадятъ, а онъ посмѣивается,—„я, молъ, ужъ не служу, ко мнѣ самому карауль представленъ; видно не малъ человекъ, коли часовыхъ поставили“,—вотъ онъ что говоритъ!.. или скажетъ: „вотъ я на арестъ-то и поотдохнулъ, отсидѣлъ да опять правъ, а вы служите мнѣ!.. А розги-то онъ боялся бы“ (зап. въ ст. Малодѣя.). „Арестъ—нѣтъ ни что: арестомъ у насъ народъ похваляется. Розги дозволить лучше будетъ, потому это стыдно“ (зап. въ Аннинск. ст.). „Плеть и розгу хорошо-бы опять завести—острастка будетъ“ (Ярыженск. ст.). „Въ старинку матушку попроще было—говорили казаки (въ Пятиизбянской ст.)—тогда атаманъ-то и безъ приговору сѣкъ, по соглашенію только со стариками, и хорошо все было. А нынѣ такое пошло, что и придумать хуже не можно: вотъ у насъ въ станицѣ мы забыли, когда и порядокъ то былъ“!..—„Да не худо бы было строгости поприбавить—такъ разсуждали казаки въ Чернышевской ст.—по теперешнему положенію штрафъ три рубля: что такое три рубля?!.. да три-то рубля всякій отдастъ, чтобы побить другаго: богатому этакъ человекъ десять въ день переколотить не стѣснительно“. Одинъ только разъ я слышалъ противоположный взглядъ отъ двухъ казаковъ, съ которыми я ѣхалъ на пароходѣ между станицами Старочеркасской и Маріинской: „наказанія розгами, говорили они, казакъ не стерпитъ—вѣдь казакъ не мужикъ, это вѣдь мужикъ можетъ просить розгу взаменъ штрафа“... Говорившіе это были казаки-торговцы.

Быть может, этотъ взглядъ на указанные закономъ предѣлы для наказаній, какъ на слишкомъ тѣсные, и заставляетъ станичные суды вѣсьма не рѣдко „приговаривать виновныхъ ко взысканію въ мѣрѣ превышающей указанную въ ст. 39 Положенія“. Такъ нерѣдко суды приговариваютъ къ штрафу, значительно превышающему цифру, указанную въ „Положеніи“: вмѣсто трехъ рублей взыскиваютъ по 15, 20 рубл. сер. Мнѣ рассказывали, будто въ сѣ. Кагалинской судьи присудили одного казака къ штрафу въ 100 рубл. Денегъ у него при себѣ не было. Тогда отравились къ его женѣ, а такъ какъ ея не было дома, то порѣшили взять въ уплату ворота и заборъ *). Не рѣдко ст. суды присуждаютъ къ аресту „на хлѣбъ и водѣ“ или „на хлѣбъ и водѣ въ уменьшенной порціи“ и т. п. Въ Чернышевскомъ ст. судѣ присудили одного къ аресту на цѣлый мѣсяц **). Алексѣевскій ст. судъ марта 5-го, 1877 года, за присвоеніе чужой собственности постановилъ наказатъ виновнаго казака при станичномъ правленіи 12 ударами розогъ ***).

Работы сообща. Работы и промыслы сообща и артельные формы труда извѣстны въ казацкомъ быту ****). . Въ былое

*) Справедливость сообщаемого свѣдѣнія провѣрить не могъ.

***) Былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ приговоръ мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

****) По словамъ г-на начальника Хоперскаго округа, приговоръ этотъ исполненъ не былъ.

*****) Между словами равнозначущими съ выраженіемъ „артель“ я особенно часто слыхалъ на Дону слово „шайка“: „шайкой ловятъ рыбу“, „шайкой гуляютъ“, „шайкой пьютъ водку“ и т. п. Это напомнило мнѣ слышанное мною на крайнемъ сѣверѣ—въ губ. Олонцкой и Архангельской (Онеж. уѣзда) частое употребленіе слова „артель“, напр.: „артель утокъ“, „комары у насъ все артелью летаютъ“, „ар-

время, какъ уже сказано, всѣ донскіе казаки жили арте- Старинныя ар-
лями — „сумами“ человекъ по десяти и болѣе, имѣя телы — «сумы».
все, кромѣ денегъ, общее. „Средства къ жизни по словамъ
г. Тимощенкова, они получали отъ добычи надъ непріа-
телями, охоты за дичью въ степяхъ и рыбной ловли.
Промыслы эти ими производились сообща, всею стани-
цею. Все добытое дѣлилось поровну между всѣми уча-
ствующими. Дѣлежъ этотъ (дуванъ) производился не-
премѣнно при возвращеніи съ похода, не доходя до ста-
ницы *). Получивъ слѣдующую часть добычи, каждый
отдавалъ ее въ артельное имущество. Выборъ арте-
ли зависѣлъ отъ воли каждаго. Переходъ изъ одной
артели въ другую возможенъ былъ во всякое время. При
этомъ переходившій получалъ слѣдующую часть изъ всего
наличнаго артельного имущества. Также вольно было
каждому, взявъ все, идти въ другую какую станицу или
куда угодно. Если артель считала что-либо изъ иму-
щества своего себѣ излишнимъ, напр. какіе нибудь
предметы роскоши, добытые отъ непріятелей: ковры,
камки, мѣха, шелковыя матеріи и проч., то она про-
давала все это тутъ же на мѣстѣ пріѣхавшимъ изъ
Россіи купцамъ или отправляла все это для продажи въ
русскіе города съ кѣмъ-либо изъ своихъ сочленовъ. Вы-
рученныя за проданное имущество деньги шли на прі-
обрѣтеніе для артели разныхъ жизненныхъ продуктовъ,
а также пороху, свинцу, струговъ (лодки), тенетъ, сѣ-
тей и проч. Если же во всемъ этомъ не было нужды, то
вырученныя деньги дѣлились поровну между всѣми чле-
нами артели и обращались въ личную собственность
каждаго. Позже станицѣ присылалось жалованье отъ
Царя, состоявшее обыкновенно въ деньгахъ, хлѣбѣ.

тель почтовыхъ марокъ“ т. е. нѣсколько марокъ наклеенныхъ на
одномъ конвертѣ и т. п.

*) Такъ въ Казанской ст. дувалили дуванъ верстахъ въ 6 отъ ны-
нѣшняго поселенія и въ верстахъ въ 2 отъ стараго городка на „ду-
ванной полянѣ“ (I. с.)

свинцѣ, порохѣ и сукнѣ. Имъ граждане распоряжались также какъ и добычей“. Это артельное начало въ Казанской ст., а быть можетъ и въ иныхъ, просуществовало до самаго конца XVIII вѣка. Въ морскихъ казацкихъ поискахъ, производившихся также сообща, принимали участіе нерѣдко и прѣзжіе съ Руси купцы. Они снабжали казаковъ оружіемъ и порохомъ, за что и выговаривали себѣ при дуванѣ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ всей добычи. Такъ изъ приказа Казанскаго дворца въ Посольскій 15 сентября 1685 г. сообщалось между прочимъ, что „купецкіе люди прѣзжаютъ къ нимъ (казакамъ) съ Воронежа и съ Ельца и изъ иныхъ украинскихъ городовъ... и ружье имъ на ссуду даютъ изъ полу и изъ трети“ (И. о. II с. 579). Нынѣ въ низовьяхъ Дона, гдѣ рыбная ловля производится въ значительныхъ размѣрахъ встрѣчаются казацкія рыболовныя ватаги. Вотъ что мнѣ рассказывали казаки въ ст. Гниловской. „Ватагу забродчиковъ набираетъ кто-нибудь изъ богатыхъ казаковъ, самъ участвуя въ ней капиталомъ, справивъ „посуду“ — волокушу и пр. Такой казакъ приглашаетъ станичниковъ: кому угодно ребята ко мнѣ съ пая“. Участвующій капиталомъ такимъ образомъ становится „хозяйномъ“ а остальные пайщики — „забродчиками“. На обязанности хозяина лежитъ устроить жилище — „пріютъ“ для членовъ ватаги и позаботиться о справкѣ всего необходимаго для промысла. Самъ онъ получаетъ при дуванѣ пая 3 или 4, или же половину всего промысла. Число членовъ въ такой ватагѣ простирается до 15—16—17 человекъ. Если къ хозяину набирается человекъ 30, то онъ дѣлитъ ихъ на 3 ватаги. Въ забродчики идутъ обыкновенно бѣдные казаки изъ одной съ хозяиномъ станицы или изъ сосѣднихъ, или же иногородніе; принимаютъ всякого: „всякій годится, лишь-бы работникъ былъ“. Въ забродчики принимаетъ хозяинъ кого хочетъ. Каждый забродчикъ получаетъ одинъ пай. Изъ числа забродчиковъ выбирается одинъ „заводчикъ“ или „атаманъ“. Онъ обязанъ направлять ходъ работы и смотрѣть за порядкомъ въ артели,

Товарищества
въ военныхъ
поискахъ.

Рыболовныя
ватаги.

за посудой и за неводомъ. Забродчики должны ему безпрекословно повиноваться. Атаманъ обыкновенно получаетъ на свою долю 2 пая, а то и 3. Въ атаманъ выбираютъ обыкновенно человѣка опытнаго („онъ долженъ понимать въ дѣлѣ даже больше хозяина“), способнаго руководить работой и уважаемаго. Собственно приглашаетъ въ атаманъ тотъ же „хозяинъ“: онъ часто ранѣе, чѣмъ составитъ ватагу, отыскиваетъ себѣ атамана, но въ его интересахъ, чтобы атаманъ былъ изъ такихъ, которыхъ уважаютъ забродчики. Одинъ изъ забродчиковъ выбирается „въ кухари“. Участвуя въ дуванѣ на одинаковыхъ съ прочими правахъ, онъ однако не ходитъ на работу, оставаясь для приготовления пищи на ватагу и чтобы слѣдить за чистотою и порядкомъ въ „пріютѣ“. Иногда, если „не хватаетъ рукъ“, ватага нанимаетъ рабочихъ „за плату“, обыкновенно изъ иногороднихъ. Но иной казакъ приходитъ въ ватагу и проситъ вмѣсто пая давать ему известную плату поденно или понедѣльно. Хлѣбъ, квасъ, съѣстные припасы обыкновенно доставляетъ хозяинъ, но затраты на покупку ихъ „идутъ на артель“. Хозяинъ ведетъ счетъ, который онъ въ концѣ представляетъ ватагѣ. На случай болѣзни одного изъ забродчиковъ стараются обойтись безъ него, напр. если захворалъ кухарь, то его обязанности исполняются забродчиками поочередно: „нынче — я, другой разъ ты“. Если захворалъ заводчикъ (атаманъ), то на время болѣзни его замѣняетъ кто нибудь изъ забродчиковъ по выбору хозяина, по согласію прочихъ членовъ ватаги. Если причина неучастія въ работѣ забродчика уважительна, то онъ не теряетъ права на пай. Но если онъ неисправенъ въ работѣ по лѣности или пьянству, то ватага вычитаетъ за потерянное время изъ его пая при дуванѣ. Впрочемъ, если загулявшій успѣетъ во время образумиться и попроситъ у товарищей прощеніе, то „братски прощаютъ“ и только заставляютъ его поставить водки, которую и распиваютъ всѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ. Въ случаѣ крайней не-

обходимости „по своимъ дѣламъ“ напр. въ случаѣ смерти отца, жены и т. п., забродчикъ увольняется товарищами на сутки или на двое, при чемъ не спрашивается особаго позволенія у хозяина, такъ какъ въ такомъ случаѣ за него работаютъ товарищи. За порчу неводовъ и посуды, если она произошла не отъ злаго умысла, съ виновнаго вознагражденіе не взыскиваютъ, а ограничиваются тѣмъ, что „поругаютъ“ за неловкость; починка же идетъ на артельный счетъ, при чемъ впоследствии эта сумма вычитается хозяиномъ при дуванѣ. Неисправимыхъ забродчиковъ прочіе члены ватаги выключаютъ изъ своей среды, заплативъ за проработанное время. Забродческихъ ватагъ составляетъ по нѣсколько въ станицѣ. Когда начинается время лова (весной „отъ Святой до Троицы“), всѣ ватаги выѣзжаютъ на Донъ. Прибывъ „на мѣсто“, кидаютъ жребій, „какой ватагѣ за которой становиться“ на рѣкѣ. Для этого на ярлычкахъ пишутъ номера, скатываютъ ярлычки въ шарики и кладутъ въ шапку. Затѣмъ ватажные атаманы вынимаютъ шарики и въ порядкѣ доставшихся номеровъ становятся свои ватаги. Каждое утро, когда ватага поднимается еще до разсвѣта, кухарь приготовляетъ пищу. Закусивъ, ватага выѣзжаетъ съ разсвѣтомъ на Донъ. Нѣсколько позже являются хозяева къ своимъ мѣстамъ, верхомъ на лошадяхъ. Присутствіе хозяевъ необходимо, потому что обыкновенно тотчасъ же послѣ улова продаютъ добычу. Ранней весной, когда идетъ ледъ, рыбы попадается множество, поэтому уловъ часто торгуютъ ранѣе, чѣмъ приволокутъ къ берегу. На берегу въ это время толпятся покупатели—казаки и купцы изъ евреевъ и армянъ; продаютъ тому, кто даетъ больше. Пока уловъ еще тянутъ къ берегу и онъ еще въ водѣ, съ берега кричатъ: „продавай хозяинъ!“ Хозяинъ съ судна на это отвѣчаетъ: „двѣсти цѣлковыхъ“!...

— Проси меньше, кричатъ съ берега.

— Сто девяносто!...

— Проси меньше.

Наконецъ слаживаются, и покупатель кричитъ: „за мной“. Торгъ состоялся и отступаться съ обѣихъ сторонъ считается неприличнымъ. Говорятъ, что покупатели при этомъ вообще мало рискуютъ: глазъ ихъ уже навѣкъ, и они быстро, приглядываясь къ посудѣ по общему ея виду, опредѣляютъ величину улова; ошибки рѣдки. Когда ледъ пройдетъ, то покупатели уже не выходятъ на берегъ. Тогда рыбу хозяева сваливаютъ въ амбары и вялятъ тамъ. Продавъ уловъ рыбы и получивъ деньги, забродчики начинаютъ иногда сейчасъ же дѣлить ихъ. Предварительно вычитается изъ суммы потраченное на харчи и на починку „посуды“. Хозяинъ представляетъ „записки“ своимъ расходамъ, „а то и такъ безъ записокъ вѣрятъ“. Или же дѣлятъ прибыль по окончаніи всего срока ловли; поэтому выручка за каждый уловъ складывается въ общій сундукъ, до котораго никому не позволено насаться ранѣе срока. Забродческія ватаги распадаются вмѣстѣ съ прекращеніемъ рыбной ловли. (Все это записано со словъ самихъ станичниковъ).

Въ Маріинской ст. мнѣ сообщали о рыболовныхъ артеляхъ слѣдующее. Для ловли рыбы въ Дону здѣсь складываются двое казаковъ („половинщики“, „неводчики“) и покупаютъ сообща неводъ. Затѣмъ приглашаютъ къ себѣ человекъ 10 „рабочихъ“ изъ казаковъ или изъ иногороднихъ. Весь уловъ они раскладываютъ на 4 кучи, изъ коихъ три берутъ себѣ „неводчики“, а четвертую отдаютъ „рабочимъ“. Затѣмъ неводчики доставшееся на ихъ долю дѣлятъ между собой пополамъ. Точно также и „рабочіе“ раздѣляютъ свою долю „уравнительно“. Въ той же станицѣ казаки сообща откупаютъ общественныя озера. Если у нихъ наличныхъ денегъ нѣтъ, чтобы заплатить обществу за это, то они обращаются къ кому-нибудь изъ богатыхъ казаковъ, который и выплачиваетъ деньги за нихъ (100—150—200 р.), самъ же получаетъ ихъ обратно по окончаніи промысла. Но за одолженіе ему предоставляется право при каждомъ уло-

въ выбирать себѣ 4 самыхъ лучшихъ рыбы (сазанъ, щука, сулла, чебакъ). Если же ссудившій деньгами артель казакъ принимаетъ и самъ участіе въ рыбной ловлѣ, то, кромѣ возвращенія ему денегъ и кромѣ четырехъ рыбъ, ему дается еще ровная доля со всѣми остальными товарищами. Рыбную ловлю въ такихъ артеляхъ распоряжаются „неводчики“. Если артель надолго выѣзжаетъ въ озеро, то выбираетъ и кухаря. Продавъ уловъ, деньги дѣлятъ обыкновенно сейчасъ же.

Въ станицѣ Кепинской мнѣ сообщали слѣдующее. При ловлѣ рыбы въ общественныхъ озерахъ самими станичниками, которая производится всѣми сообща въ заранее назначенный атаманомъ день (подробнѣе сказано выше), складываются 5—6 человекъ и покупаютъ вмѣстѣ „посуду“, которою и пользуются всѣ участники въ ловлѣ. Хозяева этой посуды и составляютъ изъ себя „артель“. Изъ всего улова выдѣляется одна треть „на посуду“. Эта часть откладывается въ сторону и дѣлится вслѣдъ затѣмъ поровну между хозяевами посуды. Остальныя двѣ трети улова дѣлятся поровну между всѣми казаками, при чемъ въ этомъ дѣлежѣ хозяева посуды опять таки участвуютъ, получая равную съ остальными долю.

Или степ-
ь и лѣс-
ь охотни-
ковъ.

Артели для степной и лѣсной охоты встрѣчаются среди казаковъ и понынѣ. Такъ на хуторѣ Карайчевѣ мнѣ сообщали объ артеляхъ казаковъ при охотѣ на сайгаковъ. Человекъ 8 выѣзжаютъ „охотничать“ въ степь недѣли на 2. Шестеро охотятся, а двое стерегутъ коней, „чтобы калмыки не украли“. Пища готовится на общій счетъ („въ складчину“); добычу всѣ дѣлятъ поровну.

Въ ст. Кепинской сообщали, что въ то время, когда въ юрту было много лѣса и звѣрей, то станичники сходились „охотничать“ сообща. Выискивалось нѣсколько человекъ, которые складывались и покупали сообща „посуду“, т. е. тенета и пр. Затѣмъ всѣ желающіе шли въ лѣсъ и раскладывали сѣти. Всѣ имѣвшіе ружья садились въ засаду, а тѣ, у коихъ ружей не было, бѣгали и за-

гоняли дичь „въ тенета и подъ ружье“. Въ концѣ охоты вся добыча дѣлилась поровну между охотившимися, а „на посуду“ откладывалась особая часть.

Въ старину, по словамъ казаковъ нѣкоторыхъ мѣстностей, станичники хаживали валками на Манычъ. Ходили человекъ по 200, вооруженные, съ атаманомъ во главѣ, такъ какъ путешествіе въ степи въ то время, вслѣдствіе частаго нападенія калмыковъ, было опасно (зап. на хуторѣ Караичевѣ и др.).

Въ нѣкоторыхъ верховыхъ ст. сообщали мнѣ, что еще недавно казаки составляли валки фурциковъ. Порядиться съ хозяевами товара, они поручали кому-нибудь одному, кто былъ посмышленнѣе и затѣмъ „отправлялись въ путь товарищами“. Прибытокъ дѣлился по фурамъ: сколько у каждаго было фуръ, столько онъ получалъ и частей. Существуютъ ли нынѣ у казаковъ подобныя валки мнѣ неизвѣстно.

Въ казацкихъ полкахъ существуютъ также артели, но точныхъ свѣдѣній о нихъ я не имѣю.

О полевыхъ работахъ, совершаемыхъ сообща, мнѣ извѣстно слѣдующее. Въ былое время, когда степь еще кишѣла многочисленными врагами—жители многихъ станицъ, напр. Казанской, выѣзжали для работы въ поле „всею станицею“, имѣя при себѣ оружіе, а работали такъ, „чтобы каждой артели быть на виду у всѣхъ другихъ“; на ночь либо снова возвращались въ станицу, либо, оставаясь въ полѣ, съѣзжались всѣ въ одно мѣсто (Тим. I. с. р. 146). Въ нѣкоторыхъ станицахъ напр., въ Тишанской, этого обычая съѣзжаться вмѣстѣ на ночь, казаки не оставляли до послѣдняго времени при производствѣ какъ степнаго покоса, такъ и посѣва (Д. О. В. 1873, № 47). Общественныя запашки бывають въ нѣкоторыхъ станицахъ. Сообща вспахаютъ землю, посѣютъ хлѣбъ, скосятъ его и зерно ссыпають на пополненіе общественныхъ магазиновъ (зап. въ ст. Ярыженской и др.). Обычай „спрягаться“ и „складываться“ извѣстенъ у казаковъ, хотя, кажется, встрѣчается не

Валки въ
тешествіяхъ
солью на
нычъ.

Валки фур
ковъ.

Обычай «сп
гаться»
«склады-
ваться».

столь часто какъ у крестьянъ. Нерѣдко бѣдняки сформировываютъ „сборный плугъ“ и пахутъ вмѣстѣ (Д. О. В. 1876 г., № 51). Такъ въ Кепинской ст. складываются нѣсколько небогатыхъ хозяевъ вмѣстѣ пахать землю. Имъ требуется 4 пары быковъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 3-хъ паръ, „и то только если скотина надежная“. Одна пара быковъ считается за одну часть, плугъ — тоже одна часть, человекъ—тоже одна часть. „Смотрятъ, кто сколько съ собой частей принесъ: у одного напр. только пара быковъ, а у другаго—пара быковъ, плугъ, да еще сынъ—три части, у третьяго опять одна лишь часть и т. д.; вотъ и пахутъ: сначала одному одну часть вспахали, затѣмъ второму—его три части, потомъ третьему—его одну часть и т. д.; потомъ опять первому, опять второму и т. д.“. Величина „частей“ мѣряется саженими: обыкновенно 12 саж. составляютъ одну часть; или же пахутъ поденно: одинъ день тому—у котораго одна часть, три дня тому—у котораго три части. Если въ теченіе осени всю землю перепахать не успѣютъ, и зима застигнетъ за неоконченной работой, то, по словамъ казаковъ, поступаютъ такъ: у кого земли больше, тотъ даетъ отъ себя часть ея тому изъ пайщиковъ, у кого земля осталась неспаханною, за что самъ онъ получаетъ отъ послѣдняго право на слѣдующій годъ косить его траву.

„Слаживаются“ иногда и снимать съ поля хлѣбъ сообща. Это обыкновенно дѣлаютъ казаки одинокіе или тѣ, у которыхъ работниковъ въ семьѣ мало. Въ такихъ случаяхъ „по совѣсти и по соглашенію опредѣляютъ у кого снимать хлѣбъ сначала“. Снявъ у одного, идутъ къ другому, къ третьему и т. д. Случается, что и сѣно косятъ сообща—„десяткомъ“, т. е. всѣ тѣ, коихъ пай при раздѣлѣ попали въ одинъ десятокъ. Это обыкновенно бываетъ при покосахъ въ займищахъ. Казаки, пришедъ къ своему десятку и увидя, что доля тутъ на каждаго приходится очень маленькая и что, кромѣ того, трава не равна, рѣшаютъ, чтобъ никого не обидеть, скосить все сообща и сѣно потомъ раздѣлить поровну.

Обычая помогать всей станицей или всѣмъ хуторомъ кому-нибудь одному („помочи“) я не встрѣчалъ. Но въ Пятизбьянской ст. мнѣ рассказывали, что бывають „помочи“ слѣдующаго вида. Казакъ, отдѣлившійся отъ отца и начинающій новое хозяйство, приглашаетъ нѣсколькихъ сосѣдей помочь ему построить хату; тогда послѣдніе спрыгають воловъ, возятъ лѣсъ, пилятъ доски, за что хозяинъ предлагаетъ угощеніе: „по чаркѣ— по двѣ бѣлаго вина“.

Здѣсь кстати упомянуть о встрѣчающихся на Дону Артели воровъ и конокрадовъ. артеляхъ воровъ и конокрадовъ, въ составъ и конокрадовъ. которыхъ входятъ обыкновенно не казаки, а иногородніе, хотя и участіе казаковъ здѣсь несомнѣнно. Вотъ что напр. сообщаетъ объ этомъ г. Романовъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ по Медвѣдицѣ существуютъ цѣлыя общества воровъ подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ болѣе смысленыхъ членовъ. Они спланиваются въ одно цѣлое и ведутъ свое дѣло довольно искусно. Большинство жителей за извѣстную сумму денегъ или хлѣба вступаютъ съ ними въ сдѣлку и получаютъ на нѣкоторое время гарантію безопасности. Смѣлость воровъ дала поводъ думать, что они обладаютъ средствомъ напускать сонъ. Никто не рѣшается возвысить голоса противъ этого зла, не рискуя поплатиться своими пожитками (Д. О. В. 1873, № 33). Въ подобныя же соединенія другъ съ другомъ вступаютъ и конокрады. Вотъ что объ этомъ сообщается въ Д. О. Вѣдомостяхъ (1880 г., № 39) „На добромъ конѣ легко за ночь сдѣлать 30—35 верстъ и сдать его благопріятелю, который найдетъ ему уже путь. Вотъ эти то благопріятели или, просто говоря, пристанодержатели и есть корень всему злу. Люди эти на сбытъ воровскихъ лошадей смотрятъ какъ на коммерцію и наживаютъ иногда большія деньги, такъ какъ имъ достается львиная доля барышей. Воръ получить за лошадь 5, много 10 р., а пристанодержатель, навѣрное, выручить за нее 25 или 30 руб“.

Артели вв-
щихъ.

Наконецъ и среди нищихъ (иногороднѣ), между которыми слѣдуетъ различать „обыкновенныхъ“ и „субботниковъ“ встрѣчаются артельные соединенія. „Обыкновенные“ нищѣ ходятъ изъ дому въ домъ въ будничные дни человѣка по 2, по 3, субботники же ходятъ по субботамъ и въ праздникъ преимущественно по утру. Къ нимъ присоединяются и обыкновенные, такъ что ихъ ходитъ человѣкъ по 30-ти и болѣе. Они обходятъ всѣ дворы, преимущественно старообрядцевъ, которые особенно щедро творятъ милостыню, устраивая иногда даже обѣды для нихъ (на которыхъ нищѣ иногда дерутся между собою за лакомый кусокъ, доставляя тѣмъ веселыя минуты хозяину). Отказывающій нищимъ въ подаеніи бываетъ обруганъ. Собирая милостыню, они не гнушаются и воровства, а будучи пойманы съ украденною вещью смиренно говорятъ пойманшему: „Богъ съ тобой, батюшка, возьми, коли угадалъ“. Большую часть времени нищѣ проводятъ въ кабакахъ (Д. О. В. 1874 г., № 30). Въ другихъ мѣстахъ „странники въ видѣ компаній, по 2, по 3 человѣка вмѣстѣ, ѣздятъ на подводахъ и въ степныхъ хуторахъ, и въ глухихъ деревушкахъ, часто выдавая себя за монаховъ“. (Д. О. В. 1876 г. № 40); или же они въ видѣ переходящихъ старцевъ, убогенькихъ, „собираясь шаиками по нѣскольکو человѣкъ обоихъ половъ, вмѣстѣ посѣщаютъ людныя мѣста, распѣвая свои традиціонныя псалмы. Между ними находятся и люди физически здоровые, какъ актеры и фокусники, могущіе разыгрывать роли слѣпыхъ, хромыхъ и другихъ недужныхъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что бываютъ случаи кражи ими и уродованія дѣтей, для лучшаго обиранія съ помощью послѣднихъ народа крещенаго, о чемъ есть много рассказовъ и преданій, такъ же какъ и о томъ, что они подчасъ бываютъ грабителями и убійцами“. (I. с.)

Нынѣ, какъ и въ старину, казаки часто въ торжест-^{Общественные} венные дни и праздники „складываются“, чтобы сообща ^{шны и забавы.} погулять и повеселиться.

Въ старину на Рождество Христово старики „разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ Христа славить, начиная обыкновенно отъ войсковаго атамана. Самъ атаманъ приставалъ къ компаніи старшинъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они „Христось рождается“ и пр. За это хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги иные отдавали на соборъ, другіе покупали медь для бесѣдъ своихъ“. (Отеч. зап. 1824 г. 297.). Нынѣ пѣвчіе мальчики самоучки (въ тѣхъ мѣстностяхъ ^{На Рождествѣ.} гдѣ регентъ побывалъ) ходятъ на Рождество и на новый годъ по хатамъ богатыхъ казаковъ и получаютъ деньги, которыя они потомъ дѣлятъ такъ: одну треть или же половину получаетъ „голова“ или „правило“, который лучше всѣхъ знаетъ ноты и руководить пѣніемъ. Другую часть дѣлятъ пѣвчіе между собою поровну. Деньги эти мальчики употребляютъ на покупку лакомствъ, перьевъ, чернилъ и проч. (зап. въ Нижнекурморской ст.). Въ ст. Кепинской Христа славить ходятъ по 2 по 3 мальчика, раздѣляя потомъ поровну все собранное. Ходятъ мальчики и въ одиночку. Въ нѣкоторыхъ станицахъ, особенно въ прежнее время, накануне новаго года дѣвушки собирались „шайками“ и, обходя дома, „пѣли евсень“, за что хозяева дарили имъ мясо, сало, пятакъ, семакъ“ (зап. въ Кепинской ст. и др.).

На масляницѣ въ станицахъ составляется по нѣ-^{На масляницѣ.} сколько „шакъ“ казаковъ, чтобы вмѣстѣ погулять и повеселиться. Они выбираютъ изъ своей среды „атамана“ (въ др. мѣстностяхъ „хозяина“), который командуетъ шайкой и соблюдаетъ порядокъ. Въ атаманы выбираютъ человѣка веселаго и расторопнаго, который бы „языкомъ востеръ былъ“. Въ знакъ своей должности,

Хождение со
знаменемъ.

онъ носить особую насѣку. Въ помощь ему выбирается „есаулецъ“, которому вручается трость, съ навязаннымъ на ней пучкомъ „васильковъ“ (?). Онъ обязанъ помогать во всемъ „атаману“ и исполнять разныя порученія. Вся шайка (человѣкъ 10 и болѣе) отправляется къ ст. атаману въ станичную избу и получаетъ отъ него знамя. Послѣ этого шайка начинаетъ обходить дворы по очереди: „сначала погуляетъ у того, потомъ у другаго и т. д.“ Это называется ходить со знаменемъ. Прийдя къ кому-нибудь въ гости, знамя водружаютъ снаружи передъ его хатой, оставляя при немъ „часоваго“, обязанность коего исполняется всѣми поочередно. Пируютъ то у одного, то у другаго до поздней ночи, утромъ же продолжаютъ свой обходъ, предварительно посылая „есаульца“ извѣстить, у кого они будутъ. Атаманъ такой шайки творить и расправу. Если двое поссорились и подрались, что бываетъ нерѣдко, то онъ старается помирить ихъ, а строптиваго и поколотить. Прежде эти хоженія со знаменемъ были особенно оживленны: въ нихъ принимали участіе и старики самые почтенные; нынѣ же больше молодые казаки ходятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ такихъ хоженіяхъ принимаютъ участіе и женщины. Обыкновенно начинаютъ ходить со знаменемъ съ четверга сырной недѣли, а если годъ урожайный и прибыли много, то и ранѣе. Ходятъ вплоть до воскресенья, а вечеромъ въ этотъ день въ станичную избу приносятъ знамя обратно. (зап. въ Верхнекурморской ст. и др.).

Складчины.

Кромѣ этого, для пировъ на масляницѣ дѣлаютъ многіе казаки складчину, по полквартиры водки съ каждаго или менѣе. Въ большинствѣ станицъ, по словамъ г. Краснова, на масляницѣ казаки „собираются изъ хуторовъ на лошадахъ, выбираютъ изъ себя начальниковъ, производятъ разныя военныя эволюціи и упражняются въ стрѣльбѣ съ лошади въ листъ“ (М. д. Г. и Ст. Рос. С.П.Б. 1863 г., с. 424). Въ прощенное воскресенье передъ вечеромъ все стихаетъ; „только и видишь толпы посѣщающихъ род-

ственниковъ для прощанія и кучи дѣвушекъ и молодыхъ людей, заходящихъ въ каждую хату прощаться. Ходятъ также прощаться съ покойниками. Простившись со всѣми, молодежь заходитъ въ назначенную для этого свободную хату, дѣлаетъ складчину „съ носа копѣекъ по 10“, покупаетъ водки и гуляетъ до утра, т. е. до поста. На утро все уже тихо и смирно... „Теперь не то, говорятъ старики: бывало просыпаемся среди первой недѣли“ (Д. О. В. 1876 г., № 20).

На Троицынъ день въ ст. Малодѣльской заплетаютъ вѣнки, водятъ хороводы, кумятся, а на другой день бываетъ „ссыпка“. Молодые казаки, дѣвушки, а также и молодухи собираются въ одну хату и приносятъ съ собою яйца, хлѣбъ и деньги: „приготовятъ яичницу, водочки купятъ — выпьютъ, закусятъ, а потомъ начинаютъ пѣть пѣсни, играть игры и плясать“. Каждый участвующій въ ссыпкѣ приноситъ неравную долю, а „кто сколько можетъ“: иной бѣдный, да веселый, такъ его и безъ вклада приглашаютъ, — „поди, молъ, къ намъ: за твои пѣсни мы тебя и такъ уважаемъ“.

Кромѣ подобныхъ соединеній отдѣльныхъ лицъ внутри общины, бываютъ среди казаковъ пиры и празднества, въ которыхъ принимаетъ участие вся община.

Въ ст. Мечетенской, по словамъ г. А. Степанова, казаки ловятъ сообща рыбу въ станичной рѣчкѣ или прудѣ подъ 6-е августа, т. е. подъ престольный праздникъ станицы. „Число пойманной рыбы простирается иногда тысячь до пяти и раздается всѣмъ жителямъ, по извѣстной части на каждую семью. Остатокъ же употребляется на общественный обѣдъ, дѣлаемый въ честь престольнаго праздника въ пользу бѣдныхъ людей, проходящихъ странниковъ и другаго инороднаго люда. На этотъ общественный обѣдъ каждый житель, по собственному желанію, несетъ кто что можетъ. По окончаніи молебна въ станичномъ домѣ, станичные правители приглашаютъ священнослужителей къ закускѣ, а потомъ также приглашается къ обѣду на отдѣльный

Ссыпки на Троицынъ день.
Общественный обѣдъ въ престольный праздникъ.

столь каждый изъ проходящихъ, который, можетъ быть, не имѣеть куска хлѣба и копѣйки денегъ“ (Д. О. В. 1881 г., № 67).

Общественное
угощеніе въ
большіе празд-
ники.

Въ торжественные дни, какъ то: въ день Рождества Христова, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ день Государевыхъ именинъ, бываетъ также во многихъ станицахъ „общественное угощеніе“. Атаманъ выходитъ на крыльцо станичной избы, поздравляетъ собравшихся станичниковъ съ праздникомъ и приказываетъ выставить водку. Есаулецъ угощаетъ всѣхъ казаковъ, которые подходятъ по очереди и выпиваютъ по рюмкѣ, атаманъ же стоитъ подлѣ и слѣдитъ, чтобы „кто-нибудь лишней противъ прочихъ рюмки не выпилъ“ (зап. въ Аннинской ст. и др.).

Въ прощенное воскресенье къ вечеру атаманъ приказываетъ вынести изъ правленія скамьи и столы въ ожиданіи возвращенія казаковъ со знаменами. Когда всѣ соберутся, атаманъ угощаетъ станичной водкой; всѣ пируютъ, поютъ пѣсни и, „какъ донской обрядъ велитъ“, качаютъ атамана и уважаемыхъ стариковъ, кидая ихъ „подъ бѣлыя облака“.

На Красной
горкѣ.

Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ ст. Малодѣльской казаки сначала разговляются въ своихъ семьяхъ. Потомъ дѣлается чрезъ есаульца „закличка“ и всѣ выходятъ на майданъ, принося съ собою закуску. Изъ станичной избы выходитъ атаманъ, поздравляетъ съ праздникомъ, угощаетъ всѣхъ станичниковъ водкой, а потомъ „кладетъ такой завѣтъ: чтобы за всякій проступокъ, за пьянство, за драку и проч. въ теченіе Святой недѣли провинившемуся расплачиваться на Красной Горкѣ водкой. Когда наступаетъ Красная Горка, провинившихся вызываютъ на майданъ и заставляютъ поставить водку, которая и распивается тутъ же станичниками. Въ это время подходятъ къ собранію дѣвушки съ блюдомъ крашенныхъ яицъ, которое онѣ подносятъ атаману и старикамъ. Это называется „выкупать весну или Красную Горку“, т. е., по объясненію казаковъ, про-

Выкупъ весны.

силь въ замѣнъ принесенныхъ въ даръ яицъ позволенія поиграть и повеселиться. Для этого выкупа весны каждая дѣвушка приноситъ изъ дому одно яйцо. Атаманъ, принявъ дѣвичій даръ, даетъ имъ водки. Потомъ дѣвушки выходятъ на поляну за станицу и угощаютъ другъ друга, а затѣмъ начинаютъ пѣть веснянки, играютъ весеннія игры, „заплетаютъ и расплетаютъ плетень“ и водятъ хороводы. Къ нимъ присоединяются и молодые казаки. Старики послѣ пира на майданѣ также выходятъ на поляну посмотреть на дѣвушекъ и „пошутить“ съ ними. Безъ подобнаго выкупа весны казаки не позволили бы дѣвушкамъ ихъ обрядовыхъ игръ *).

*) При „празднованіи весны“ дѣвушки и молодые казаки, составляютъ хороводъ, внутри котораго становится казакъ. Хороводъ поетъ:

Ходитъ Борисъ по хороводу,
Ищетъ себѣ ласковую тещу,
Привѣтливую невѣсту:
„Будь ты мнѣ тещей,
„Твоя дочь—невѣстой.

Казакъ останавливается передъ одной изъ казачекъ, участвующихъ въ хороводѣ, и кланяется, на что она отвѣчаетъ:

Я тебѣ не теща,
Моя дочь тебѣ не невѣста.

Казакъ отвертывается и дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Хороводъ опять поетъ: „Ходятъ Борисъ по хороводу и т. д.“. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ казачекъ не отвѣтитъ:

Я тебѣ теща,
Моя дочь тебѣ невѣста.

Хороводъ поетъ:

Сходитесь, люди, сходитесь, добрые,
Къ Борису на свадьбу—
Пиво распивать, вино разливать.
Пиво распили, вино-то разлили
Борисову свадьбу всю раскалили.

(зап. въ Малодѣльской ст., подробности обряда бесѣдовавшая со мной казачка не помнить).

На всѣхъ весеннихъ сборищахъ станичной молодежи поются „веснянки“, между прочимъ и слѣдующія:

Проводы каза-
ковъ на
службу.

Не менѣ торжественны бываютъ проводы казаковъ на службу. Провожаящіе выѣзжаютъ за станцію на холмъ или курганъ, которые существуютъ при всякомъ поселеніи подъ названіемъ плакучихъ или веселыхъ

По горамъ горамъ пожары горять,
Ой ранымъ рано пожары горять,
По дугамъ вода разлилась,
Ой ранымъ рано вода разлилась.
По доламъ цвѣты разцвѣли,
Ой ранымъ рано и т. д.
Всѣ то цвѣты весело стоять,
Ой ран. и т. д.
Одинъ цвѣтокъ не веселъ стоитъ,
Ой ран. и т. д.
Что же ты, цвѣтокъ, не веселъ стоишь?
Ой ран. и т. д.
Аль тебѣ, цвѣтокъ, весны не было?
Ой ран. и т. д.
„Хоть была весна, да не радостная,
„Ой ран. и т. д.
„Все мочливая, все сухменная.....

Ковылка трава горѣла,
А я молода тушила,
Съ купцомъ по воду ходила.
Въ томъ то во Донцѣ воды нѣтъ,
Въ томъ то молодцѣ правды нѣтъ:
Любилъ дѣвушку—да не взялъ,
Сулилъ ленточку—не дарилъ.
Хоть дарилъ онъ да иную—
Подружку мою милую.

Возлѣ тыну хожу молода
Ранымъ рано,
Бѣлѣ хоперь сажу
Ранымъ рано,
Не быть хопру со тыномъ равну
Ранымъ рано,
Не быть свекору противъ батюшки
Не быть свекрови противъ матушки.....
(зап. въ Малодѣльской ст.).

(Тим.). Сюда приглашается и духовенство отслужить молебень. Пируютъ и поютъ пѣсни здѣсь иногда дня по два.

Точно также и по возвращеніи казаковъ съ похода родная станица торжественно встрѣчаетъ ихъ. Изъ команды, по словамъ г. Никулина, высылаются „передовые“ оповѣстить станичнаго атамана, что команда казаковъ такого-то полка проситъ встрѣтить ихъ и о томъ, что они несутъ для церкви икону или хоругвь и проч. Всѣ бросаютъ работу и выходятъ на встрѣчу возвращающимся, либо за станицу, либо на майданъ. При звонѣ церковныхъ колоколовъ станичный атаманъ въ сопровожденіи стариковъ, женщинъ и дѣтей, съ иконою въ рукахъ, встрѣчаетъ возвращающихся. Атаманъ и старшій команды соединяютъ лики иконъ, и сами цѣлуются, а потомъ идутъ въ церковь. Отслуживъ молебень, атаманъ приглашаетъ возвратившихся въ правленіе, принять угощеніе отъ станицы (I. с.). Вернувшійся казакъ кланяется три раза въ ноги родителямъ и затѣмъ цѣлуется съ ними. Послѣ этого ему въ ноги кланяется жена его и другіе родственники. Въ Донецкомъ округѣ, по словамъ г. Сонина, послѣ привѣтствія мужу, жена кланяется въ ноги коню и благодаритъ его за благополучное доставленіе супруга, а потомъ ведетъ его за поводъ до станичнаго правленія, гдѣ ожидаютъ возвратившихся атаманъ и старики съ хлѣбомъ — солью и водкою на станичный счетъ. Атаманъ подноситъ каждому хлѣбъ-соль, которую принимающій цѣлуетъ, обнимая затѣмъ атамана и всѣхъ предстоящихъ (I. с.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодно всей станицей служатъ торжественныя панихиды по усопшимъ воинамъ и справляютъ тризны. Объ этихъ празднованіяхъ упоминаетъ еще А. Ригельманъ (I. с. р. 45). Г. Красновъ рассказываетъ, что въ Монастырскомъ урочищѣ въ трехъ верстахъ отъ ст. Старочеркасской, гдѣ, по преданію, въ 1643 г. храбро пали казаки въ битвѣ съ

Встрѣча казаковъ, возвращающихся со службы.

Общественныя панихиды и тризны.

турками, въ пятницу (по Ригельману—въ субботу) на масляницѣ совершается „панихида съ церемоніаломъ, состоящимъ въ томъ, что избирается особый атаманъ, который командуетъ нѣсколькими взводами казаковъ, наряжаемыхъ изъ разныхъ близъ лежащихъ станицъ. Этотъ отрядъ, со станичными знаменами, духовенствомъ и населеніемъ, отправляется на монастырское кладбище, гдѣ и служится панихида, послѣ которой производится ружейная стрѣльба, а по окончаніи всего церемоніала дѣлается закуска въ станичномъ правленіи, частью на войсковыя суммы, частью по подпискѣ деньгами и натурою т. е. виномъ“ (1. с. р., 424). Въ ст. Луганской въ четвергъ на масляницѣ также служатъ панихиду на площади стараго городка у деревяннаго креста. Въ означенный день „праздникъ открывается водруженіемъ хоругви у крыльца станичнаго правленія. Къ этому дню со всѣхъ хуторовъ съѣзжаются жители въ станицу съ цѣлью побывать въ старомъ городкѣ“. (Казач. Вѣст. 1883 г., № 2). Каждый привозитъ съ собою бутылку водки и „орѣшки“.—„Утромъ на площади ставятъ столъ съ хлѣбомъ-солью кладутъ на него старую атаманскую насѣку изъ терноваго дерева, съ оловянною головкою и мѣдною оправою на нижнемъ концѣ; самая трость имѣетъ насѣчки, сдѣланныя тогда, когда деревцо росло еще на корнѣ. По командѣ станичнаго атамана, верховые съ распущенными хоругвями выѣзжаютъ изъ станицы въ старый городокъ, находящійся въ 7 верстахъ разстоянія отъ станицы. На мѣстѣ, по окончаніи панихиды, станичный атаманъ предлагаетъ священно-церковно-служителямъ и почтеннымъ гражданамъ хлѣбъ-соль и вино; остальные же изъ прибывшихъ составляютъ особые кружки, гдѣ также идетъ угощеніе. Затѣмъ переѣзжаютъ на Моськину могилу *) — большой

*) Слѣдующее преданіе объ этомъ курганѣ мнѣ сообщилъ В. П. Юшневскій. Жилъ казакъ Моська-разбойникъ. Онъ заманивалъ разными хитростями дѣтей, дѣвушекъ и женщинъ въ зѣсъ и продавалъ

курганъ, который находится на открытой ровной площади. Тутъ бываетъ въ это время скачка“ (ibid). Атаманъ вѣзжаетъ на холмъ, который въ это время бываетъ весь усѣянъ любопытствующими станичниками. Въ это время одинъ изъ урядниковъ формируетъ скакуновъ, становить ихъ на мѣста и командуетъ: „разъ, два, три—пошелъ“. Кто первый доскачетъ, тотъ увольняется на три недѣли отъ службы при станичномъ правленіи; пріѣхавшій вторымъ—освобождается на двѣ недѣли, пріѣхавшій третьимъ—на одну недѣлю. Одного казака рѣшили навсегда устранить отъ участія въ скачкахъ, потому что онъ постоянно приходилъ первымъ. Подскакавшій къ мѣсту бросаетъ вверхъ шапку и кричить „ура“. Тогда ему подносятъ водку и „орѣшки“, а также дарятъ деньги (иногда до руб. 5) (со словъ В. П. Юшневскаго). По окончаніи скачки всѣ возвращаются въ станицу, гдѣ оставленные у столовъ старики встрѣчаютъ пріѣзжихъ и угощаютъ водкой; этимъ и заканчивается праздникъ (Каз. Вѣстн.).

Водка, пиво и медъ, нынѣ покупаемые казаками для всѣхъ общественныхъ празднествъ и пировъ, еще не такъ давно приготовлялись самими станичниками. Въ Пятиизбянской ст. еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ правленіи хранился огромный котелъ, въ которомъ приготовлялось „станичное пивомедіе“.

Говоря о станичныхъ увеселеніяхъ, кстати будетъ упомянуть и о казацкихъ „улицахъ“. Осенью или весною, когда у казаковъ меньше работы, а также и въ праздники, все населеніе собирается то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ станицы или хутора. Эти собранія и назы-

«Улица».

ихъ татарамъ, которые являлись изъ за Донца, каждый разъ какъ Моська свиснетъ. Одной шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ удалось убѣжать отъ татаръ. Она и рассказала станичникамъ о продѣлкахъ Моськи. Казаки, собравшись въ кругъ, рѣшили повѣсить разбойника на дубу, а потомъ насыпали большой курганъ надъ его тѣломъ и справляютъ теперь тризну „въ память избавленія ихъ отъ Моськи“.

ваются улицами. Старушки и замужнія женщины усаживаются въ сторонкѣ и ведутъ съ сосѣдками степенную бесѣду; казаки постарше тоже собираются въ кучку въ сторонѣ и толкуютъ о своихъ дѣлахъ; а молодежь обоего пола веселится особо: поетъ пѣсни, водить хоропроводы, играетъ въ разныя игры и т. п. Нынѣ въ многихъ станицахъ улицы стали собираться близь шинковъ, поэтому и „пьянство здѣсь идетъ большое“, въ которомъ принимаютъ участіе часто и женщины и даже дѣвушки.

Часто между собравшимися на улицу молодыми казаками завязываются кулачные бои. Всѣ „ребята“ раздѣляются на двѣ партіи: жители одного конца станицы идутъ противъ жителей другаго конца „стѣнкой на стѣнку“. Сначала, обыкновенно, засылаютъ маленькихъ казачатъ, которыхъ „травятъ другъ на друга“. Мальчишки набѣгаютъ другъ на друга верхомъ на палкахъ, вооруженные прутьями и съ крикомъ „ура“. Вслѣдъ за ними уже вступаютъ въ бой и взрослые (зап. въ Камышевской ст. и др.). Кулачные бои доставляютъ большое удовольствіе молодежи, а потому мѣстами на столько обыкновенны, что, при встрѣчѣ двухъ молодыхъ казаковъ, между ними нерѣдко можно услышать слѣдующій разговоръ:

— Улица гдѣ вчера была?

— У Котельниковыхъ.

— Кого били?

— Такихъ то.

Кулачные бои особенно ожесточенны бываютъ осенью, весною около Троицына дня, а также на масляницѣ. Въ это время молодежь собирается большими партіями, и кулачный бой устраивается между двумя хуторами или между хуторами и станицей. Въ этихъ битвахъ, наравнѣ съ казаками, принимаютъ участіе и живущіе при станицахъ и хуторахъ иногородніе *).

*) Г. Красновъ утверждаетъ, что „кулачные бои производятся только у серединцевъ“ (1. с. р. 424), т. е. у казаковъ средняго теченія Дона. Мнѣ же доводилось не только слышать рассказы объ этихъ

Въ теченіе всей зимы во многихъ станицахъ и хуторахъ бываютъ „сидѣлки“ или „сидѣлушки“, на которыя собираются дѣвушки по вечерамъ „вмѣстѣ работать“. Такія собранія бываютъ у какой нибудь вдовы или одинокой женщины, которая предоставляетъ въ распоряженіе молодежи свою хату, съ тѣмъ, чтобы гости на свой счетъ приносили свѣчи. Въ благодарность своей хозяйкѣ дѣвушки моютъ ей хату и пособляютъ ей въ работахъ. Собираясь сюда, дѣвушки приносятъ съ собой яйца, хлѣбъ, цыпленка и дѣлаютъ общую складчину. Сюда же приходятъ молодые казаки съ водкой. Дѣвушки работаютъ, а казаки веселятъ ихъ шутками и пѣснями. Потомъ дѣвушки бросаютъ работу и начинаются игры. Хозяйка между тѣмъ готовитъ ужинъ, послѣ котораго всѣ расходятся по домамъ, при чемъ всякій казакъ провожаетъ свою любимую дѣвушку вплоть до ея двора. Оставаться ночевать, сколько мнѣ извѣстно, не въ обычаѣ. Подобныя сидѣлушки собираются одновременно въ разныхъ концахъ станицы, при чемъ на нихъ не только не пускаютъ (на сколько мнѣ извѣстно) казаковъ чужаго хутора, но и жителей другаго конца, другой улицы одного и того же поселенія, (зап. въ Луковской ст. и др.). Но обычай сидѣлокъ, повидимому, выводится (по крайней мѣрѣ мѣстами). Такъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ мнѣ сообщали, что больше собираться не позволяютъ, „по причинѣ безобразій“. Въ Евтеревской стан. мнѣ прямо заявляли, что „сидѣнокъ такихъ, какъ у хохловъ, здѣсь нѣтъ“; дѣвушки собираются зимой въ одну какую нибудь хату къ подругѣ и тутъ прядутъ и вяжутъ чулки, а потомъ, когда наскучитъ работа, начинаютъ играть; казаки же на эти собранія не ходятъ, потому что не позволяютъ

бояхъ отъ самихъ казаковъ Хоперскаго и Медвѣдицкаго округовъ, но и видѣтъ самому собиравшихся въ одну августовскую ночь на подобный кулачный бой молодыхъ казаковъ между станицами Ярыженской и Дурновской.

старшіе: „если кто изъ старшихъ узнаеть, что были ребята, то перестануть пускать дѣвокъ“.

Вечеринки.

Отъ сидѣлокъ слѣдуетъ отличить „вечеринки“, которыя бывають въ той хатѣ, гдѣ есть женихъ или невѣста. Собравшаяся здѣсь молодежь играетъ, поетъ пѣсни и пляшетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по окончаніи вечеринокъ, молодые люди остаются ночевать (подробнѣе было сказано выше).

К О Н Е Ц Ъ .

к 30

Готовится къ печати:

Сборникъ рѣшеній донскихъ станичныхъ судовъ.

81-

